

XXXIV.

Сказка о семи Симеонахъ родныхъ братьяхъ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣ-
которомъ государствѣ жилъ
мужикъ съ своею женою. Они
были люди зажиточные и же-
лали имѣть у себя дѣтей; но
дѣтей у нихъ не было; такъ
они и дожили до старости и
стали просить Бога, чтобы Онъ послалъ
имъ сына для подпокры въ ихъ старости.

Богъ услышалъ молитву ихъ, и роди-
лось черезъ годъ у нихъ семь сыновей,
которыхъ и называли всѣхъ Симеонами. Они
стали расти у нихъ, и старикъ со стару-
хою любовались своими дѣточками и, про-
живши нѣсколько времени, померли, и
остались одни Симеоны сиротами; начали
работать они въ полѣ; хотя имъ было по
десяти лѣтъ, но они работали не хуже трид-
цатилѣтняго мужика.

Въ одно время, когда Симеоны рабо-
тали на полѣ, случилось мимо ихъ поля
ѣхать царю Адору, который, увидѣвъ ра-
ботающихъ на полѣ, приказалъ позвать всѣхъ
къ себѣ, и когда тѣ были призваны, то царь

спросилъ ихъ имена и очень удивился, услышавъ, что всѣхъ ихъ зовутъ Симеонами и что они всѣ родные братья. Царь Адоръ приказалъ взять ихъ въ свой дворецъ; Симеоны тотчасъ были взяты и отправлены встѣдъ за царемъ. Когда царь пріѣхалъ въ свой великолѣпный дворецъ, то собралъ всѣхъ министровъ и другихъ людей, которые служили въ думѣ царской; когда всѣ собрались, то царь Адоръ сказалъ имъ:

— Господа мои министры, дайте мнѣ совѣтъ свой, что мнѣ дѣлать съ этими мальчиками. Они не имѣютъ ни отца ни матери и никакихъ другихъ родственниковъ; я хочу ихъ сдѣлать такими людьми, чтобы они послѣ меня благодарили, почему и требую у васъ совѣта: что въ какую науку отдать этихъ сиротъ?

Тогда царь Адоръ замолчалъ и ждалъ отвѣта своихъ министровъ.

Министры, посовѣтовавшись между собою, сказали царю Адору:

— Государь, какъ ужъ эти мальчики на возрастѣ и могутъ различить худое отъ хорошаго то пусть они сами выберутъ себѣ, въ какое они хотятъ быть отданы ученье.

Царь съ удовольствіемъ принялъ совѣтъ своихъ министровъ и, подозвавши къ себѣ старшаго Симеона, спросилъ его:

— Слушай, другъ мой: въ какую науку хочешь быть ты отданнымъ?

Симеонъ, не думавши нimalo, отвѣчалъ царю Адору:

— Ваше величество, я не желаю учиться ничему, а если бы вы приказали построить кузницу посреди дворца вашего величества, то сковаль бы я вамъ столбъ вышиною до неба.

Царь Адоръ, видя, что Симеонъ хороший кузнецъ, сказалъ ему:

— Ты можешь оставаться при своемъ ремеслѣ,—и, обращаясь къ другому Симеону, спросить его:

— Ну, а ты, мой другъ, въ какое желаешь идти ученье?

Тогда Симеонъ отвѣчалъ царю Адору:

— Ваше величество, я не желаю идти въ ученье, а ежели братъ мой скуетъ столбъ до самаго неба, то я могу влѣзть по этому столбу на самый верхъ и увидеть, что дѣлается въ тридесятимъ царствѣ, и могу увидеть, что дѣлается во всѣхъ государствахъ, и буду сказывать вамъ.

Симеонъ замолчалъ, а царь сказалъ ему:

— Ну, я тебя не отдамъ учиться, потому что ты и такъ уже ученый человѣкъ.

Потомъ царь спросилъ третьяго Симеона:

— Куда ты, другъ мой, и въ какое хочешь идти мастерство?

Тогда третій Симеонъ сказалъ царю:

— Ваше царское величество, не желаю я ничему учиться, а ежели мнѣ скуеть большой братъ топоръ, то я въ нѣсколько часовъ сдѣлаю корабль, который будетъ ходить и на водѣ и подъ водою.

Тогда царь сказалъ Симеону:

— Мнѣ, другъ мой, такіе скорые корабельные работники надобны, и поэтому тебя учить ничему не нужно.

Потомъ царь спросилъ четвертаго Симеона:

— Ну, а ты, другъ мой, желаешь чему-нибудь учиться?

— Нѣтъ, ваше величество,—отвѣчалъ Симеонъ:—я учиться ничему не желаю, а ежели третій братъ мой сдѣлаетъ вамъ корабль и будетъ онъ въ морѣ, то я могу опуститься съ нимъ подъ воду, если это будетъ нужно.

Царь удивился такому мудрецу и сказалъ:

— Тебѣ не къ чему учиться, потому что гдѣ бы ты не учился, и то не выучился бы такой мудрости: поэтому ты можешь остаться при своей учености.

Потомъ царь спросилъ пятаго Симеона:

— Ну, дружокъ, братья твои не бу-

дутъ отданы ни въ какое ремесло учиться, потому что они и такъ уже лучше ученаго, а ты скажи мнѣ: умѣешь ли ты что нибудь дѣлать?

Тогда Симеонъ сказалъ царю:

— Ваше царское величество, если старшій братъ мой скуетъ мнѣ ружье, то этимъ ружьемъ я могу убить на лету птицу, ежели она летитъ и за сто верстъ.

Симеонъ замолчалъ, а царь сказалъ ему:

— Ты хорошій стрѣлокъ, и поэтому тебѣ учиться ничему не надобно.

Потомъ царь обратился къ шестому Симеону и спросилъ его:

— Ну, другъ мой, ты желаешь ли чему-нибудь учиться?

Тогда Симеонъ сказалъ въ отвѣтъ царю:

— А ежели мой братъ будетъ стрѣлять птицъ, то я ихъ могу на лету подхватывать, не допустивши до земли.

— Ну, Симеонъ, и ты хорошій малый, когда можешь ловить на лету птицу, и поэтому тебѣ не для чего учиться.

Потомъ царь спросилъ послѣдняго Симеона:

— Ну, ты, другъ мой, что можешь дѣлать?

Тогда Симеонъ сказалъ царю:

— Ваше величество, я хотя не умѣю ничего дѣлать, но и не желаю ничему учиться,

а ежели вамъ будетъ угодно послать меня въ Капемпрское царство, то я достану тамъ для васъ Елену прекрасную, которую, вы давно желаете имѣть своею женою; только отпустите со мною и всѣхъ моихъ братьевъ.

Царь, подумавши немного, сказалъ Симеону:

— Я отпущу съ тобою твоихъ братьевъ, и ежели ты достанешь мнѣ Елену прекрасную, то я награжу тебя своею казною; а ежели ты не достанешь, то лучше не являйся мнѣ на глаза, а то я прикажу казнить тебя.

Симеонъ поклонился царю Адору и вышелъ вонъ; желѣзный столбъ былъ давно уже готовъ, по которому второй Симеонъ влѣзъ до самой маковки столба и рассказывалъ, что дѣлается во всѣхъ государствахъ.

Послѣдній Симеонъ, пришедши къ своимъ братьямъ, сказалъ имъ, что пора отправляться. Братья скоро собрались въ путь, запаслись съѣстными припасами и другими вещами, необходимыми для дорожныхъ людей, и отправились.

Вотъ они идутъ, разсуждаютъ кой-о чемъ и приходятъ къ Синему морю, чрезъ которое надобно имъ переѣхать; но переѣхать не на чемъ. Тогда третій Симеонъ

вынулъ изъ-за пояса топоръ, который сдѣлалъ ему старшій братъ, отыскалъ дерево и не больше какъ черезъ два часа сдѣлалъ корабль, который былъ оснащенъ и нагруженъ разнымъ товаромъ. Братья удивились такому чуду и велѣдъ за третьимъ Симеономъ отправились на корабль, на которомъ и поплыли.

Младшій Симеонъ нашелъ на кораблѣ кошку, которую и сталъ учить плясать и выдѣлывать разныя штуки; наконецъ, они прибыли въ то государство, въ которомъ была Елена прекрасная.

Они остановились у пристани, и младшій Симеонъ, взявши свою кошку, вышелъ на берегъ и тотчасъ же отправился ко дворцу, передъ окнами котораго заставилъ плясать свою кошку. Кошка плясала и выдѣлывала разныя штуки; въ это время Елена прекрасная смотрѣла изъ окна и видѣла пляску кошки, которой она еще никогда не видала.

Она велѣла своимъ служанкамъ позвать Симеона во дворецъ; когда Симеонъ пришелъ туда, то царица спросила его:

— Послушай, другъ мой, такъ какъ у насъ въ государствѣ нѣтъ такого звѣрька, который у тебя, то я желала бы имѣть его; продай мнѣ, пожалуйста, да скажи, какъ этотъ звѣрекъ называется.

Симеонъ поклонился царицѣ и сказалъ, что этотъ звѣрекъ называется кошкою; а ежели ей угодно его имѣть, то онъ подарить его ей.

Прекрасная Елена очень обрадовалась такому подарку и просила Симеона быть при дворцѣ, куда кошка не привыкнетъ.

Симеонъ, поклонившись, сказалъ:

— Ваше величество, такъ какъ на моемъ кораблѣ нѣтъ такихъ людей, которымъ бы я могъ ввѣрить все, то я и долженъ быть самъ на кораблѣ, а ежели вамъ угодно будетъ, то я стану приходить къ вамъ и учить кошку.

Прекрасная Елена, подумавши немного, согласилась, и Симеонъ сталъ ходить во дворецъ каждый день.

Въ одно время, когда онъ былъ во дворцѣ, то сказалъ царицѣ:

— Ваше величество, не угодно ли вамъ будетъ пройти на мой корабль? Тамъ вы увидите много рѣдкостей, которыхъ нѣтъ въ вашемъ государствѣ; я ихъ досталъ въ Индіи.

Царица, подумавши немного, изъявила желаніе быть на кораблѣ Симеона, и на другой день, взявши съ собою нѣсколько прислужницъ, отправилась на корабль Симеона.

Младшій Симеонъ встрѣтилъ царицу на пристани, и когда царица сказала ему, чтобы онъ показалъ рѣдкія вещи, какъ онъ говорилъ, тогда Симеонъ сказалъ царицѣ:

— Ваше царское величество, войдите на мой корабль и тамъ вы все увидите; только осмѣлюсь еще сказать вамъ, чтобы прислужницы ваши остались на пристани и не входили на корабль, потому что у меня такія рѣдкости, которыхъ имъ нельзя видѣть.

Елена прекрасная, не подозрѣвая замысла Симеона, приказала дѣвицамъ, которыя ее провожали, остаться на пристани, а сама вошла на корабль.

Симеонъ, увидя царицу на кораблѣ одну, приказалъ тотчасъ поднимать паруса и обрубить канаты; все было сдѣлано въ одну минуту, и корабль на всѣхъ парусахъ полетѣлъ стрѣлою.

Царица, видя себя обманутою, тотчасъ превратилась въ лебедя и вспорхнула на воздухъ; но четвертый Симеонъ не дремалъ: онъ тотчасъ же выстрѣлилъ изъ ружья, и лебедь, заколебавшись на воздухѣ, готовъ былъ упасть въ море; но пятый Симеонъ, не допустивши ея до этого, схватилъ на воздухѣ и перенесъ на корабль, гдѣ она тотчасъ превратилась въ Елену прекрасную.

Все сдѣлалось благополучно, и братья плывутъ близъ своего царства, какъ вдругъ второй Симеонъ увидалъ съ мачты, что за ними ужасная погоня. Онъ тотчасъ слѣзъ съ мачты и объявилъ о несчастіи; братья перепугались и не знали что дѣлать, но шестой братъ бросился въ море, схватилъ корабль за носъ и съ нимъ погрузился въ воду и такимъ образомъ увелъ свой корабль отъ преслѣдованія и благополучно довелъ до своего царства.

Царь Адоръ, услышавши, что пришелъ корабль, приказалъ позвать къ себѣ Симеоновъ, и когда тѣ явились, то царь спросилъ ихъ, достали ли они Елену прекрасную.

Тогда младшій Симеонъ отвѣчалъ царю:

— Ване величество, мы привезли Елену прекрасную, и она теперь на кораблѣ.

Царь Адоръ тотчасъ же приказалъ подать карету и поѣхалъ къ кораблю. Когда царь пришелъ на корабль, то царица сказала ему:

— Царь Адоръ, когда ты умѣлъ перехитрить меня, то тебѣ владѣть мною.

Адоръ, услыша эти слова, былъ несказанно радъ и пригласилъ Елену прекрасную въ свой дворецъ. Царица тотчасъ согласилась и сѣла съ царемъ въ карету.

По приѣздѣ во дворецъ царь Адоръ

сдѣлать пиръ, который продолжался три дня; наконецъ, по прошествіи нѣсколькихъ дней, царь пришелъ къ Еленѣ прекрасной и сказалъ ей, что такъ какъ она была согласна отдать ему руку, то онъ желаетъ, не откладывая, обвѣнчаться завтрашній день.

Елена прекрасная, выслушавъ слова царя, сказала ему въ отвѣтъ:

— Царь Адоръ, ежели ты хочешь имѣть меня своею женою, то прикажи достать изъ моего царства мою карету и лошадей; когда это все будетъ у меня, тогда я согласна буду идти подъ вѣнецъ.

Царь, выслушавъ до конца рѣчь царицы, распростился съ нею и пошелъ въ свой покой; придя туда, онъ тотчасъ же приказалъ позвать младшаго Симеона и объявилъ ему свою волю.

Симеонъ, выслушавъ повелѣніе царя, отвѣчалъ ему:

— Ваше царское величество, повелѣніе ваше я исполню въ точности, только дайте мнѣ сроку на десять дней и лучшаго коня изъ вашей конюшни.

Царь тотчасъ же приказалъ Симеону идти выбрать себѣ коня и, давъ ему денегъ на дорогу, назвалъ молодцомъ.

Симеонъ вышелъ изъ дворца, пошелъ

въ конюшни царскія, выбралъ себѣ лучшаго коня, простился съ братьями и отправился въ дорогу.

Долго ли, мало ли прошло времени въ дорогѣ, я не знаю объ этомъ. Наконецъ, Симеонъ пріѣхалъ въ царство Елены прекрасной и остановился въ домѣ одной старухи, переночевалъ у нея ночь и на другой день, накупивши разныхъ мелкихъ колецъ, серегъ, перстней, булавочекъ и прочихъ вещей, отправился торговать.

Придя на царскій дворъ, сталъ ихъ продавать кучерамъ и лакеямъ и продалъ весь свой товаръ; на другой день онъ опять пришелъ къ нимъ съ этимъ же товаромъ, и такъ Симеонъ ходилъ къ нимъ четыре дня; въ это время онъ успѣлъ коротко познакомиться и узнать, гдѣ та конюшня, въ которой находятся карета и лошади Елены прекрасной.

Наконецъ, на пятый день вечеромъ, онъ пришелъ къ нимъ и принесъ съ собою вина. Тотчасъ же началась попойка, бутылка за бутылкою являлись на столъ, и чрезъ нѣсколько часовъ всѣ лежали кто на полу, кто на скамейкѣ; только одинъ Симеонъ сидѣлъ за столомъ, и, видя своихъ собесѣдниковъ спящими, онъ тотчасъ же отправился шарить ихъ карманы и нашелъ

въ карманѣ конюха ключи отъ конюшни. Найдя ключи, Симеонъ тотчасъ же вышелъ на дворъ и, пришедши въ конюшню, отворилъ ее ключемъ, вывелъ лошадей, запрегъ въ карету и поѣхалъ со двора. Когда онъ только выѣхалъ, то тотчасъ же пустилъ лошадей во всю ихъ мочь. Лошади взвились и полетѣли стрѣлою, и такимъ образомъ Симеонъ пріѣхалъ въ свое царство благополучно, тотчасъ же явился во дворецъ и объявилъ царю Адору, что онъ исполнилъ въ точности его повелѣніе. Царь Адоръ благодарилъ Симеона и надблизивъ его и братьевъ своею казною, отпустилъ отъ себя, а самъ на другой же день обвинчался съ Еленою прекрасною и сталъ жить счастливо.

(1851 г.)

XXXV.

Сказка о трехъ королевичахъ.

Въ некоторомъ царствѣ, въ нѣ-
которомъ государствѣ жилъ-
былъ король, и у этого короля
было три сына: первый назы-
вался Василій королевичъ, дру-
гойъ Феодоръ королевичъ, а
третійъ Иванъ королевичъ. И
какъ уже всѣ три королевича были въ со-
вершенномъ возрастѣ, а отецъ ихъ былъ
въ весьма старыхъ лѣтахъ, то въ одинъ
день призвалъ къ себѣ своихъ дѣтей и сталъ
имъ говорить: „любезныя мои дѣти, вы ви-
дите, что я весьма старъ, то любя меня
сдѣлайте удовольствіе. Я слышать, что есть
за тридевять земель, въ тридесятомъ царствѣ
въ Подсолнечномъ государствѣ живая и
мертвая вода, при томъ же есть въ саду
яблоня, на которой растутъ такія яблоки,
отъ которыхъ можно и старому сдѣлаться
молодымъ. Дѣти, выслушавъ отъ отца сво-
его такую просьбу, стали думать, кому изъ
нихъ прежде ѣхать. Тогда старнійъ братъ,
который назывался Василій королевичъ,
говорилъ своему отцу: милостивый государь,

батюшка, позвольте мнѣ прежде начать сіе путешествіе. Отецъ позволилъ ему сіе съ великою радостію. Послѣ чего приказалъ осѣдлатъ себѣ королевичъ лучшаго коня и взять съ собою довольное число денегъ и на другой день отправился въ путь. И ѣхавши долгое время путемъ дорогою, долго-ли, коротко-ли, близко-ли, далеко-ли, скоро-сказка сказывается, а не скоро дѣло дѣлается. Наконецъ примѣтя, что дорога та кончилась, по которой онъ ѣхалъ, а въ правой сторонѣ увидалъ маленькую тропинку, то принужденъ былъ по ней ѣхать: ѣхавши долгое время, не видалъ ни одного человѣка, у котораго бы могъ спросить про то государство, въ которое онъ ѣхалъ. Наконецъ, увидѣвъ впереди себя такія горы, пропасти и лѣса непроходимые, что весьма изумился и не зналъ что дѣлать: ѣхать ли ему далѣе, или возвратиться назадъ, и какъ опасался болѣе того, чтобъ не потерять дороги, то и рѣшился ѣхать назадъ къ своему отцу и сказать, что нѣтъ такого государства нигдѣ. Въ сихъ мысляхъ возвратился въ свое государство и пріѣхалъ во дворецъ къ своему родителю; и какъ скоро услышалъ король о возвращеніи своего старшаго сына, то, забывъ свою старость, встрѣтилъ его въ комнатахъ съ великою радостію, и думалъ, что

уже вѣрно привезъ онъ все то, зачѣмъ онъ ѣздилъ; но сынъ его подошелъ и сказалъ: милостивый государь мой, батюшка! Ѣзда моя не принесетъ вамъ никакого удовольствія, потому что хотя я и прилагалъ крайнее стараніе, чтобъ найти то государство, въ которомъ находится живая вода и мертвая, и молодые яблоки; но однако нигдѣ найти не могъ. Король услыша такую печальную для себя вѣсть, погрузился въ отчаяніе и не выходилъ изъ своихъ комнатъ, что видя другой сынъ, который назывался Теодоромъ, вздумалъ попробовать своего счастья, и пришедши къ своему отцу, сказалъ: милостивый государь мой, батюшка! позвольте мнѣ съѣздить въ тотъ же путь, куда ѣздилъ старшій мой братъ; можетъ быть я буду счастливѣе его и привезу вамъ то, чего вы столь нетерпѣливо желаете. Король, видя усердность своего сына, съ великою радостію позволилъ ему ѣхать, и какъ скоро королевичъ вышелъ изъ покоевъ своего отца, то и приказалъ, осѣдлатъ себѣ лучшаго коня, и взявъ съ собою довольно денегъ, поѣхалъ вонъ изъ государства; но по случаю наѣхалъ на ту же же дорогу, по которой ѣздилъ братъ его; слѣдовательно и пріѣхалъ къ тѣмъ же опасностямъ; но какъ и онъ опасался, чтобъ не потерять

дороги, то возвратился обратно въ свое государство и увѣрилъ своего отца, что подлинно нѣтъ такого государства. Король, услышавъ отъ другого сына своего такую печальную вѣсть, отдался совсѣмъ отчаянію, и не выходилъ изъ своихъ покоевъ. Подданные, видя короля своего столь печальнаго, весьма сожалѣли, а меньшей сынъ его, Иванъ королевичъ, принималъ участіе въ отцовской печали. Наконецъ, побуждаемъ будучи усердностію къ своему отцу, вознамѣрился ѣхать въ тотъ же путь, куда ѣздили его братья; въ семъ намѣреніи пошелъ къ своему отцу, и началъ говорить: милостивый государь мой батюшка, позвольте мнѣ съѣздить и увѣриться, что подлинно ли нѣтъ государства такого, какъ увѣряютъ васъ мои братья. Король видя любезнаго своего сына, толико принимающаго участіе въ его печали, говорилъ ему: любезнѣйшій мой сынъ, ты еще младъ, и не можешь снести такого труднаго пути; но будучи убѣжденъ неотступною просьбою своего сына, наконецъ отпустилъ его, и Иванъ королевичъ какъ скоро получилъ себѣ отъ отца своего позволеніе, то и приказалъ осѣдлатъ себѣ добраго коня, и взявъ съ собою довольное число денегъ, отправился въ путь. Но онъ совсѣмъ поѣхалъ не по той дорогѣ, по ко-

торой ѣхали его братья, и такимъ образомъ ѣхалъ онъ, долго ли, коротко ли, близко ли-далеко ли, скоро сказка сказывается, а не скоро дѣло дѣлается; наконецъ пріѣхалъ онъ въ нѣкоторую весьма чистую и ровную долину. Посрединѣ той долины увидѣлъ онъ избушку на курьихъ ножкахъ, сама повертывается; то какъ онъ подѣхалъ къ этой избушкѣ, и сказалъ: избушка, избушка, стань къ лѣсу задомъ, а ко мнѣ передомъ, послѣ сихъ словъ избушка остановилась, а Иванъ королевичъ слѣзъ съ своего коня и привязалъ его, а самъ взошелъ въ эту избушку, и увидалъ въ ней сидящую бабу-Ягу, спрашивающую у него сердитымъ голосомъ: доселѣва Русскаго духу слухомъ не слыхивано и видомъ не видывано, а по-нича Русскій духъ въ очахъ проявляется. Что ты волею или неволею? Иванъ королевичъ отвѣчалъ; что сколько неволею, а вдвое того своею охотою; потомъ рассказалъ ей, куда онъ ѣхалъ: и какъ скоро услышала баба-Яга отъ него, то сказала ему: жаль, что я не могу тебѣ сказать, однако побудь здѣсь до завтрашняго дня, а завтрашній день я переменю твоего коня, ибо онъ очень усталъ. Итакъ онъ препроводилъ весь день у нея; а на другой день какъ скоро Иванъ королевичъ всталъ, баба-Яга

повела его въ свою конюшню и показала ему коня, велѣла его осѣдлатъ, и сказала: поѣзжай королевичъ прямо, тамъ увидишь ты такую же избушку, какъ и моя, въ ней живетъ сестра моя, и ты скажи ей, что я тебя къ ней послала: и ежели она знаетъ, то вѣрно скажетъ, какъ тебѣ получить живую воду и мертвую, а въ благодарность мнѣ ты, королевичъ, какъ получишь и поѣдешь обратно назадъ, то отдай мнѣ въ цѣлости моего коня. Иванъ королевичъ обѣщался все исполнить, и благодаря ее за наставленіе поѣхалъ въ путь, и ѣхавши долгое время, наконецъ пріѣхалъ онъ, какъ ему сказывала баба-Яга, къ той же избушкѣ, которая также повертывалась; а Иванъ королевичъ сказалъ тѣ же слова: избушка, избушка, стань къ лѣсу задомъ, а ко мнѣ передомъ—избушка остановилась. Иванъ королевичъ слѣзъ съ своего коня и привязать его, а самъ взшелъ въ избушку, и въ ней увидѣлъ такую же бабу-Ягу, которая спросила у него: что ты королевичъ волею или неволею и зачѣмъ ѣдешь? Иванъ королевичъ отвѣчалъ, что сколько неволею, а въ двое того своею охотою, и сказалъ ей, куда и за чѣмъ онъ ѣдетъ, притомъ сказалъ, что сестра ся прислала къ ней, и просила чтобъ дала ему наставленія, какъ достать то, за-

чѣмъ онъ ѣхалъ. Баба яга выслушавъ, сказала ему: жаль мнѣ королевичъ, что я тебя не могу увѣдомить: однако останься ты у меня до завтрашняго дня; я тебѣ дамъ нѣкоторое наставленіе, а притомъ и перемѣню твоего коня. И такъ королевичъ пробылъ весь день тотъ у бабы-Яги, а на другой день, какъ скоро Иванъ королевичъ всталъ, то баба-Яга повела его въ конюшню, показала ему коня, и приказала ему осѣдлать, а послѣ сказала: поѣзжай ты прямо по этой дорогѣ, тамъ увидишь ты такую же избушку, какъ и моя, въ ней живетъ сестра наша, и ты скажи ей, что я тебя послала, и она вѣрно тебѣ скажетъ о томъ, что ты ищешь, притомъ же приказывала ему, чтобы онъ, когда поѣдетъ назадъ, то чтобы привелъ ея коня въ цѣлости. Королевичъ обѣщавшись сіе исполнить и, поблагодаря ее за наставленіе, поѣхалъ въ путь свой и ѣхалъ долгое время. Наконецъ увидѣлъ онъ такую же избушку, стоящую на курьихъ ножкахъ, сама поворачивается. Королевичъ проговорилъ такія жъ слова, какъ и прежде, и избушка остановилась, а королевичъ слѣзъ съ своего коня и взойшелъ въ избушку, въ которой увидѣлъ сидящую бабу-Ягу, и спрашивающую у него весьма сердитымъ голосомъ: доселѣва Русскаго духа слухомъ

не слыхивано, и видомъ не видывано, а нонче Русскіи духъ въ очахъ проявляется, что ты королевичъ, волею или неволею? Тотчасъ отвѣтствовалъ Иванъ королевичъ, что сколько неволею, но вдвое того своею охотою; потомъ рассказалъ ей за чѣмъ онъ ѣдетъ, и что прислали сестры ея къ ней, чтобъ она дала ему наставленія. Баба-Яга, выслушавъ отъ королевича все то, перемѣня свой сердитый видъ на ласковый, сказала ему, что она съ великою охотою о всемъ его увѣдомитъ; только просила чтобъ онъ препроводилъ весь тотъ день у нея. Королевичъ принужденъ былъ на сіе согласиться, а на другой день повела его баба-Яга въ свою конюшню и сказала: вотъ тебѣ конь, поѣзжай на немъ, своего оставь у меня; потомъ сказала ему, что дорога сія пройдетъ прямо къ тому государству, въ которомъ есть живая и мертвая вода, также и моложавыя яблоки, и тебѣ никакъ болѣе нельзя проѣхать, какъ ночью; то и надобно, чтобъ ты перескочилъ прямо чрезъ городскую стѣну, хотя она и покажется тебѣ очень высока; но однако конь этотъ перескочитъ; и какъ скоро ты будешь въ городѣ, то поѣзжай прямо къ садовымъ воротамъ, и въ саду увидишь ты ту яблоню, на которой растутъ моложавыя яблоки, и подлѣ

этой яблони увидишь ты два колодца, въ которыхъ живая и мертвая вода; и когда ты все это получишь, то не медли возвратиться изъ саду, и какъ поѣдешь опять черезъ городскую стѣну, то какъ можно берегись, чтобъ конь твой не зацѣпилъ ни за одну струну, которыя приведены къ той стѣнѣ. Ибо какъ скоро ты хотя за одну тронешься, то во всемъ городѣ сдѣлается колокольный звонъ и барабанный бой, пушечная пальба и веретенная стрѣльба, отъ сего и встревожится весь городъ, и тогда уже нельзя ни какъ тебѣ будетъ уѣхать. Королевичъ, благодаря ее за наставленія, обѣщался все исполнить и поѣхалъ въ путь; и ѣхалъ долгое время, наконецъ. пріѣхалъ въ ночь къ тому государству. И такъ, не останавливаясь перескочилъ чрезъ городскую стѣну, и поѣхалъ прямо въ садъ, и пріѣхавши къ садовымъ воротамъ, увидѣлъ столбъ въ которомъ ввернуто было два кольца: одно золотое, а другое серебрянное; а онъ не зналъ къ которому кольцу привязать своего коня; однако продѣлъ узду въ оба кольца: а самъ пошелъ въ садъ. Ему не трудно было сыскать ту яблоню, на которой росли молоджавыя яблоки, потому что она отличалась отъ всѣхъ своими яблоками, и какъ скоро нашелъ онъ ту яблоню,

то нарвалъ довольно яблоковъ; увидѣлъ тѣ колодцы, въ которыхъ была живая вода и мертвая, тогда, наливъ въ стеклянки той воды, пошелъ вонъ изъ сада, и пришелъ къ тому столбу гдѣ привязанъ былъ его конь. Иванъ королевичъ, отвязавъ своего коня, поѣхалъ изъ города, и какъ сталъ перескакивать городскую стѣну, то никакъ не могъ уберечься, чтобъ конь его не зацѣпилъ за тѣ струны, которыя протянуты были къ стѣнѣ, отъ чего и сдѣлался въ городѣ колокольный звонъ, барабанный бой, пушечная пальба и веретенная стрѣльба; и какъ скоро услышали въ городѣ, то всѣ встревожились, почему и догадалась Царь-Дѣвица, что хрянящіяся въ саду ея драгоцѣнности похищены; тотчасъ приказала осѣдлать своего коня; а какъ скоро осѣдлали и привели, то Царь-Дѣвица не медля погналась за королевичемъ; а онъ въ то время былъ уже у первой Бабы-Яги, которой разсказалъ, какимъ-образомъ онъ досталъ все то за чѣмъ ѣхалъ; и какъ скоро сказалъ, что онъ, ѣхавши назадъ, зацѣпилъ за тѣ означенныя струны, то Баба-Яга не медливши вывела ему того коня, на которомъ онъ прежде къ ней пріѣхалъ, и сказала: поѣзжай королевичъ, какъ можно скорѣе, потому что Царь-Дѣвица сама за тобой въ погоню ѣдетъ, послѣ чего Иванъ королевичъ

поскакалъ къ другой бабѣ Ягѣ; а Царь-Дѣвица вскорѣ послѣ его пріѣхала къ первой, у которой Иванъ королевичъ перемѣнялъ своего коня; спрашивала у нея: не видала ли какого проѣзжающаго или проходящаго человѣка? На что баба Яга отвѣчала, что не видала; при томъ спросила ея учтиво, чтобъ отъ такого дальняго и труднаго пути успокоилась, такъ же увѣряла Царь-дѣвицу, что вѣрно она догонитъ. Царевна склонилась на ея просьбу, и препроводила весь тотъ день; а на другой день поѣхала опять за королевичемъ въ погоню; а онъ былъ уже у другой бабы Яги, у которой перемѣня своего коня, поѣхалъ весьма поспѣшно къ третіей; а Царь-Дѣвица пріѣхала къ другой бабѣ-Ягѣ, и спрашивала, что не видала ли она кого проѣзжающаго; на что баба Яга отвѣчала ей, что никого не видала и просила ея также съ учтивостью чтобъ отъ такого пути успокоилась. Царевна, склонясь на ея просьбу, отдыхала весь тотъ день у нея, а на другой день поѣхала за королевичемъ; но какъ Иванъ королевичъ не имѣлъ отдохновенія, то уже былъ у послѣдней бабы-Яги, у которой перемѣнилъ коня: и, поблагодаря ея за вспоможеніе, поѣхалъ поспѣшно въ свое государство. А какъ пріѣхала послѣ сего Царь-дѣвица къ третей

бабѣ-Ягѣ и спрашивала о немъ, то она сказала, что никого не видала, и просила ея съ учтивостью, чтобъ успокоилась отъ такого пути. Царь-Дѣвица склонясь на ея просьбу, препроводила весь день; а на другой день поѣхала опять въ погоню, но однако уже королевичъ былъ близъ своего государства. И какъ пріѣхалъ на свою границу, то Царь-Дѣвица остановясь сказала: счастливъ ты, королевичъ, что не попалъ въ мои руки; однако будь увѣренъ, что я къ тебѣ въ гости буду. Королевичъ услышавъ сіе, разсмѣялся, и думалъ самъ въ себѣ: когда ужъ не умѣла меня въ своемъ государствѣ ловить, а теперь я и не думаю. Послѣ сего королевичъ поѣхалъ уже тише, безъ опасенія; а Царь-Дѣвица поѣхала обратно въ свое государство. Иванъ королевичъ какъ скоро пріѣхалъ въ городъ, то король отецъ его, услышавъ о пріѣздѣ своего сына, весьма обрадовался, забылъ всю старость, встрѣтилъ его съ великою радостію; а еще больше обрадовался, какъ услышалъ, что Иванъ королевичъ привезъ все то, чего онъ столь нетерпѣливо желалъ. Королевичъ вынулъ изъ кармана двѣ стеклянки, въ которыхъ была живая и мертвая вода, и сказалъ: прими, милостивый государь батюшка, сіи драгоценныя воды. Потомъ

приказалъ подать блюдо, на которое положилъ молоджавыя яблоки, и подать своему отцу; король, принявъ отъ своего сына такія драгоценности, обнялъ его съ великимъ восхищеніемъ и радостію, потомъ говорилъ ему: любезнѣйшій мой сынъ! теперь я долженъ тебѣ моею жизнію, и въ благодарность мою отдаю тебѣ мое королевство. Послѣ сего король съѣлъ нѣсколько яблоковъ и примѣтилъ, что онъ сдѣлался помоложе. На другой день для такой радости сдѣлалъ король великій банкетъ, который и продолжался нѣсколько дней; послѣ сего жилъ благополучно долгое время, а Иванъ королевичъ и не думалъ о той Царевнѣ, какъ въ одинъ день у короля во дворцѣ было великое торжество, и всѣ были на ономъ трое его дѣтей, то нечаянно король взглянулъ въ окошко, и увидѣлъ въ заповѣдномъ своемъ лугу раскинутую палатку; тотчасъ оборотясь къ своимъ министрамъ, спросилъ: кто бы таковъ столь дерзокъ, быть, чтобъ осмѣлился раскинуть свою палатку въ моемъ заповѣдномъ лугу, но какъ всѣ сказали королю, что не знаютъ, то послать своего министра освѣдомиться, кто таковъ прѣхалъ. Посланный отъ короля поѣхалъ въ заповѣданные луга, и какъ скоро подѣхалъ къ палаткѣ, сошелъ съ коня и

снявъ шляпу, подошелъ къ палаткѣ увидѣвъ сидящую отмѣнной красоты дѣвицу. Министръ учтивымъ образомъ сказалъ: милостивая государыня, здѣшняго государства король желаетъ узнать, кто вы таковы и зачѣмъ пріѣхали? Царь-Дѣвица (ибо это она была) сказала министру, что король послѣ узнаетъ, кто она есть, и что она пріѣхала за тѣмъ, чтобы король выдать изъ сыновей своихъ виноватаго; ежели выдастъ виноватаго, то отойдетъ она отъ города и оставитъ короля въ спокойствіи, а ежели не выдастъ, то весь вашъ градъ до основанія разоритъ. Посланный министръ возвратился обратно во дворецъ и представилъ предъ короля, объявилъ ему все сказанное Царь-Дѣвицею и какъ скоро услышалъ король отъ министра, то весьма опечалился, да и веселье все пересѣклось, потомъ король обратясь къ старшему своему сыну Василію королевичу, говорилъ: побѣждай, сынъ, и оправдайся, не ты ли виноватый. Королевичъ принужденъ былъ ѣхать и не медля отправился къ Царь-Дѣвицѣ, и какъ скоро подъѣхалъ къ палаткѣ слѣзъ съ своего коня и, подошедъ къ ней, учтивымъ образомъ сказалъ: милостивая государыня, король, мой отецъ, прислалъ меня къ вамъ съ тѣмъ, что не я ли виноватый, котораго вы требуете;

на что Царь-Дѣвица сказала королевичу, что не онъ и ѣхалъ бы спокойно, а прислалъ бы виноватаго. Королевичъ съ радостію поѣхалъ, что онъ не виноватъ, и какъ пріѣхалъ во дворецъ, то рассказать все сказанное Царь-Дѣвицею. Король приказалъ Феодору королевичу ѣхать; чтобъ и онъ ѣздилъ, то не его ли требуютъ. Феодоръ королевичъ принужденъ былъ ѣхать, и немедленно отправился къ Царь-Дѣвицѣ, которая также и ему сказала, что не онъ виноватый; и какъ скоро королевичъ услышалъ, то поѣхалъ съ радостію во дворецъ гдѣ и сказалъ королю своему отцу, что не его требуютъ. Тогда догадался меньшой сынъ Иванъ королевичъ, что пріѣхала Царь-Дѣвица и что требуетъ его, то, подошедъ къ своему отцу, говорилъ: милостивый государь мой батюшка, я признаюсь вамъ, что меня требуетъ, ибо я виноватый; только прикажите сдѣлать мостъ отъ нашего дворца до той палатки и—чтобъ обить весь тотъ мостъ золотою парчею. Король, любя своего сына, приказалъ сіе сдѣлать и какъ мостъ совсѣмъ поспѣлъ, то Иванъ королевичъ приказалъ собрать тридцать человѣкъ ярыжныхъ, которымъ приказалъ чтобъ, какъ выйдетъ онъ изъ дворца и вступить на мостъ, всѣ вдругъ закрили пѣсню, и позади

его всю бы парчу рвали и дѣлили по себѣ, а напередъ бы не выскакивали. Постѣ чего вынестъ королевичъ изъ дворца, и пошесть по мосту, то нѣбъ ярыжные занѣли пѣсню, и зачали рвать парчу и дѣлать по себѣ, а Царь-Дѣвица смотреѣла, и какъ пришелъ въ палатку и сказалъ ей: милостивая государыня, я пришелъ къ вамъ тотъ виноватый, котораго вы требуете. Царь-Дѣвица сказала ему: когда ты виноватъ, то что мнѣ съ тобою дѣлать? Королевичъ ей сказалъ: что вамъ угодно; потомъ Царь-Дѣвица ему сказала: когда ты былъ столь хитръ, что похитилъ мои драгоценности, которыя съ великимъ раченіемъ я хранила, то я желаю быть твоею женою, ежели не противно. Королевичъ услыша сіе весьма обрадовался. Постѣ чего Царь-Дѣвица подала ему свою руку, и они въ провожаніи ярыжныхъ пошли во дворецъ, гдѣ и встрѣтилъ ихъ самъ король; Царь-Дѣвица подошла къ нему и съ учтивостью сказала: милостивый Государь, я пріѣхала не съ тѣмъ чтобъ нарушить ваше веселье, но чтобъ умножить оное. Потомъ рассказала королю, что съ тѣмъ она намѣреніемъ пріѣхала, чтобъ выдти замужъ за Ивана королевича. Король, услыша сіе, весьма обрадовался, и приказалъ изготovitъ брачную церемонію и какъ

скоро все было готово, то къ великой радости своихъ подданныхъ женился Иванъ королевичъ на Царь-Дѣвицѣ. Король для такой радости сдѣлать великое торжество, а для простаго народа выставлены были съ разными винами чаны, и такъ празднуемо было всеми сіе бракосочетаніе цѣлую недѣлю. Потомъ Царь-Дѣвица говорила Ивану королевичу: любезный супругъ, ты видишь, что у короля, отца твоего, есть и кромѣ тебя наслѣдниковъ двора: то поѣдемъ въ мое государство, тамъ я тебѣ вручу его въ полное владѣніе. Королевичъ послѣ своего бракосочетанія жить у короля, отца своего, шесть мѣсяцевъ, а потомъ сталъ проситься, чтобъ его уволить въ женино государство. Король, хотя съ великимъ сожалѣніемъ, однако его отпустилъ, послѣ чего Иванъ королевичъ отправился съ своею супругою въ ея государство, гдѣ по прибытіи сдѣлался королемъ, потомъ учинилъ великое торжество для всехъ подданныхъ, послѣ чего жилъ благополучно. (1858 г.)

XXXVI.

Сказна о Иванѣ богатырѣ и его прекрасной супругѣ
Свѣтланѣ.

Дѣти въ некоторомъ царствѣ, не въ нашемъ государствѣ— жнзть-быль бояринъ Добромысль. Семейство боярина не то, чтобы мало было, не то, чтобы и велико: всего только въ женѣ, да въ трехъ сыновьяхъ заключалось. Подростать стали дѣти боярскія, научились грамотѣ, разнымъ хитростямъ нѣмецкимъ и сдѣлались такими разумными, что отецъ ихъ чуть не прыгалъ отъ радости, а ужъ матушка-то и подавно. Подошло, наконецъ, время женить ихъ. Добромысль думалъ, думалъ, да и придумалъ. Онъ призвалъ къ себѣ всѣхъ сыновей своихъ и сказалъ имъ:

— Любезныя дѣти! Теперь вы пришли въ совершенный возрастъ, силы ваши окрѣпли, и ужъ вамъ пора подумать о невѣстахъ...

— Родимый, дорогой нашъ батюшка! отвѣчали они отцу, низко кланаясь. Мы изъ твоей власти не выходимъ; что повелитъ намъ, то и будемъ дѣлать.

— Ну, такъ слушайте-жѣ, любезныя дѣти! Возьмите каждый по каленой стрѣлѣ, сдѣлайте на нихъ надписи и пустите ихъ въ разныя стороны. Чья стрѣла въ который городъ и въ чей домъ прилетитъ, то тамъ и невѣста его.

Дѣти, выслушавъ отца, взяли каждый по стрѣлѣ, сдѣлали надписи и вышли въ заповѣдныя луга. Прежде всѣхъ пустить стрѣлу старшій братъ въ правую сторону, потомъ средній въ лѣвую и, наконецъ, меньшой, котораго звали Иванъ-Богатырь, пустить свою стрѣлу прямо. Послѣ этого поняли всѣ они къ отцу своему и рассказали ему, въ которую сторону каждый пустилъ стрѣлу. Отецъ, выслушавъ ихъ, приказалъ имъ идти отыскивать свои стрѣлы, и дѣти разошлись въ разныя стороны.

Старшій братъ нашелъ стрѣлу свою въ домѣ одного знатнаго вельможи, у котораго была дочь-красавица. Онъ взялъ его и повелъ къ своему отцу. Стрѣла средняго брата попала также въ домъ одного знатнаго боярина, у котораго тоже была дочь недурная собой, и этотъ также взялъ ее и повелъ къ своему отцу. Добромъсль принялъ ихъ и избранныхъ ими невѣстъ очень ласково и съ большимъ торжествомъ отпраздновать ихъ свадьбы.

Не находилъ только стрѣлы своей меньшей братъ, Иванъ-Богатырь, и былъ отъ того чрезвычайно печаленъ; однако-же, онъ не терялъ надежды и рѣшился не возвращаться къ отцу до тѣхъ поръ, пока не найдетъ ее. И вотъ цѣлыхъ два дня ходилъ онъ по лѣсамъ и горамъ, а стрѣлы все нѣтъ какъ нѣтъ. Прошелъ еще день. Иванъ-Богатырь очутился въ болотѣ, сталъ вязнуть и не зная, что дѣлать ему въ такой опасности. Но вдругъ, къ величайшему удивленію своему, онъ увидать небольшую избушку, которая стояла уединенно.

«Тутъ вѣрно какой-нибудь пустынникъ», подумалъ Иванъ-Богатырь и, чтобы удостоверить въ своей догадкѣ, онъ началъ тихонько подходить къ той избушкѣ. Вотъ, наконецъ, онъ подошелъ къ ней, вошелъ въ нее и едва вѣрить глазамъ своимъ: въ избушкѣ сидѣла дряхлая старушенка и держала въ рукахъ стрѣлу его.

— Что за чудо! прошепталъ про себя Иванъ-Богатырь и учтиво поклонился загадочной обитательницѣ.

— Здравствуй, бабушка! сказалъ онъ ей привѣтливо.

— Добро пожаловать, дорогой гость! отвѣчала старуха, Ты, Иванушка, конечно, искалъ стрѣлы, которую ты пустилъ на произволъ

судьбы. Такъ вотъ судьба-то тебя и привела ко мнѣ. Что дѣлать-то? Ей мы все должны повиноваться. Знаешь пословицу: «не давши слова—крѣпнись, а давши его—держиись»; такъ долженъ поступать каждый честный человѣкъ; надѣюсь, такъ поступишь и ты. А чтобы тебѣ не скучно показалось у меня, то посиди, я кое что сдѣлаю.

Проговоривъ эти слова, старуха взяла со стѣны какой-то прутикъ, ударила имъ объ полъ, и въ одно мгновеніе небольшая избушка превратилась въ великолѣпную бесѣдку. Иванъ-Богатырь былъ внѣ себя отъ удивленія.

— Ну, вотъ тебѣ и приличное мѣсто, заговорила старуха. Садись-ка, Иванушка, на софу, да закуси на доброе здоровье: ты, я думаю, очень проголодался.

И, не дождавшись отвѣта, старуха топнула ногою. Вдругъ богато одѣтые слуги внесли большой столъ, уставленный серебряною посудой и превосходными напитками; вслѣдъ затѣмъ начали попеременно подавать роскошныя кушанья.

Старуха сказала Ивану-Богатырю:

— Ну, Иванушка, прошу покорно откупать моего хлѣба-соли; да, пожалуйста, не церемонься, а будь какъ у себя дома.

Иванъ-Богатырь не заставилъ долго

себя упрямивать и принялся усердно опоражнивать блюда; наконецъ, наѣвшись досыта, онъ всталъ изъ за стола и поблагодарилъ старуху.

— Ну, бабушка, сказать онъ, я тебѣ очень благодаренъ и гостепріимства твоего, повѣрь, во всю жизнь не забуду. Позволь же мнѣ взять стрѣлу мою и проститься съ тобою.

— Итъ, возразила старуха. Стрѣлы своей ты взять у меня не можешь: ты, помнишь,пустилъ ее съ тѣмъ намѣреніемъ, что въ какой домъ попадетъ она, тамъ и долженъ ты взять себѣ жену, а потому по всѣмъ правамъ я должна быть твоей женою.

Ивана-Богатыря покорило.

— Я тебя не понимаю, старуха, сказать онъ. Ты или шутнишь, или смѣешься надо мною. Ну, ты только разсуди хорошенько: могу-ли я быть твоимъ мужемъ? Тебѣ лѣтъ-то сколько? Вѣдь слишкомъ сто, а мнѣ—съ небольшимъ двадцать.

— Все это такъ, отвѣчала старуха; однакоже, если ты не женишься на мнѣ, то никогда не выдешь изъ этого болота.

Что было дѣлать Ивану-Богатырю? Старуху обмануть трудно: однакоже, онъ пустился на хитрость.

— Ну, хорошо, старуха, сказалъ онъ ей

ласково. Если ужь судьба назначила мнѣ быть твоимъ мужемъ—я буду, но только отдай мнѣ стрѣлу; я отнесу ее къ отцу моему и скажу, что она попала къ тебѣ.

— Полно хитрить-то, Иванъ-Богатырь! замѣтила старуха. Меня не проведешь, и я тебѣ опять повторяю: если не женишься на мнѣ, то хоть весь вѣкъ свой сиди въ этой бесѣдкѣ: никогда не выдешь изъ болота.

Иванъ-Богатырь весь побагровѣлъ отъ досады. «Вотъ пристала-то, окаянная, думаетъ про себя, никакъ и не отвяжешься! Нишь, вѣдь, чего захотѣла, старая корга... замужь!.. Ну, какъ я женюсь на ней?.. Какъ покажусь съ ней къ отцу? Засмѣютъ—рѣшительно всѣ засмѣютъ».

— Ну, бабушка, заговорилъ онъ, наконецъ, обращаясь къ старухѣ, ты задала мнѣ премудрую задачу. Позволь хоть денька два, или три подумать.

— Изволь, Иванушка, отвѣчала старуха, я согласна. Но только, слушай, говорю впередъ: по твоему не сбудется, и ты все таки долженъ будешь на мнѣ жениться... Прощай, желаю тебѣ поскорѣй образумиться.

Старуха вышла. Иванъ-Богатырь посмотрѣлъ ей вслѣдъ; когда она совсѣмъ скрылась, онъ отворилъ дверь бесѣдки и пошелъ искать, нѣтъ-ли гдѣ тропинки, кото-

рая вывела бы его изъ этого мѣста... Передъ нимъ даже исчезла бесѣдка, изъ которой онъ вышелъ, а между тѣмъ болото становилось все болѣе и болѣе вязкимъ, и онъ въ одномъ мѣстѣ чуть было не увязъ по поясъ... Видитъ Иванъ-Богатырь, что дѣло плохо, что нужно покориться судьбѣ, и вотъ онъ началъ разсуждать самъ съ собой:

— А старуха-то правду сказала: никакъ не могу выбраться изъ этого проклятаго болота... Что-жъ остается мнѣ дѣлать? Не погибать-же, въ самомъ дѣлѣ, тутъ, въ глуши?.. Рѣшено, женюсь на бабункѣ. Пусть всѣ смѣются: устанутъ и перестанутъ.

Едва проговорилъ онъ эти слова, какъ въ ту же минуту снова очутился въ бесѣдкѣ и къ его услугамъ опять явился столъ съ роскошными кушаньями, фруктами и винами.

Старуха съ улыбкой привѣтствовала Ивана-Богатыря и сказала ему:

— Покорно прошу, любезный гость, присядь, да закуси хорошенько. Чай, послѣ прогулки по болоту проголодался? Видишь, какъ я забочусь о тебѣ и какъ стараюсь угождать твоимъ желаніямъ... Ну, теперь повѣришь-ли, что я люблю тебя?

— Вѣрю, вѣрю! проговорилъ сквозь зубы Иванъ-Богатырь въ отвѣтъ на нѣжное признаніе старухи.

Потомъ онъ сѣлъ за столъ и сталъ порядкомъ очищать блюда. Старуха только умильно на него посматривала.

— Ну, такъ и быть, сказать, наконецъ. Иванъ-Богатырь. Судьба, видно, не индюшка и суженую знать конемъ не обѣдешь... Я женюсь на тебѣ!

Едва Иванъ-Богатырь проговорилъ эти слова, какъ въ ту же минуту вмѣсто старухи увидать онъ предъ собою красавицу, да такую, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать.

Иванъ-Богатырь только ахнулъ отъ удивленія.

— Не дивись, Иванъ-Богатырь, сказала она. Въ этомъ видѣ я должна быть постоянно; въ старуху же превратилъ меня злой волшебникъ, и ею я должна была остаться до тѣхъ поръ, пока не выищется женихъ, который-бы согласился взять меня за себя, не пренебрегая ни старостью, ни моимъ уродствомъ. Твое-же согласіе жениться на мнѣ избавляетъ меня отъ тягостнаго положенія, въ которомъ я томилась и отъ котораго приходила въ отчаяніе.

Иванъ-Богатырь едва вѣрилъ глазамъ своимъ, и удостовѣрившись, что чувства его не обманываютъ, онъ былъ вѣкъ себя отъ

восторга и наговорилъ красавицѣ съ три короба разныхъ нѣжностей...

Наконецъ, Свѣтлана—такъ звали будущую супругу Ивана-Богатыря. сказала ему:

— Поспѣшимъ-же явиться къ твоему родителю; только, слушай, у меня есть къ тебѣ еще одна просьба, отъ которой зависитъ наше общее счастье. Дай мнѣ честное слово, что ты исполнишь ее; иначе я погибла.

— Что такое, Свѣтлана? спросилъ Иванъ-Богатырь. Говори смѣло и будь увѣрена, что я исполню все, что только ты пожелаешь. Даю тебѣ честное слово.

— Если такъ, то я тебѣ выскажу, въ чемъ заключается моя просьба, отвѣчала Свѣтлана. Вотъ видишь-ли: очарованіе мое не совсѣмъ окончилось и остается уже не много времени до того, чтобы я находилась въ такомъ видѣ, въ какомъ ты меня видишь; а потому я пропущу у тебя терпѣнія до этого срока. Въ противномъ случаѣ, ты все дѣло испортишь. Пока же не пройдетъ время очарованія, я только на ночь могу возвращать себѣ красоту и молодость, а днемъ снова должна превращаться въ старуху.

Это объясненіе Свѣтланы сильно опечалило Ивана-Богатыря. Замѣтивъ его нерѣшимость, Свѣтлана вдругъ призадумалась.

На лицѣ ея выразилась глубокая грусть, а на глазахъ показались слезы.

— Ахъ, Иванъ-Богатырь! сказала она со вздохомъ. Я вижу, что ты не рѣшишься спасти меня отъ несчастія, съ которымъ я должна умереть всеми забытая и всеми пренебрегаемая.

При этомъ она взглянула на него съ такимъ трогательнымъ выраженіемъ, что ему стало жаль ее.

— Ну, перестань-же горевать, моя милая! сказалъ, наконецъ, Иванъ-Богатырь, успокоивая Свѣтлану. Для твоего и моего счастья я тебѣ даю честное слово, что, не разрушая очарованья, я буду съ нетерпѣніемъ ожидать окончанія срока.

Условіе было заключено, и Свѣтлана въ знакъ благодарности поцѣловала Ивана-Богатыря, а потомъ сказала ему:

— Теперь я опять должна превратиться въ старуху, и въ такомъ видѣ ты води меня къ своимъ родителямъ.

— Согласенъ, отвѣчалъ ей Иванъ-Богатырь.

Свѣтлана повернула находившееся у нея на пальцѣ кольцо и въ одну минуту сдѣлалась старухою.

Иванъ-Богатырь взялъ ее подъ руки и вмѣстѣ съ нею отправился къ своимъ роди-

телямъ. Добромысль очень обрадовался, увидавши своего меньшаго сына.

А это что за старуха съ тобою? спросилъ онъ сына.

— Это—будущая жена моя! отвѣчалъ Иванъ-Богатырь.

И онъ подвелъ къ отцу своему Свѣлану.

Братья и невѣстки едва удержались отъ смѣха. Указывая на все пальцами, невѣстки шептали между собою:

— Какова красотка-то? Прелесть. Жаль только, что зубовъ нѣтъ, да верхняя губа втянулась; впрочемъ, мягче цѣловаться будетъ. А лѣтъ-то? Чай только съ небольшимъ двѣсти... Какъ есть настоящая невѣста. Съда маленько, ну, за то пудры не потребуется...

И много подобныхъ насмѣшекъ напечтывали невѣстки одна другой.

Добромысль однакоже приказалъ имъ быть поскромнѣе и, обратясь къ стоявшему передъ нимъ младшему сыну, сказалъ:

— Любезный сынъ мой! Я самъ причиною твоего несчастья и теперь раскаяваюсь въ своемъ приказаніи, которое далъ вамъ относительно невѣсты. Впрочемъ, попробуемъ, нельзя-ли будетъ исправить ошибку. Наградимъ старуху подарками—можетъ, она и откажется отъ замужества.

— Я ни за что не перемѣню своего на-
мѣренія, отвѣчалъ Иванъ-Богатырь.

— Въ такомъ случаѣ, продолжалъ отецъ,
я несколько не препятствую твоему жела-
нію... Женись, я позволяю тебѣ.

Свадьба была сыграна,—и ниръ прошелъ
великолѣпно. Вечеромъ, когда Иванъ-Бога-
тырь вступилъ въ отведенныя комнаты,
Свѣтлана обернула кольцо и сдѣлалась не-
подражаемой красавицей, а при наступленіи
дня снова превратилась въ старуху.

Такъ Иванъ-Богатырь прожилъ съ сво-
ею старухой довольно долгое время, ни
мало не огорчаясь тѣмъ, что жена его съ
каждымъ утромъ теряла свою молодость.

Однажды, долго спустя послѣ ихъ
свадьбы, Добромысль призвалъ всѣхъ сыно-
вей своихъ и сказалъ имъ:

— Любезныя дѣти! Такъ какъ теперь вы
всѣ трое женаты, то я желаю, чтобы каж-
дая изъ женъ вашихъ сдѣлала мнѣ по
рубашкѣ, и требую, чтобы всѣ три рубашки
поспѣли къ завтраму.

При этомъ Добромысль далъ каждому
сыну по куску полотна.

Старшій и средній братья Ивана-Бога-
тыря, принесли по полотно къ своимъ женамъ,
сказали:

— Батюшка приказалъ вамъ сшить изъ

этого полотна по рубашкѣ и требуетъ, чтобы къ завтраму онѣ успѣли.

Жены ихъ тотчасъ-же начали кликать мамушекъ, нянюшекъ, сѣнныхъ дѣвушекъ и принялись за работу, а между тѣмъ послали дѣвку-чернавку къ женѣ Ивана-Богатыря посмотреть, какъ она будетъ шить рубашку.

Дѣвка-чернавка пришла въ комнаты Ивана-Богатыря и видитъ, что Свѣтлана изрѣзала полотно на мелкіе куски и бросила ихъ за окошко, проговоривъ:

— Буйны вѣтры! Разнесите доскуточки въ разныя стороны и сшейте свекору рубашку.

Возвратилась дѣвка-чернавка къ господамъ своимъ и пересказала, что видѣла у старухи.

Невѣстки долго смѣялись надъ женою Ивана-Богатыря и говорили:

— Что-то ся мужъ завтра къ отцу принесетъ?

На другой день, только что проснулся Добромысль, какъ вошли къ нему трое сыновей его и подали ему сорочки.

— Эта сорочка сшита обыкновенно, сказалъ отецъ, разсматривая рубашку, которую принесъ ему старшій сынъ.

— И эта также сшита не лучше, продолжалъ онъ, обращаясь къ среднему сыну.

Когда-же взглянуть на сорочку меньшого сына, то не могъ на нее надивиться. Она такъ понравилась ему, что онъ приказалъ слугамъ подавать ее только въ самые торжественные дни.

Прошло нѣсколько времени. Добромысль опять призвалъ къ себѣ сыновей своихъ и сказать имъ:

— Любезныя дѣти! Я хочу, чтобы каждая изъ вашихъ женъ сдѣлала мнѣ по ковру и чтобы ковры эти были готовы къ завтраму. Вотъ вамъ серебро, золото и шелкъ; ступайте, передайте своимъ женамъ мое желаніе.

Дѣти въ точности исполнили приказаніе родителя.

Жены старшаго и средняго сыновей тотчасъ-же начали кликать мамушекъ, нянюшекъ, сѣнныхъ дѣвушекъ и принялись за работу; а между тѣмъ послали дѣвку-чернавку посмотрѣть, что будетъ дѣлать старуха.

Дѣвка-чернавка вошла въ комнату Ивана-Богатыря и видитъ, что Свѣтлана изрѣзала на мелкіе куски золото, серебро и шелкъ, выбросила все за окошко и сказала:

— Буйныя вѣтры! Разнесите кусочки въ разныя стороны и изготовьте коверъ свекору.

Возвратилась дѣвка-чернавка къ господамъ своимъ и пересказала, что видѣла у старухи.

Ненѣстки еще пуще стали смѣяться надъ женою Ивана-Богатыря и говорили:

— Что-то ея мужъ завтра къ отцу принесетъ?

На другой день, какъ проснулся Добромысль, дѣти вошли къ нему съ своими коврами.

Отецъ осматрѣлъ сначала ковры старшаго и средняго сыновей и остался не доволенъ. Когда дошла очередь до ковра, принесеннаго Иваномъ-Богатыремъ, то онъ ахнулъ отъ изумленія и приказалъ своимъ слугамъ—постилать его на столъ, и то только въ самые торжественные дни.

Послѣ того онъ сказалъ своимъ сыновьямъ:

— Теперь, любезныя дѣти, я хочу имѣть отъ вашихъ женъ по хлѣбу и желаю, чтобъ они были готовы къ завтраму.

Сыновья пересказали въ точности своимъ женамъ о желаніи ихъ родителя.

Жены старшаго и средняго сыновей тотчасъ-же начали кликать мамушекъ, нянюшекъ, свѣнныхъ дѣвушекъ и принялись ставить опару, а между тѣмъ послали дѣв-

ку-чернавку посмотрѣть, что будетъ дѣлать старуха.

Дѣвка-чернавка вошла въ комнаты Ивана-Богатыря и видигъ, что Свѣтлана всыпала муку въ квашню, налила холодной воды, сдѣлала растворъ, вылила въ холодную печь, заслонила и сказала:

— Испекись хлѣбъ чистъ, рыхлъ и бѣлъ какъ снѣгъ.

Возвратилась дѣвка-чернавка къ господамъ своимъ и пересказала имъ что видѣла у старухи.

Невѣстки стали снова смѣяться надъ женою Ивана-Богатыря и говорили:

— Что-то ея мужъ завтра къ отцу принесетъ?

На другой день, какъ проснулся Добромысль, вошли къ нему сыновья его, и каждый держалъ по хлѣбу.

Отецъ сначала попробовалъ хлѣбы старшаго и средняго сыновей, и они показались ему не вкусны; когда-же дошла очередь до хлѣба, принесеннаго меньшимъ сыномъ, то онъ, отвѣдавъ его, остался очень доволенъ и приказалъ слугамъ своимъ подавать его на столъ, когда будутъ гости.

Потомъ, поблагодаривъ сыновей за труды ихъ женъ, онъ сказалъ имъ, что двѣ старшія изъ нихъ хотъ и прекрасны, но

никакъ не могутъ сравниться по разуму съ женою меньшаго брата, Ивана-Богатыря.

А затѣмъ пригласить ихъ всѣхъ съ женами къ себѣ, на обѣденный столъ.

Свѣхались сыновья къ отцу, привезли съ собою также и женъ своихъ. Добромысль очень обрадовался, увидавъ меньшую невестку, и особенно удивлялся ея ослѣпительному драгоценному наряду. Сѣли, наконецъ, за столъ и стали кушать.

Свѣтлана видитъ, что невестки смѣются надъ нею. Она знаетъ, что онѣ станутъ подражать ей, и потому задумала поддуть надъ ними. Чего не допывала, то за рукавичку лила, а косточки за другой клала.

Обѣ невестки какъ увидали это, переглянулись между собою и начали дѣлать тоже, что Свѣтлана.

Обѣдъ, наконецъ, кончился.

Добромысль пригласить гостей своихъ въ садъ.

— Ну, какъ тебѣ нравится мой садъ? спросилъ онъ Свѣтлану.

— Садъ раскинуть прекрасно, отвѣчала она. Недостаетъ только одного, чтобы всѣ считали его чудомъ.

— Чего-же именно недостаетъ? спросилъ удивленный Добромысль.

— А вотъ чего, произнесла Свѣтлана.

И при этомъ махнула однимъ рукавомъ—очутился обширный прудъ; махнула другимъ—поплыли по водѣ гуси и лебеди.

Добромысль едва вѣрилъ глазамъ своимъ и не могъ удержаться, чтобы не поцѣловать Свѣтлану.

Невѣстки еще болѣе стали завидовать ей и подумали:

— Не удастся-ли и намъ сдѣлать то-же?

Онѣ махнули однимъ рукавомъ—и облили всѣхъ гостей; махнули другимъ—и полетѣли кости кому въ носъ, кому въ бровь, а свекору такъ попали въ глазъ.

Со стыдомъ удалились невѣстки и дали слово болѣе не смѣяться надъ Свѣтланой.

Радъ былъ Иванъ-Богатырь, что жена его затмила всѣхъ своимъ разумомъ.

— Недостаетъ ей только красоты, думалъ онъ, чтобы поразить во всемъ.

И вотъ онъ началъ ломать голову—сталъ придумывать, какъ бы не допустить ея превращенія. Онъ вспомнилъ о кольцѣ и рѣшился унести его въ то время, какъ она будетъ красавицей. Нетерпѣніе взяло верхъ надъ разсудкомъ.

На слѣдующее-же утро, когда Свѣтлана покоилась еще крѣпкимъ сномъ, Иванъ-Богатырь снялъ съ пальца у сонной волшебное кольцо, ушелъ на берегъ моря и

съ негодованіемъ бросилъ его въ волны морскія. Исполнивъ это, онъ поспѣшно возвратился домой, но только что вступилъ на крыльцо, какъ его встрѣтила Свѣтлана съ заплаканными глазами.

— Ну, Иванъ-Богатырь, грустно сказала она, не хотѣлъ подождать малое время, и ницѣ меня теперь въ тридесѣтомъ царствѣ. Много, много горя ожидаетъ меня за твое нетерпѣніе!

Проговоривъ эти слова, она быстро поднялась на воздухъ и скрылась.

Иванъ-Богатырь стоялъ, какъ окаменѣлый. Тяжелая, невыносимая грусть сдѣлала ему сердце. Онъ бросился къ отцу и разсказалъ ему о случившемся съ нимъ несчастіи.

Добромысль, выслушавъ Ивана-Богатыря, весьма сожалѣлъ о своей невѣсткѣ.

— Батюшка! сказалъ ему меньшой сынъ. Безъ нея мнѣ свѣтъ не милъ, и я рѣшился во что бы то ни стало идти отыскивать мою супругу.

Отецъ не прекословилъ.

И вотъ Иванъ-Богатырь вышелъ за городскія ворота и вступилъ на широкое поле.

Тяжелая мысль влекла его впередъ.

Шелъ онъ, долго-ли, коротко-ли, скоро

сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается, наконецъ, пришелъ онъ къ избушкѣ, которая стояла на курьихъ ножкахъ и сама повертывалась.

Иванъ-Богатырь сказалъ:

— Избушка, избушка, стань къ лѣсу задомъ, а ко мнѣ передомъ!

И избушка остановилась.

Иванъ-Богатырь вошелъ въ нее и увидалъ, что тамъ сидѣла Яга-баба. Она заговорила сердитымъ голосомъ:

— Доселѣ русскаго духа слыхомъ не слыхивано и видомъ не видывано, а нынѣ русскій духъ въ очахъ проявляется. Что ты, Иванъ-Богатырь, волею или неволею пришелъ ко мнѣ?

— Сколько волею, столько и неволею, отвѣчалъ Иванъ-Богатырь и разсказать, чего онъ ищетъ.

— Жаль мнѣ тебя, Иванъ-Богатырь: оплошать, сердечный. Потерпѣть-бы маленько, а то нѣтъ—дай, сдѣлаю по своему. Но такъ и быть, я готова услужить такому доброму молодцу, какъ ты. Жена твоя теперь у волшебника и томится въ его теремѣ на превысокой горѣ. Ступай къ нему; вотъ этотъ клубокъ доведетъ тебя до его жилища. А чтобы духи его и самъ онъ не могли сдѣлать тебѣ ничего вреднаго, то вотъ возьми

съ собою мечъ, предъ которымъ безсильны всѣ его чародѣйства.

Поблагодарилъ Иванъ-Богатырь бабу-Ягу, взялъ отъ нея мечъ и клубокъ и пошелъ далѣе.

Шелъ онъ долго-ли, коротко-ли, близко-ли, далеко-ли, скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Подошелъ, наконецъ, къ превысокой горѣ. Клубокъ все катится, а за нимъ идетъ и Иванъ-Богатырь. Вдругъ видитъ онъ теремъ волшебника. Подошелъ къ нему и весь затрясся отъ ужаса. На него налетѣли духи волшебника и самъ чародѣй, въ видѣ дракона, хотѣлъ огнемъ опалить его. Но Иванъ-Богатырь поднялъ мечъ очарованный,—и все съ визгомъ разлетѣлось въ разныя стороны. Онъ остался одинъ, вошелъ въ теремъ и долго ходилъ по комнатамъ, отыскивая свою Свѣтлану; наконецъ, услыхалъ стонъ, приложилъ мечъ свой—и стѣна разступилась. Передъ нимъ стояла его жена. Радость ихъ при свиданіи была несказанная. Она поцѣловала Ивана-Богатыря и благодарила его за спасеніе. Очарованіе съ нея спало. И они теперь спѣшны въ домъ родительскій.

Добромыслъ очень обрадовался возвращенію Ивана-Богатыря и, указывая на Свѣтлану, спросилъ его:

— А это кто-же съ тобою, сынъ?

— Это милая жена моя, отвѣчалъ Иванъ-Богатырь, та самая, которую ты видѣлъ старухою.

И какъ онъ чувствовалъ отъ дороги усталость, то обѣщалъ отцу послѣ разсказать все въ подробности.

Отецъ отъ удовольствія задать тогда пиръ на весь мѣръ. Много было выпито винъ заморскихъ и меду сладкаго. Всѣ поздравляли Ивана-Богатыря съ красавицей Свѣтланой.

(1845 г.)

XXXVII.

О приключеніяхъ Англійскаго Милорда Георга.

Въ прошедшія времена, когда еще Европейскіе народы не все приняли Христіанскій законъ, но нѣкоторые находились въ баснословномъ языческомъ идолослуженіи, случилось въ Англіи съ однимъ Милордомъ слѣдующее странное приключеніе.

Среди самаго прекраснаго дня, въ одинъ часъ, темная туча покрыла чистое небо; облака какъ горы ходили и волновались подобно Черному морю отъ жестокаго вѣтра;

громъ, молнія, градъ, дождь, сильная буря, соединясь вмѣстѣ, приводили въ ужасъ всѣхъ живущихъ на землѣ. Всѣ бѣжали, искали своего спасенія; старые, воздѣвая руки къ небу, просили боговъ объ отпущеніи грѣховъ; молодые вопіяли и укрывались подъ кровы; жены, дѣвицы съ плачемъ и воплемъ входили въ храмы и затворялись, земледѣльцы въ поляхъ не обрѣтали своего спасенія.

Молодой Англіійскій Милордъ Георгъ, будучи въ сіе время со своею псовою охотою на полѣ, принужденъ былъ отъ сеѣ странной грозы искать своего спасенія въ лѣсу; но и сеѣ былъ отъ него въ отдаленіи. Однакоже увидѣвъ въ отдаленіи одно кедровое дерево, онъ прискакалъ къ нему, остановился, но отъ дождя и граду и отъ сильныхъ громовъ и отъ жестокой молніи укрыться подъ онымъ не могъ; становится на колѣна, простираетъ руки свои къ небу и проситъ Юпитера объ утоленіи его гнѣва.

Наконецъ ужасная сія гроза утихла, а день сталъ приближаться уже къ вечеру. Милордъ сѣвши на лошадь, хотѣлъ ѣхать домой и, оборотясь въ одну сторону, увидѣлъ не далеко отъ того дерева подъ кустомъ зайца, который тотчасъ вскочилъ и побѣжалъ къ лѣсу. Бывшія же съ Милордомъ собаки бросились за нимъ и такъ

близко къ нему прилѣзли, что изъ спины шерсть съ кровью вырвали, а заяцъ оторопѣвъ вертѣлся между собаками. Милорду казалось, что они вѣрно его поймають, но заяцъ, приближаясь къ одному острову, вдругъ отъ собакъ укрывся; Милордъ, какъ горячій охотникъ, хотя и скакалъ вслѣдъ за нимъ во всю пору, однако изъ глазъ своихъ потерялъ, а вѣхавши въ островъ, увидѣлъ своихъ собакъ всѣхъ въ крови, съ превеликою злобою лающихъ, рвущихъ траву и дерущихъ землю, такъ что онъ ихъ и отбить не можетъ. Но вдругъ, отдаляясь отъ того мѣста, они опять поскакали бросаясь то въ одну сторону, то въ другую, подобно какъ бѣшенныя, а за ними умножался кровавый слѣдъ; только отъ чего и на что они лають и зачѣмъ скачутъ, ничего примѣтить не возможно, и такъ они изъ виду его глазъ ускакали.

Милордъ, по обыкновенію охотнической страсти скакавши безъ всякаго разсудка, забылъ, что за нимъ не было ни одного человѣка, ибо всѣ охотники во время грозы, собирая собакъ, разсѣялись по разнымъ мѣстамъ. И такъ онъ, ѣздя по острову, искалъ своихъ собакъ и подавалъ охотникамъ въ рогъ голосъ; но тщетно было его стараніе, потому что они, искавъ не малое время

своего господина, подумали, что онъ отъ бывшей грозы прежде ихъ уѣхалъ, чего ради они возвратились домой.

Между тѣмъ, солнце свѣтлые свои лучи уже скрывать стало, а пріятная луна начинала показываться на горизонтѣ, и звѣзды по чистому небу блескъ свой испускали. Милордъ хотя и не робѣлъ, однакожъ, отъѣхавши очень далеко и находясь одинъ въ пустомъ мѣстѣ и не нашедъ своихъ милыхъ собакъ, не зналъ что дѣлать. Но наконецъ задумалъ еще ихъ искать, и отъѣхавъ не много, увидѣлъ одну свою англійскую суку мертвою: обѣ переднія ноги у ней переломлены и вокругъ нея множество крови; думалъ Милордъ и она какъ нибудъ убилась. Потомъ немного подалѣе наѣхалъ на палеваго кобеля, пополамъ перерваннаго. Отъ сего Милордъ пришелъ въ сомнѣніе, потому что кромѣ одного зайца никакого звѣря не видалъ, а собаки его умерщвлены чуднымъ образомъ. Отъѣхавъ нѣсколько еще, усмотрѣлъ любимую свою суку безъ головы, подбитую подъ корень одного дерева, отъ котораго и прошелъ въ лѣсъ не малый кровавый слѣдъ. Отъ сего онъ пришелъ въ великій страхъ и не могъ понять, отъ чего сіе происходило. Однакожъ, укрѣпя себя разсудкомъ, отважился ѣхать далѣе, любо-

пытствуя, не можетъ ли еще чего увидѣть, ибо оный слѣдъ, за происходящимъ отъ мѣсяца свѣтомъ и многой крови, потерять было не возможно. И такъ по сему слѣду нечувствительно заѣхалъ онъ въ превеликій густой лѣсъ, по которому ѣздивши почти всю ночь, не зная, куда выѣхать, и лошадь свою такъ утомилъ, что едва она могла ступать. Сіе отняло у него послѣднюю смѣлость; тутъ началъ онъ приходить въ отчаяніе, потому что заѣхалъ въ незнакомый, великій и почти непроходимый лѣсъ, въ которомъ отъ лютой звѣрей могъ быть подверженъ великой опасности, и къ оборонѣ своей кромѣ ножа ничего не имѣлъ, а за утомленіемъ лошади, никакъ далѣе ѣхать было невозможно. Въ силахъ печальныхъ размышленіяхъ онъ находился до тѣхъ поръ, какъ солнце уже опять стало показываться на горизонтѣ, и небо, какъ яхонтъ голубаго цвѣта, представилося глазамъ Милорда, по которому текуція, тонкія и прозрачныя облака обѣщали ясную и пріятную погоду слѣдующаго дня. Черезъ сіе сіяніе, лѣсъ впереди его сталъ казаться гораздо рѣже, и сквозь него видно было чистое мѣсто. Направляя туда свою лошадь, онъ выѣхалъ на небольшой съ рѣдкими лавровыми деревьями лугъ, на которомъ пронзростали раз-

личные прекраснѣйшіе цвѣты, отъ которыхъ происходило великое благоуханіе и кои показывали пріятный видъ.

Милордъ не иначе о семъ мѣстѣ думалъ, какъ оно нарочно уготовано богинею Церерою для чистѣйшей богини Діаны, когда она приходитъ, утружденная съ ловитвы, со своими нимфами для сладкаго покоя.

Веселясь онъ симъ прекраснымъ мѣстомъ и смотря на растущую на томъ лугу ровную и густую траву наслаждался благоуханіемъ, происходящимъ отъ различныхъ цвѣтовъ, съ великимъ удовольствіемъ. Но какъ онъ всю ночь проводилъ безъ сна, и обыкновенно на утренней зарѣ лучшій и пріятный сонъ бываетъ у человѣка, особливо же при претерпѣніи всякаго безпокойства, то сонъ сталъ его такъ одолѣвать, что Милордъ могъ едва сидѣть на лошади, чего ради принужденъ онъ былъ съ лошади слѣзть и, привязавъ ее къ одному дереву, самъ легъ подъ тѣнію онаго на зеленой и густой травѣ спать. А какъ довольно выспался, то вставши ходилъ по сему прекрасному лугу, рвалъ цвѣты и плелъ изъ нихъ вѣнокъ, который хотѣлъ отвезти въ презентъ своей невѣстѣ за превеликую диковину, ибо онъ думалъ, что въ Лондонѣ и въ королевскомъ саду такихъ цвѣтовъ не было, только не

знать, въ которую сторону ему изъ лѣсу выѣхать, и для того принужденъ былъ взлѣсть на одно дерево и смотря съ онаго увидѣлъ не далеко отъ того мѣста небольшую и подчищенную рощу, отъ которой по перспективной дорогѣ, усаженной разными деревьями, видѣнъ былъ преогромный каменный, удивительной архитектуры домъ. Увидѣвши это Милордъ принялъ въ удивленіе, разсуждая какому бы въ такомъ пустомъ мѣстѣ быть дому? Чего ради и принялъ намѣреніе для любопытства туда ѣхать и, сѣвши на свою лошадь, пріѣхалъ прямо къ воротамъ того дома, у которыхъ прикованы были на желѣзныхъ цѣпяхъ два прѣвеликіе свирѣпые льва, выпускающіе преужасный ревъ и бросившись одинъ на другаго, но за короткостью цѣпей сразиться между собою не могли. Любопытство Милордово было столь велико, что онъ вознамѣривался проскакать на дворъ. И такъ ударивши свою лошадь шпорами, пустился во всю пору, но отъ лютости сихъ звѣрей ускакать не могъ, ибо какъ скоро противъ ихъ поровнялся, то они въ мгновеніе оба, ухватя его лошадь, растерзали, а онъ, свалясь съ лошади, такъ скоро и легко на дворъ откатился, какъ бы сильнымъ вѣтромъ его отъ лютости сихъ звѣрей отбросило.

Вставши съ земли, не знаять которымъ богамъ приносить благодареніе за спасеніе своей жизни. Но притомъ не мало удивлялся, что какъ на дворѣ, такъ и въ открытыхъ у палатъ окнахъ не видно было ни одного человѣка, чего ради пошелъ онъ прямо къ палатамъ и вошелъ въ сѣни, въ которыхъ полъ устланъ былъ коврами, стѣны обиты разноцвѣтными ткаными обоями, а лѣстница убрана самымъ лучшимъ сукномъ, по которому Милордъ идти не осмѣлился, а прошелъ вверхъ по сторонѣ лѣстницы и вошелъ въ пребогато меблированный различными драгоценными уборами залъ, посреди котораго накрытъ былъ на осьмнадцать приборовъ столъ; въ прочіе покои двери всѣ были отворены и черезъ нѣсколько комнатъ стояла, въ одной горницѣ, бархатная малиновая съ золотымъ галуномъ кровать. По всѣмъ имѣющимся въ томъ домѣ богатымъ уборамъ надобно было думать, что сей домъ принадлежитъ королю или знатному принцу. Только ни одного человѣка не было, чего ради Милордъ во внутренніе покои идти не осмѣлился, но, вышедши опять въ сѣни хотѣлъ стать и дожидаться, не можетъ-ли кого увидѣть и обо всемъ освѣдомиться. Но только вышелъ Милордъ въ сѣни и взглянулъ къ воротамъ, то увидалъ подъѣзжаю-

щую къ онимъ карету, которая была цугомъ, и прикованные у воротъ два злобные льва тотчасъ пошли по своимъ, назначеннымъ для нихъ, мѣстамъ. Карета, въѣхавъ на дворъ и не доѣзжая немного до крыльца, остановилась, а изъ ней вышла прекрасная собою дама. Милордъ, видя сіе, разсуждалъ лучше сойти внизъ и ее встрѣтить. Дама, увидѣвши его и поклонясь ему, не остановилась; потомъ подъѣхала на дворъ другая карета, пребогатоубранная, съ шорами на лошадахъ и подъѣхавъ къ самому крыльцу, остановилась и вышла изъ нея одна дама же въ бѣломъ платьѣ, такой неописанной красоты, что Милордъ отъ радости не смѣлъ на нее смотрѣть и стоялъ какъ изумленный. Дама сія взглянувъ на него свирѣпымъ видомъ и не сказавъ ни слова, пошла прямо по сукну на верхъ; потомъ еще пріѣхали пять каретъ цугомъ; въ каждой сидѣло по три дамы и, подъѣхавъ къ крыльцу и вышедъ изъ каретъ, равнымъ же образомъ, поклонясь ему, слѣдовали за первою, а послѣдняя изъ нихъ сказала ему, чтобъ изволить идти въ покои Маркграфини. Милордъ, не отвѣтствуя ничего, но поклонясь съ учтивостью и страхомъ, пошелъ за ними.

Въ сіе время пришла ему на память невѣста его Елизавета, о которой онъ ду-

малѣ, что подобной ей въ красотѣ сыскать не можно, но изъ сихъ самая послѣдняя се превосходила, а Маркграфиню почиталъ онъ уже не иначе, какъ богинею, а не человѣкомъ! Только не зналъ, кто она таковая и въ какомъ она мѣстѣ находится.

Въ такихъ размышленіяхъ вошелъ онъ къ прежде видѣнную имъ залу, въ которой уже находилось человѣкъ до двадцати лакевѣ и офиціантовъ въ пребогатомъ платьѣ, изъ которыхъ одинъ подошелъ къ Милорду и съ учтивостію сказалъ, чтобъ онъ изволилъ идти въ аудіенцъ - камеру. Милордъ, послѣдуя за нимъ, вошелъ въ пребогато убранную горницу, которая обита золотымъ глазетомъ съ вырѣзанными изъ парчей разныхъ цвѣтовъ букетами; по срединѣ оной стоялъ сдѣланный изъ самаго чистаго мрамора тронъ надъ которымъ балдахинъ изъ зеленаго бархата пребогато убранный золотомъ. На ономъ тронѣ сидѣла Маркграфиня, а по правую сторону трона стояли шестнадцать прекрасныхъ дѣвицъ въ одинаковыхъ пурпуроваго цвѣта платьяхъ. Какъ скоро Милордъ вошелъ въ сію комнату, то Маркграфиня встрѣтила его слѣдующими словами,

— А, господинъ Милордъ! я вѣсь очень давно желала видѣть, но никакимъ спосо-

бомъ до сего времени случая не имѣла, а теперь вы и сами ко мнѣ незваные пріѣхали, только не знаю съ какими глазами и совѣстью могли вы предо мною показаться! и оборотясь къ своимъ фрейлинамъ сказала:

— Вотъ тотъ Англійскій Милордъ, спѣсивый женихъ, который изъ двѣнадцати во всемъ свѣтѣ славныхъ портретовъ, которыхъ я могу показать моимъ пріятельницамъ, ни одной себѣ въ невѣсты не только не удостоилъ но ни одна изъ нихъ безъ ругательства не осталась и, оборотясь къ Милорду, говорила:

— Вы, сударь, не думайте, чтобъ я за ихъ обиду вамъ мстила, а при томъ поздравляю васъ по выбору вашему съ невѣстою и увѣряю, что вы своимъ выборомъ такъ ошиблись, что она противъ обруганныхъ вами ни одной ихъ ноги не стоитъ, а только въ томъ предъ ними имѣетъ преимущество, что черезъ три мѣсяца по женитвѣ вашей можно будетъ васъ поздравить съ сыномъ или дочерью. Слышавши сіе Милордъ пришелъ въ великое сомнѣніе и не могъ понять, почему бы Маркграфиня обо всемъ томъ могла вѣдать, ибо разсужденіе о портретахъ было только при трехъ персонахъ и на тѣхъ столько онъ надѣялся, какъ самъ на себя, при-томъ же видя его въ первый разъ и не

спрося, кто онъ таковъ, какъ извѣстно ей его имя и какъ она всѣ его дѣла знаетъ.

Все сіе приводило Милорда въ чрезмѣрное удивленіе, почему уже не осмѣлился онъ никакого въ томъ приносить оправданія, а вознамѣрился открыть самую истину, чего ради и отвѣчалъ ей:

— Милостивая государыня, осмѣлюсь о помянутыхъ двѣнадцати портретахъ донести, что я говорилъ объ нихъ не въ поношеніе ихъ чести, но по принужденіи сестры своей и тетки, которыя выбирали мнѣ невѣсту, показывали мнѣ портреты, а я не имѣя тогда еще намѣренія жениться, говорилъ о нихъ для того, чтобъ онѣ меня больше къ женитьбѣ не принуждали, а что теперь по несчастью моему имѣю невѣсту, то она не по выбору и желанію моему, но по провидѣнію боговъ дана мнѣ отъ короля, моего государя, и ежели она дѣйствительно такого состоянія, какъ вы объявляютъ изволите, то я желаю лучше жизни лишиться, нежели постѣ трехъ мѣсяцевъ моей женитьбы сносить ругательское поношеніе! и выговаривая сіе сталъ предъ Маркграфинсю на колѣна. Она, видѣвши сіе, сошла тотчасъ съ трона и поднявъ его за руку сказала:

— Милордъ, вы ни чѣмъ другимъ, какъ только истиннымъ признаніемъ, спасли жизнь

свою. отъ справедливаго моего гнѣва, ибо я никакъ не думала, чтобы такой честный и справедливый англійскій Милордъ могъ поносить честь дамскую. Развѣ вы не знаете, богиня Діана, хранительница честности, за сіе безъ отомщенія не оставляетъ? Но однакожь теперь я вамъ все прощаю и желаю вѣдать, знаете-ли вы, гдѣ теперь находитесь и съ кѣмъ говорите?

— Ваше высочество! отвѣчалъ Милордъ, —я слышалъ отъ вашихъ фрейлинь; что онѣ именovali васъ Маркграфинею, а больше ничего этого не знаю!

Маркграфиня усмѣхнувшись сказала.

— Я — Фридерика Луиза Бранденбургская, вдовствующая Маркграфиня.

— Ваше высочество, говоритъ Милордъ, я еще будучи въ школѣ, о красотѣ и премудрыхъ вашихъ дѣлахъ довольно читалъ въ одной италіанской книгѣ.

Маркграфиня пожаловала его къ рукѣ и, оборотясь къ своимъ фрейлинамъ сказала:

— Я думаю, время уже кушать! и пошла въ залу. Милорду приказала идти за собою и посадила его за столъ возлѣ себя, а прочіе вокругъ ихъ сѣли.

Во время стола Маркграфиня разговаривала съ Милордомъ о разныхъ матеріяхъ съ великою пріятностію; а по окончаніи

стола, взявъ его за руку, повела въ свою спальню и, посадивъ подлѣ себя на кровать, говорила:

— Вы очень меня одолжите, если расскажете, какимъ образомъ изъ Лондона отлучились и сюда заѣхали?

— Ваше высочество, отвѣчалъ Милордъ, — я, видѣвши высочайшую къ себѣ милость, за великое буду почитать счастье, что удостоюсь объявить вамъ не только странное вчерашнее со мною приключеніе, но всю исторію съ начала моей жизни. И сталъ разсказывать слѣдующими словами:

— Когда судьба лишила меня любезнѣйшаго моего родителя, Ирма, то я остался послѣ него въ самыхъ еще младенческихъ лѣтахъ подъ охраненіемъ моего дяди, Христофора, роднаго брата моего родителя, матери же моей я ни мало не помню. Сей мой дядя принявъ меня подъ свое покровительство, такое обо мнѣ имѣлъ попеченіе какъ бы о родномъ своемъ сынѣ, но къ несчастію моему, онъ по приказанію королевскому назначенъ былъ для нѣкотораго секретнаго дѣла полномоченнымъ министромъ въ Константинополь, почему и разсуждалъ онъ, что со мною дѣлать: оставить меня одного въ домѣ моего родителя въ такихъ младенческихъ лѣтахъ почиталъ за

невозможное, опасаясь, чтобъ я въ самомъ младенчествѣ не присвоилъ себѣ привычки къ худымъ дѣламъ: также и къ себѣ взять въ домъ не имѣлъ возможности, потому что онъ жены уже не имѣлъ, а только были у него двѣ дочери, большая, именемъ Люція, семнадцати лѣтъ, а другая Фелистина, пятнадцати лѣтъ, о которыхъ онъ также не мало беспокоился, что онѣ въ такихъ молодыхъ лѣтахъ остаются безъ всякаго покровительства; разсуждая, что какъ бы не были добродѣтельны его дочери, но, живучи однѣ въ домѣ, ни какъ не могутъ остаться отъ бездѣльниковъ безъ поношенія чести; но наконецъ рѣшился онъ оставить меня въ домѣ моего родителя подъ присмотромъ одного изъ нашихъ служителей, добродѣтельнаго человека, именемъ Франца, и призвавъ одного изъ славныхъ въ Лондонѣ учителей, именемъ Ягана, договорился съ нимъ, чтобы онъ принялъ меня къ себѣ въ школу для ученія по склонности моей къ разнымъ наукамъ и просилъ его, чтобы онъ прилежное имѣлъ обо мнѣ попеченіе, обѣщая ему по возвращеніи своемъ изъ Константинополя учинить сверхъ договорнаго числа приличное награжденіе. Дочерей же своихъ оставилъ подъ присмотромъ родной своей сестры Маргариты, и хотя онъ къ

правленію своего дома имѣть вѣрнаго и надежнаго человека, однако же, приказалъ ему, чтобъ онъ обо всемъ докладывалъ его старшей дочери Люціи и ничего-бы безъ позволенія ея не дѣлалъ.

Такимъ образомъ, учредя въ своемъ домѣ всѣ порядки и давъ дочерямъ своимъ надлежащія наставленія и простясь съ ними, предпринялъ путешествіе въ Константинополь.

И такъ я, лишившись покровительства любезнаго своего дяди, остался въ самыхъ еще младенческихъ лѣтахъ подъ присмотромъ помянутаго моего дядьки Франца. А какъ обыкновенно всѣ дѣти имѣютъ больше охоты и склонности къ рѣзвостямъ и шалостямъ, нежели къ наукамъ, то сей разумный и добродѣтельный человекъ, умными своими разговорами и прилежностью, такъ меня нечувствительно отъ рѣзвостей дѣтскихъ отвратилъ и научилъ упражняться въ наукахъ, что я хаживалъ въ школу съ такою охотою какъ бы въ какую веселую компанію, и книги мнѣ казались вмѣсто пріятной музыки; а когда я возвращался изъ школы домой, то сей дядька рассказывалъ мнѣ разныя нравоучительныя исторіи и толковалъ какъ мнѣ должно обращаться въ свѣтѣ. Я смѣло могу сказать, какъ не славень

былъ мой учитель, Яганъ, но онъ не могъ столько вселить въ меня добродѣтели и хорошаго поведенія, какъ сей мудрый дядька; онъ съ такимъ прилежаніемъ и рвеніемъ наблюдать всѣ мои поступки, что ни одинъ часть отъ меня не отлучался и безъ себя ни одного человѣка изъ людей ко мнѣ не допускалъ, опасаясь, чтобъ они иногда не произносили при мнѣ пустыхъ и неприличныхъ разговоровъ, какъ то обыкновенно при молодыхъ господахъ бываетъ, почему и учитель мой былъ доволенъ моимъ поведеніемъ и прилежаніемъ къ наукамъ, и всегда меня предъ всѣми моими товарищами хвалилъ и часто говорилъ, что у него еще никогда не было такого понятливаго и прилежнаго ученика. Но сія его похвала мнѣ иной разъ была не особенно пріятна, потому что онъ же обучалъ принцессу Ирнію, чего ради не рѣдко прихаживалъ къ нимъ въ школу самъ король съ королевою, и когда случался у нихъ разговоръ о наукахъ, то учитель мой и при ихъ величествахъ часто упоминалъ обо мнѣ и съ такой похвалою, какой еще, вовсе во мнѣ не доставало, и говоритъ, что онъ такой строгой головы къ понятію къ наукамъ еще не видывалъ никогда, и черезъ то такое обо мнѣ доложилъ королю мнѣніе, что онъ приказалъ одному изъ сво-

ихъ придворныхъ, когда я буду во дворцѣ, всегда ему обо мнѣ докладывать. И хотя я тогда былъ еще молодъ, но по позволенію королевскому, во дворецъ въ торжественные дни, въ маскарады и на куртаги хаживалъ; а въ одинъ день будучи во дворцѣ, король, увидѣвши меня, изволилъ самъ ко мнѣ подойти и пожаловалъ меня къ рукѣ, нѣсколько со мною разговаривалъ, и я ему такъ понравился что онъ приказалъ своеѣ принцессѣ Иринѣ взять меня танцовать. Я протанцовалъ съ нею одинъ минуешь, принялъ еще одну дѣвицу, которая близко около меня случилась и о которой я послѣ свѣдалъ, что она дочь королевскаго гофмаршала, именемъ Елизавета, нынѣшняя моя невеста, только мнѣ въ то время примѣчать ее не было желанія, потому что я по молодости лѣтъ никакого намѣренія о женитьбѣ не имѣлъ. Король, имѣвшій любовь, смотрѣлъ на меня, очень меня хвалилъ и приказалъ мнѣ, чтобы я въ праздничные дни, когда не учатся въ школѣ, всегда ѣздилъ во дворецъ и старался-бы съ прилежностью продолжать свои науки, обладеживая меня своею милостію. Я по приказу королевскому хотя ѣзжалъ, но очень рѣдко, ибо любезный мой дядька какъ бы что предчувствовалъ и меня не отпускалъ. Но, къ несчастію моему, по

прошествіи трехъ лѣтъ послѣ отъѣзда моего дяди въ Константинополь, Францъ, сей добродѣтельный мужъ, будучи семидесяти лѣтъ, скончался, лишившись котораго я не меньше объ немъ жалѣлъ, какъ о моемъ родителѣ и столько плакалъ, и грустилъ и скучалъ, что доходило до безпокойства, отъ чего пришла ко мнѣ жестокая горячка, отъ которой принужденъ былъ лежать четыре недѣли въ постели. Сестры мои, Люція и Филистина, во время моей болѣзни очень часто меня навѣщали, а при нихъ и служители имѣли ко мнѣ въ спальню свободный входъ и все, что имъ разсудилось, довольно со мною для моего увеселенія разговаривали, чего прежде при любезномъ моемъ дядкѣ Францѣ сдѣлать никакъ не могли.

Спустя нѣсколько времени случилось мнѣ въ именины Люціины быть опять у нея, и какъ только гости всѣ разъѣхались, и мы остались одни, то тетка наша Маргарита говорила мнѣ, что время мнѣ жениться, и выхвалила многихъ дѣвицъ; при томъ же и сестра Люція о томъ же мнѣ совѣтовала, представляя въ невѣсты нѣкоторыхъ знакомыхъ ей дѣвушекъ. Но какъ я не хотѣлъ еще жениться, то смѣясь отвѣчалъ имъ, что у насъ въ Лондонѣ нѣтъ такой невѣсты, на которой бы я согласился жениться, при-

томъ-же я еще многихъ коротко не знаю и на выборъ другихъ въ семь случаѣ, кромѣ самого себя, ни на кого положиться не могу, что отъ женитьбы зависить вѣчное человѣческое счастье или несчастье.

Люція на сіе мнѣ говорила:

— Братецъ, теперь вы всѣ науки кончили, домъ имѣете богатый, имѣнія довольно, и такъ вамъ остается только искать, чтобы невѣста ваша была честная и добродѣтельная. Хотите-ли вы, братецъ, я вамъ покажу двѣнадцать славныхъ портретовъ, вы только выбирайте, которая больше понравится, а за достоинство ихъ я вамъ ручаюсь. Я на сіе смѣясь говорилъ ей:

— Пожалуй покажи, я готовъ васъ слушать.

Люція, взявъ меня за руку, повела въ спальню, а за нами вошла Маргарита и Филитиса и показывали мнѣ тѣ портреты, которые были самой лучшей работы.

1. Вильгельмина, Дармштадтскаго генерала дочь. Я, смотря на оную, сказалъ:

— Она-бы очѣнь хороша была да только немного кривороты.

Люція отвѣчала мнѣ:

— Можетъ быть, ошибся живописецъ а у ней этого нѣтъ.

2. Ульрика Елеонора, Шведскаго генераль лейтенанта дочь.

— Правда говорилъ я,—ее бы можно было назвать красавицею, но жалко что кривороты.

3. Софія, родная племянница маркиграфа Бранденбургскаго...

Маркиграфиня, прервавъ Милордову рѣчь, сказала:

— Она и мнѣ племянница, однако, пожалуйста не опасайся, говори какъ было.

— Извольте быть увѣрены, ваше высочество, отвѣчалъ Милордъ,—я ничего отъ васъ утаить не могу.

Милордъ продолжалъ:

— Я, смотря на портретъ, сказалъ: она немного кривоноса.

— 'Ахъ, дурно, братецъ, такъ ругать, говорила мнѣ сестра.

— Что ты сердишься? Здѣсь никого нѣтъ постороннихъ, и ни кто о семъ вѣдать не можетъ.

Потомъ она мнѣ показала остальные портреты, я и о нихъ также отозвался, находя у нихъ недостатки.

Маркиграфиня, выслушавши сіе и усмѣхнувшись, сказала:

— Милордъ, я думаю что ты можешь видѣть, что я ничѣмъ твоей невѣсты и показываемыхъ тебѣ Люціею портретовъ не хуже, однакожъ, я бы желала имѣть васъ

своимъ мужемъ. Только не знаю, не противна ли я вамъ буду и можете-ли вы оставить свою невѣсту, а что невѣста ваня честь свою принесла на жертву одному своему пажу, она-же имѣетъ у себя такую ехидную мамку, которая чрезъ волшебство такъ ее обворожила, что она во всемъ ее слушаетъ, и для того вамъ нужно ее остерегаться, ибо вѣрно знаю, что ежели вы на Елизаветѣ женитесь, то черезъ годъ лишитесь жизни.

— Милостивая государыня, говоритъ Милордъ, возможно-ли статья, чтобы милосердные боги могли положить такой предѣлъ, чтобъ мнѣ изъ Милордовъ сдѣлаться вашимъ супругомъ и обладать такою божественною красотою.

— Я съ своей стороны, говорила Маркграфиня, очень сего желаю, да и для васъ, я думаю, гораздо лучше короля своего оставить и сдѣлаться ему равнымъ, нежели быть подданнымъ: только прошу васъ, чтобъ вы никого не оповѣщали объ этомъ, а держали въ глубокой тайнѣ.

— О, боги! вскричалъ Милордъ, что я слышу, не сонное ли мечтаніе представляется глазамъ моимъ или тихимъ вѣтромъ съ высоты Олимпа отъ благодати боговъ сіе предвѣщаніе приносится? Не ты ли, чистѣйшая Діана, желаешь меня избавить отъ безчест-

ной невѣсты, или ты, премудрая Минерва, хочешь препроводить меня, какъ Телемаха, сына Улисса?

Маркграфиня, видѣвши чрезмѣрное Милордово восхищеніе, говорила ему, чтобъ онъ ни о чемъ не сомнѣвался, только быть бы терпѣливъ, а она уже намѣренія своего перемѣнить не можетъ.

— Только я, говорила она Милорду, прежде трехъ лѣтъ никакъ тебя имѣть мужемъ не могу, а по прошествіи трехъ лѣтъ, гдѣ бы ты не былъ, я сама тебя отыщу, причина же тому слѣдующая:

Когда смерть разлучила меня съ любезнымъ моимъ супругомъ, и я осталась послѣ того бездѣтна, то тягостное правленіе государственныхъ дѣлъ такъ меня обезпокоило, что я, для обезпеченія своей тягости, приняла намѣреніе искать достойнаго жениха, и въ одно время, будучи у одного моего камергера, увидала вашу портретъ, на который смотря спрашивала, чей онъ и похожъ ли на того, съ кого писанъ? Онъ мнѣ описывалъ васъ съ похвалою, и я съ того самаго часа почувствовала къ тебѣ чрезмѣрную любовь и положила за неперемѣнное намѣреніе имѣть васъ своимъ мужемъ. А какъ я съ самаго малолѣтства была обучена такой наукѣ, что все будущее могу угадывать, и

чтобъ не задумала, все сдѣлаю, только на время, а не вѣчно, и боги по своему милосердію всѣ мои просьбы исполняютъ, и потому какъ я по сей наукѣ свѣдала, что вы на Елизаветѣ сговорены, то я цѣлые два мѣсяца, всякій день принося богинѣ Минервѣ великія жертвы, просила ее близъ Лондона построить мнѣ сей домъ. Мудрая сія богиня склонилась на мою просьбу и тотчасъ приказала въ одну ночь домъ сей построить, и богиня Веста, изобрѣтательница домовъ, всѣми богатыми уборами его украсила. Я, пріѣхавши сюда, не знала какъ тебя увидѣть; посвѣдавъ по моей наукѣ, что ты поѣхалъ за охотою, то, принося великому Юпитеру жертву, просила, чтобъ онъ воздвигнулъ и громъ и молнію съ дождемъ и бурей, а богиня Минерва послала отъ себя скорую Ирису и велѣла ей явиться передъ тобой зайцемъ, за которымъ твои собаки гонялись. Нептунъ-же послалъ нѣкоторое непріязненное божество и велѣлъ собакамъ твоихъ растерзать, а тебѣ ослѣпить очи и напустить страхъ, чтобъ ты не зналъ куда выѣхать. Потомъ я, видя тебя въ такомъ безпокойномъ страхѣ, просила опять боговъ о твоёмъ спокойствіи, чего ради богиня Церера показала тебѣ украшенный благовонными цвѣтами лугъ, а Фебусъ отяготилъ

очи твои легкимъ и пріятнымъ сномъ и наконецъ привелъ тебя ко мнѣ въ сей неоцѣненный сокровища домъ.

Маркграфиня, видя Милордово сомнѣніе, говорила:

— Отпустите мнѣ, какъ своей невѣстѣ, сію вину, что я васъ чрезъ сію свою хитрость такъ много обезпокоила..

— Милостивая государыня! отвѣчалъ ей Милордъ, цѣлуя ея руки, — возможно ли вамъ требовать прощенія отъ такого человѣка, который все свое благополучіе посвятилъ особѣ Вашего Высочества!

Въ сихъ разговорахъ проводили они весь день до самаго ужина, а по окончаніи вечерняго стола Маркграфиня, взявъ Милорда за руку, повела въ свою комнату.

— Однакоже, я думаю, что вамъ нужно ѣхать домой, ибо васъ давно по всему городу ищутъ, а завтра прошу васъ къ себѣ обѣдать.

— Какъ, Ваше Высочество! отвѣчалъ Милордъ. Возможно ли чтобы я такъ скоро сюда возвратился?

Маркграфиня усмѣхнувшись, сказала:

— Безъ сомнѣнія, можете, только я прошу васъ, чтобъ о семъ моемъ домѣ никому не объявлять, и когда ко мнѣ поѣдете, ни одного человѣка съ собой не берите. Вы отъ

Лондона такъ далеко, что отсюда его можно увидѣть, и, отворя окно, онъ, дѣйствительно, сквозь щель рощи увидѣлъ городъ свой. Милордъ удивился что о домѣ Маркграфини не знаютъ въ Лондонѣ.

Маркграфиня приказала заложить карету, въ которой Милордъ и поѣхалъ; и выѣхавъ изъ рощи на большую дорогу, видитъ, что Лондонъ стоитъ отъ рощи не далѣе одной мили. Приѣхавъ домой, карету Маркграфини онъ отпустилъ домой, а дома у себя сказалъ, что заѣзжалъ въ поле къ знакомому и у него двѣ ночи почевалъ и самъ, пересодѣвшись въ другое платье, поѣхалъ къ невѣстѣ своей Елизаветѣ.

Мама же Елизаветина чрезъ волшебныя хитрости видала все, что съ нимъ ни происходило, только никому не сказывала, а просила Елизавету, чтобъ она, когда онъ къ ней пріѣдетъ, спросила, гдѣ онъ былъ. Какъ скоро Милордъ вошелъ къ Елизаветѣ въ спальню, то она съ насмѣшкою благодарила его за присланную дичь, на что Милордъ съ учтивостью извинялся, что приключившаяся сильная гроза помѣшала ему услужить ей чѣмъ либо другимъ. Елизавета, по наученію своей мамки, различными способами старалась вывѣдать о его приключеніи, но ничего вывѣдать не могла. Выѣ-

хавъ изъ ея дома, разославъ своихъ слугъ, Милордъ поѣхалъ къ Маркграфинѣ. И какъ скоро пріѣхалъ къ ея дому, то прикованные у воротъ львы тотчасъ вошли въ свои мѣста, и его пропустили. Въѣхавъ на дворъ, онъ прямо пошелъ къ Маркграфинѣ въ спальню. Увидѣвши его, она встрѣтила его съ великою радостью, и весь вечеръ проводили въ разныхъ пріятныхъ разговорахъ, а по окончаніи вечерняго стола говорила она ему:

— Любезный Милордъ, я радуюсь, что вы еще одну ночь у меня ночуете. Знаете ли вы, что я, узнавъ сколько вы малодушны, нетерпѣливы, опасаюсь, чтобы вы сего случившагося приключенія по своей невозддержности не открыли, что ежели сдѣлаете, то раньше шести лѣтъ меня не увидите, потому что я по смерти своего супруга богамъ клялась четыре года вдовствовать, и принося богинѣ Діанѣ жертву, просила, чтобы мнѣ по прошествіи четырехъ лѣтъ дали боги достойнаго мужа, на что и получила отъ сей богини отвѣтъ:

— Дадутъ тебѣ боги по твоему желанію жениха отъ честной природы англичанина и послѣ четырехъ лѣтъ будешь женою, и жизнь вамъ опредѣлятъ благополучную, только научи его хранить тайну и быть терпѣливымъ и твердымъ. А ежели вы не будете

воздержны и прежде вашего брака кто о любви вашей свидаетъ, то уже не прежде какъ постѣ шести лѣтъ бракъ вашъ совершится и то по претерпѣннѣ великихъ несчастливыхъ приключеній.

— И такъ я пробую твою слабость, продолжала Маркграфиня, и надѣюсь, что ты можешь себя сохранить отъ ехидной хитрости Елизаветинои мамы, и для того я васъ предостерегаю, что ежели невѣста твоя свидаетъ, то уже вы меня прежде шести лѣтъ никакимъ образомъ не увидите. А вамъ осталось только завтра ко мнѣ пріѣхать проститься, ибо я здѣсь жить болѣе не могу, но для нѣкотораго важнаго дѣла отъѣзжаю въ Дурлахъ, и сего дома вы здѣсь болѣе не увидите.

Въ такихъ разговорахъ препровождали всю ночь безъ сна, и какъ насталъ слѣдующій день, то, напившись чаю и кофе, Маркграфиня приказала заложить карету и, отпуская Милорда въ Лондонъ, прощалась съ нимъ со слезами и еще напоминала, чтобъ онъ сколько возможно быть терпѣливъ и никому сей тайны не открывалъ. Милордъ клялся иностраннѣйшими клятвами и увѣрялъ, что онъ скорѣй согласится для нея лишиться жизни, нежели открыть сію тайну. И такъ, сѣвъ, поѣхалъ домой и еще разъ простился съ Маркграфинею.

Чрезъ нѣсколько лѣтъ Милордъ женился на Маркграфинѣ.

Такимъ образомъ Милордъ Георгъ, будучи Бранденбургскимъ герцогомъ, за благоразумное правленіе своего владѣнія былъ всегда любимъ всѣми своими подданными, прославилъ имя свое по всей Германіи, и доживъ съ премудрою Маркграфинею до самой глубокой старости, къ немалому сожалѣнію своихъ подданныхъ, скончался, прежде Георгъ, а послѣ чрезъ два мѣсяца и Маркграфиня, оставя достойныхъ престола своего наследниковъ. (1861 г.)

XXXVIII.

Преданіе о томъ, какъ солдатъ спасъ Петра великаго
отъ смерти.

былъ августъ мѣсяць 1718 года. Насмурный день склонился ужъ къ вечеру. Невдалекѣ отъ Петербурга, въ густомъ лѣсу, слышались глухіе звуки охотничьихъ роговъ, но и тѣ потомъ совершенно затихли. Въ то же время проходилъ лѣсомъ отставной солдатъ и бормоталъ что-то себѣ подъ носъ;

онъ возвращался въ Петербургъ изъ отпуска.

— Что за дьяволыщина! — сказалъ наконецъ солдатъ громко. — Да ужъ не дѣшій ли водить меня по этому проклятому лѣсу. Хожу-хожу по нему и никакъ не выберусь на дорогу... А ужъ время подумать о ночлегѣ..

И онъ, продолжая разсуждать, брелъ потихоньку. Вдругъ изъ-за деревьевъ выѣхалъ всадникъ красивой и величественной наружности. Онъ одѣтъ былъ въ зеленое полукафтаные, опоясанное ремненнымъ кушакомъ, съ серебрянными бляхами; черезъ плечо на цѣпочкѣ висѣлъ у него серебрянный рогъ. Это былъ Петръ Великій. По совѣту бояръ и по просьбѣ царицы онъ отправился на охоту, чтобы разсѣять свои мрачныя думы. Охота однакоже въ этотъ день была неудачная. Государь, преслѣдуя бѣгущую лань, долго гнался за нею и, наконецъ, когда потерялъ ее совсѣмъ изъ виду, замѣтилъ, что заѣхалъ слишкомъ далеко и остался одинъ. Онъ сталъ трубить; вдалекѣ чуть слышно отвѣчали ему. Государь поѣхалъ на звукъ, но не въ ту сторону, откуда былъ слышенъ рогъ, и совершенно заблудился. Напрасно потомъ онъ продолжалъ трубить: ему вторило одно только эхо, а между тѣмъ время клонилось уже къ вечеру. Проплутавъ нѣсколько времени, онъ нат-

кнулся на солдата. Петръ радъ былъ встрѣчѣ и заговорилъ съ служивымъ:

— Эй, дядя, куда проѣхать на Питеръ?

Солдатъ взглянулъ на Петра и, не узнавъ въ немъ своего государя, отвѣчалъ:

— А кто ее знаетъ. Я и самъ вотъ ужъ часовъ пять или шесть хожу по этому чертовскому лѣсу и никакъ не выберусь на дорогу.

— Такъ поэтому мы съ тобой оба плутаемся?—спросилъ Петръ.

— Да, должно-быть что такъ.

— А ты въ какомъ полку служишь?—спросилъ государь опять солдата.

— Мало ли я въ какомъ служилъ; а теперь числюсь въ Невскомъ,—отвѣчалъ солдатъ.
—А ты изъ какихъ?

— Кто? Я-то?.. Я—царскій охотникъ, а зовутъ меня Григоріемъ,—сказалъ государь.

—Царю, видишь ли ты,—продолжалъ онъ,—вздумалось въ этомъ лѣсу поохотиться; я погнался за ланью, да и потерялся. Что же ты, дядя, остановился? Ступай рядомъ съ моей лошадыю, намъ двоимъ-то будетъ повеселѣе.

— А я, братъ любезный, хотѣлъ было прилечь подъ деревцомъ.

— Ну, къ чему же это, дядя! Лучше поѣдемъ, выберемся на дорогу, да тамъ и переночуемъ.

— Пожалуй!—проговорилъ солдатъ и потанцилъ свои усталыя ноги возлѣ лошади государя.

Говорунъ-солдатъ болталъ безъ умолку, а Петръ молчалъ и только изрѣдка отвѣчалъ на вопросы служиваго.

Служивый часто посматривалъ на Петра и, замѣтивъ, что онъ очень скученъ, сказалъ:

— Полно, Гриша, ность-то вѣшать,— будь повеселѣе; скукой, братъ, ничему не можешь.

— Ты изъ крестьянъ?—спросилъ Петръ служиваго, выходя изъ задумчивости.

— Да, братъ Гриша, изъ крестьянъ; а что?

— Давно ли ты поступилъ въ солдаты?

— Да такъ-давненько: года за три до перваго похода подъ Нарву.

— А-а! Такъ ты значитъ побывалъ подъ Нарвой?

— Какъ же, былъ; это мой первый походъ.

— Поучили-таки шведы васъ подъ Нарвою, какъ воевать нужно! Вѣдь васъ было тридцать тысячъ, а вы дали себя разбить!..

— Э-эхъ братъ, Гриша! Не мудрено было тогда шведу колотить насъ! Что мы были за солдаты? Ни въ одномъ сраженіи не бывали и на службѣ-то всего были два года,— совсѣмъ не понимали военного дѣла. Ну, да

къ тому же еще и голодали-то мы больно: подвоза провіанта не было! А нѣмцы то и дѣло измѣняли: все перебѣгали къ шведамъ... Зато, впрочемъ, и шведы поплакали-таки отъ насъ подъ Полтавою: мы имъ хорошо показали себя!..

— Ты подъ Полтавой дрался?

— Дрался, да еще какъ патѣшился мы! Отплатили шведамъ на порядкахъ за нашу православную вѣру и царя, отца нашего.

— А знаешь ли ты царя въ лицо?— спросилъ Петръ служиваго.

— Ишь вѣдь что сказать,—еще бы не знать,—отвѣчалъ служивый.—Онъ ростомъ-то повыше тебя будетъ, а молодець-то какой—чудо! Дай Богъ ему пожить побольше!

— Ну, а скажи мнѣ, служивый,—продолжалъ Петръ:—хороши ли у васъ командиры и довольны ли вы имъ?

— Ничего братъ Гринна, довольны; да вѣдь и то сказать: у нашего батюшки-царя никто своего дѣла не забудетъ: онъ сразу узнаетъ, кто хорошъ, кто худъ. Ты помнишь, я думаю, когда мы вели войну со шведамъ, Пинтеръ окружили рогатками. Подлѣ нихъ разставлены были часовые за тѣмъ, чтобъ ни одинъ шведъ не проскользнулъ въ Пинтеръ да не надѣлать бы чего недобраго. Вотъ въ одну ночь, онъ, нашъ батюшка-

царь, и задумалъ поразвѣдать, вѣрны ли у него часовые. Одѣлся онъ, знаешь, пошведски, да и подошелъ къ одному часовому. „Послушай, говоритъ, служивый, пропусти меня черезъ рогатку: я тебѣ за это дамъ рубликъ“.—„Проходи! крикнулъ часовой, замахнувшись на него кулакомъ. Я съ тебя и пяти не возьму“.—„Ну, вотъ тебѣ десять“, уговариваетъ его Петръ. „Проходи мимо! твердитъ часовой. Не пропущу, а не уйдешь—такъ заколю тебя!“ Государь подошелъ къ другому часовому, сталъ и этого просить, чтобы пропустилъ его за рогатку, и за это обѣщалъ дать ему хорошія деньги. Дернулъ чертъ часового: пропустилъ онъ государя за пять рублей черезъ рогатку. На утро, съ барабаннымъ боемъ, повѣстили всѣмъ намъ, что перваго часового государь жалуетъ капраломъ и даритъ ему десять рублей, а второго приказалъ строго наказывать.

И долго потомъ солдаты рассказывалъ Петру разныя разности, а лѣсъ все не кончается. Напѣ служивый вышелъ совершенно изъ терпѣнія.

— Что жъ это такое? Скоро ли же будетъ конецъ этому проклятому лѣсу? Уговорилъ ты меня, Гриша, идти за тобою, я и послушался, да теперь вижу, что тащиться-то

миѣ не такъ сподручно. Тебѣ хорошо ѣхать-то, а каково миѣ пѣхтурой-то плестись?

— Погоди, служивый, ужъ куда-нибудь да выѣдемъ же,—сказалъ Петръ.—А если умаялся ты, то садись ко миѣ на лошадь.

— И, что ты, Гриша! Я и глядѣть-то боюсь на лошадей, а не то, чтобы ѣхать на ней; вѣдь если придется слетѣть съ нея, то не такъ-то вкусно покажется... Знаешь что, Гриша: не вкарабкаться ли тебѣ на дерево да не посмотрѣть ли съ него—нѣтъ ли гдѣ хоть избушки какой, что ли, хоть огонька.

— Пожалуй, влѣзу, — говоритъ царь.— Только ты смотри, дядя, не ускочи отъ меня

— Что ты! Развѣ я разбойникъ какой, что ли, что я оставляю тебя одного сидѣть на деревѣ какъ бѣлку! Ужъ если пришлось намъ мыкаться, такъ вдвоемъ все-таки веселѣе.

И при послѣднихъ словахъ солдата государь полѣзъ на дерево, а служивый взялъ его лошадь подъ уздцы и началъ гладить. Гладилъ-гладилъ коня служивый, да и радѣлъ рукою за жестяную фляжку, которая была привязана къ сѣдлу лошади.

— Э,—пробормоталъ служивый, оцупавъ фляжку,—ужъ не съ водкой ли она? Дай-ка откупорю. Э-э-э! съѣдятъ-те мухи! Да тутъ анисовая! Это славно; ну-ка, попро-

бую, не выдохлась ли? Ухъ! да какая же важная, стогодовалая! очень хороша, право, хороша! Взлѣзай, взлѣзай, Грина, а я здѣсь за твое здоровье хлебну!—и онъ потянулъ изъ фляжки.

Между тѣмъ Петръ ужъ взобрался на вершину дерева и долго въ какомъ-то раздумьи разсматривалъ разныя стороны.

Солдатъ тѣмъ временемъ dokonчилъ все вино и пустую фляжку повѣсилъ на прежнее мѣсто.

— Ну что, даетъ ли Богъ? — спросилъ служивый.

— Влѣво видится огонекъ, вѣрно, въ избушкѣ лѣсничаго, и дорога наша, кажись, идетъ прямо на него, — отвѣчалъ Петръ, и самъ, окинувъ еще разъ взоромъ вокругъ себя, спустился на землю.

— Ну, слава Богу! — говорилъ солдатъ, будучи уже на порядкахъ пьянъ отъ опустошенія фляжки. — Садись же, Грина, на лошадь, да и пустимся; мнѣ ѣсть какъ собацѣ хочется, право; въ котомкѣ у меня лежатъ одни только черные сухари, а какъ придемъ куда на ночлегъ, тамъ авось что и посмажиге найдется.

Петръ вскочилъ на сѣдло и поѣхалъ шагомъ попрежнему; солдатъ пошелъ около лошади.

Скоро между деревьевъ показался просвѣтъ; послышался собачій лай, и черезъ нѣсколько времени служивый съ Петромъ были у каменнаго двухъ-этажнаго дома, построеннаго по срединѣ небольшой поляны. Въ одномъ изъ верхнихъ оконъ дома свѣтился огонекъ.

— Эге-ге! куда мы попали! — сказалъ служивый. — Ужъ не къ раскольникамъ ли? Это не похоже на избушку лѣсничаго, — это просто барскія хоромы.

Солдатъ сталъ пробовать ворота и калитку и, видя, что все заперто, началъ стучать въ ворота безъ милосердія кулакомъ и ногами; но сколько онъ ни барабанилъ, все было напрасно: на дворѣ ничего не слышно, кромѣ громкаго лая собакъ. Наконецъ и Петръ присоединился къ служивому; стали оба стучать и кричать, чтобы выпустили ихъ, но не тутъ-то было: никто не шелъ отворить имъ...

— Да что тутъ чертъ, что ль, живетъ? — говорилъ съ досадою служивый, — или покойники? Что вы, проклятые, думаете? Вы думаете — постучать, постучать, да и прочь пойдутъ. Нѣтъ, напрасно такъ думать изволите: не отойду отъ дома, пока не отворите; недѣлю буду стучать, мѣсяцъ, сколько силъ хватитъ, а ужъ заставлю отворить васъ!

Ну-ка, братъ Гринна, подѣзжай-ка сюда поближе. Я влѣзу къ тебѣ на лошадь, перемахну черезъ ворота, растворю ихъ, да и впущу тебя съ лошадкой на дворъ; такъ дѣло лучше сдѣлается.

Петръ поставилъ свою лошадь къ самымъ воротамъ, солдатъ взлѣзъ на нее, вскарабкался потомъ на ворота и махнулъ чрезъ нихъ на дворъ; но въ это время правая рука его зацѣпила за гвоздь,—онъ разорвалъ рукавъ мундира и оцарапалъ себѣ руку.

— О, чтобы черти затащили того къ себѣ въ преисподнюю, кто живетъ въ этой проклятой берлогѣ! чтобы скрючило вась, окаянныхъ, въ три погибели!—кричалъ и ругалъ служивый безъ милосердія обитателей дома, и съ бранью онъ уже былъ за воротами.

Пять огромныхъ собакъ бросились на неожиданнаго гостя и готовы были разорвать его. Служивый выхватилъ свой тесакъ и такъ ловко попотчивалъ одну и другую, что онѣ ушли съ воемъ, истекая кровью, а остальные собаки бросились назадъ. Отпирая ворота, заложенные засовомъ, и откладывая подворотню, служивый бѣсился и бранился безъ милосердія.

— Экіе вѣдь проклятые,—говорилъ онъ, —глухіе черти! По вашей милости я казен-

ный мундиръ разорвалъ да въ добавокъ еще руку оцарапалъ. Чѣмъ на васъ чума нашла, чтобы вамъ покоя не было!

Петръ въѣхалъ на дворъ. Въ это самое время отворилась дверь дома, и крестьянская баба съ фонаремъ въ рукахъ вышла встрѣчать прїѣзжихъ.

— Просимъ милости,—проговорила она, кланяясь въ поясъ.

— Вѣдьма ты кїевская, чортово ты дѣтище!—накинулся солдатъ на бабу, подбѣгая къ крыльцу.—Что у тебя навозомъ, что ли, кто унн заколотилъ? Битыйи часть стучали мы въ ворота, а ты и не слыхала, вѣдьма. По твоей милости, смотри, вотъ разорвалъ я казенный мундиръ да распоролъ руку; но ты со мной даромъ не раздѣласишься, съѣдятъ-те мухи: пересчитаю я у тебя кулаками всѣ ребра!

— Что ты, батюшка служивый, за что такъ осерчалъ на меня, кормилецъ,—говорила баба, кланяясь солдату.

— Полно, служивый, перестань браниться,—сказалъ Петръ, подѣхавъ за солдатомъ къ крыльцу и слѣзая съ лошади.

— Тебѣ, братъ Гринна, хорошо толковать-то, у тебя все цѣло, а я-то какъ съ заплаткою въ полкъ покажусь?—кричалъ солдатъ, размахивая руками.—Чтобы чортъ

сжевалъ тебя, негодную бабу!... Что вы за люди такіе? Говори!

— Не гнѣвайся, кормилецъ, мы люди бѣдные. Сожитель мой промышляетъ въ этомъ лѣсу звѣриной охотой,—отвѣчала крестьянка съ поклономъ въ поясъ.

— Что жъ онъ не выходитъ встрѣчать насъ, съѣдятъ-те мухи?

— Не бывалъ еще съ охоты, батюшка,—продолжала баба.

Петръ съ солдатомъ началъ разсѣдывать лошадь. Государь отвязалъ отъ сѣдла фляжку и хотѣлъ было положить ее за пазуху, но, почувствовавъ ея легкость, проговорилъ:

— Экій ты, братъ служивый! всю фляжку очистилъ, хоть бы глотокъ оставилъ.

— Не прогнѣвайся, братъ Гринна,—сознался служивый,—поздравилъ тебя, какъ влѣзъ ты на сосну.

Хозяйка стала запираеть ворота, а Петръ взошелъ на крыльцо и, отворивъ дверь, вступилъ въ теплыя довольно обширныя сѣни. Дверь направо отворилась, и изъ нея вышла встрѣчать гостей молодая крестьянская дѣвушка со свѣчкою въ рукахъ.

Дѣвушка очень хорошенькая личкомъ, молча поклонилась гостямъ и просила ихъ, указывая рукою, въ большую бѣлую избу.

Петръ вошелъ въ избу, снялъ съ головы шляпу и, помолясь на образъ, сѣлъ на лавку.

Въ это время вошелъ и солдатъ; онъ стащилъ съ своей головы шапченку и, помолясь на образъ, закричалъ хозяйкѣ:

— Эй, ты, косматая, заней мнѣ мундиръ, а не то я тебѣ задамъ перцу; а ты, красавица нарядная, приготожь-ка намъ хорошенкаго чего-нибудь поужинать,—продолжалъ служивый, обращаясь къ хозяйской дочери.

Петръ нѣсколько времени сидѣлъ съ опущенною головою, но потомъ онъ поднялъ се и проговорилъ:

— Хозяйка! дай-ка мнѣ чего-нибудь выпить да закусить; а ужинать мнѣ что-то не хочется.

Хозяйка, шедшая за иглою, остановилась и, поклонясь, произнесла:

— Не прогнѣвайтесь на меня, отцы мои родные, нечего мнѣ дать вамъ выпить. Что было простаго вина—все взялъ мой хозяинъ съ собою на дорогу; да нынче я для двухъ насъ и кушанья-то не готовила; сама съ дочерью ѣла вчерашняго щи да кашу.

— Что, что? Ахъ, ты, старая кочерга!—кричалъ солдатъ.—Быть не можетъ, что-бы у тебя не было вина да чего-нибудь съѣстнаго.

— Ничего нѣтъ, отцы мои, ничего,—

увѣряла старуха, — хоть сами въ печкѣ обыщите.

— Ну, да ладно, ладно; запивай мой мундиръ-то, а тамъ я самъ распоряжусь объ остальномъ.

Баба зашила рукавъ. Служивый бодро вскочилъ со скамейки, сталъ среди избы и громко закричалъ на хозяйку:

— Такъ что жъ ты, съѣдятъ-те мухи, старая, смѣяться что ли надъ нами вздумала? Говори — гдѣ спрятано у тебя съѣстное. Сейчасъ подавай его! Ты знаешь ли, кто мы? Я — первый солдатъ батюшки-императора Петра Алексѣевича, а этотъ — самый любимый его охотникъ! Гдѣ хочешь возьми, а давай намъ вина и закуски.

Въ подтвержденіе угрозы солдатъ обнажилъ свой тесакъ.

— Отецъ родной, не губи меня, помилосердуй! Право, нѣтъ ничего! — завопила дико хозяйка, бросившись въ ноги служивому.

Въ это время дочь хозяйки, стоявшая поодаль и блѣднѣвшая все болѣе и болѣе, при страшномъ возгласѣ солдата вдругъ бросилась къ поставцу, находившемуся подъ образомъ. Солдатъ замѣтилъ это, и вложилъ тесакъ въ ножны и бросился къ поставцу, но тотъ былъ запертъ. Служивый схватилъ топоръ, мигомъ сбилъ замокъ, отворилъ

поставецъ—и что же? Въ поставцѣ, на полкахъ, лежали и жареная говядина, и ветчина, и гусь, и полная склянка вина, вышиною въ штофъ. Солдатъ вытащилъ пробку изъ склянки, понюхалъ, хлебнулъ.

— Э, донская водка, славно! Ну, ѣдятъ-те мухи, какое раздолье!—вскричалъ онъ, весело посматривая на поставецъ, наполненный разными разностями.—Ахъ, ты, вѣдьма, для кого это оставляла, припрятала? Какъ еще у тебя глазенки-то могутъ смотрѣть, окайная!

Продолжая ругать хозяйку, солдатъ принялся таскать на столъ все, что было въ поставцѣ. Петръ улыбнулся, глядя на хозяйничество служиваго; но хозяйкѣ было не до того: она злобно посматривала на солдата, который теребилъ ветчину.

Съ улыбкой самодовольства сѣлъ потомъ служивый за столъ, наполненный съѣстнымъ.

— Тыфу ты, съѣдятъ-те мухи! Какоіи у насъ теперь славный ужинъ! Ну-ка, братъ Гринна, откупоривай склянку да наливай себѣ и мнѣ донской-то!

— Наливай-ка ты самъ,—отвѣчалъ Петръ, кивнувъ головой на склянку.

Вмѣстѣ чарки наполнены. Петръ и солдатъ взяли ихъ въ руки и, осушивъ до дна

принялись крестясь ужинать. Петръ ѣлъ очень мало,—не выходилъ изъ своей задумчивости, но за то солдатъ оплеталъ за десятерыхъ.

Окончивъ ужинъ и поблагодаривъ Бога, Петръ по прежнему сидѣлъ, опершись на руки головою, а служивый, обращаясь къ хозяйкѣ, спросилъ:

— Ну, хозяйка, гдѣ бы намъ съ Гришею лечь спать-то?

— Да ложитесь въ избѣ, гдѣ вамъ вздумается.

— Лечь-то не мудрено—здѣсь есть гдѣ, да прѣдетъ съ охоты твой мужъ, разбудить насъ, а намъ надо завтра ранехонько въ походъ. А что у тебя въ этой каморкѣ? Для чего ты въ нее дверь-то запираешь?

— Разный соръ, отецъ мой, — отвѣчала хозяйка, измѣнившись въ лицѣ.

Солдата подстрекнуло любопытство; онъ взялъ со стола свѣчку, подошелъ къ затворенной двери, толкнулъ ее ногою — и она отворилась. Солдатъ вошелъ въ каморку: это была другая просторная комната; въ ней былъ страшный беспорядокъ: на стѣнахъ висѣли ружья, сабли, кинжалы; множество окровавленныхъ и разныхъ другихъ вещей валялось на полу кучами. Солдатъ смѣтилъ, что дѣло не ладно.

„Ну, дѣлать-те мухи! — думалъ онъ, — попали же мы съ Гриннею къ людямъ-то кажется недобрымъ. Что дѣлать? Отправиться изъ этого проклятаго притона мошенниковъ теперь нельзя: какъ разъ попадемся въ руки хозяина, о которомъ говорила хозяйка; что онъ въ дорогѣ. Впрочемъ, стой, — разсуждалъ служивый, — поднимусь я на хитрость... Такъ и быть, перепочуетъ въ этомъ логовищѣ!“

Солдатъ поспѣшно вышелъ изъ этого покоя въ прежній и, не выдавая нисколько своихъ подозрѣній, предложилъ Гриннѣ отправиться спать на чердакъ.

— Какъ и куда знаешь, служивый — отвѣчалъ Петръ. — Только бы поскорѣ лечь, потому что мнѣ право спать хочется.

Служивый втащилъ на чердакъ ворохъ сѣна; за нимъ влѣзъ съ трудомъ и Петръ.

Шагая черезъ перекладины, солдатъ съ Петромъ выбрали въ сторонкѣ мѣсто и разостлали на немъ сѣно. Петръ окрестилъ свое ложе, перекрестился три раза и, проговоря солдату: „Ложись, служивый!“ — легъ и скоро заснулъ.

— Спи съ Богомъ, Гринна, — сказалъ служивый тихо, услышавъ храпъ Петра. — Ты, братъ, и не знаешь, что мы попали съ тобою въ недоброе мѣсто. А я не буду спать

всю ночь, а то, пожалуй, и голову проспичь!

Ночь была лунная. Служивый подошелъ къ открытому окну и сталъ смотрѣть въ него. Вдругъ послышался ему въ лѣсу гамъ и свистъ; онъ началъ прислушиваться, — сталъ слышаться и конскій топотъ, все ближе и ближе.

„Ну,—думаетъ служивый,—плохо приходится намъ: кажись, разбойники, идутъ. Надо подняться на хитрости—перехитрить ихъ, проклятыхъ“.

Служивый отошелъ отъ окна и, сойдя съ луннаго свѣта въ темноту, сталъ глядѣть на дворъ. Видитъ—ворота отворились, и пятеро пьяныхъ мужиковъ съ страшными ругательствами вѣхали верхомъ на дворъ.

— Тише, тише! — закричала имъ хозяйка. — У насъ въ тенета попалось два звѣря: одинъ-то солдатъ, взять у него, кажись, нечего, только озорникъ такой, что и Господи упаси, — чуть не убилъ меня, окаянный, и все поѣлъ, что вамъ было приготовлено; зато отъ другого можно поживиться: у него есть, должно-быть, деньги; на немъ и рогъ-то, кажись, серебряный.

— Гдѣ они? — хрипло спросилъ первый голосъ.

— Спятъ на чердакѣ, я сію минуту слышала, — они оба хранятъ крѣпко.

— Ну, о нихъ толковать нечего,—они не уйдутъ отъ насъ; напередъ уберемъ лошадей, поужинаемъ да тогда уже и велимъ имъ шею протягивать.

„Вотъ-те и на! — думаетъ солдатъ.— Такъ вотъ куда мы попали. Господи, прости грѣхъ наши и спаси насъ!“

Служивый обнажилъ свой тесакъ и, держа его обѣими руками, сталъ подлѣ твора и думаетъ только: „Господи помоги и избавь отъ смерти!“

Разбойники отворили дверь въ избу, вошли въ нее и оставили дверь непритворенною.

Старуха начала собирать имъ ужинъ.

— Да что мы въ самомъ дѣлѣ, бачка,— сказалъ одинъ изъ разбойниковъ, обращаясь къ отцу своему,—на что оставили залетныхъ-то птичекъ до той поры, пока отужинаемъ? Вы будете тутъ, а я, покаместъ собираютъ на столъ, слазаю да покончу ихъ.

— И дѣло вздумать! отвѣчалъ отецъ, взбираясь на печь.

— Оедька! дай-ка мнѣ свой ножъ; мой, дьяволъ, иступился!—проговорилъ прежній голосъ.

— Да ты, Аюнька,—сказалъ отецъ,—возьми съ собою и топоръ; не ровень часъ, начнутъ барахтаться, такъ чтобы было чѣмъ пришибить.

Служивый, сидя на корточкахъ, занесъ острый свой тесакъ и въ такомъ положеніи сталъ ждать появленія разбойника.

Тотъ не замедлилъ—идетъ, и лишь только безобразная голова разбойника показалась на чердакъ, солдатъ взмахнулъ тесакъ—и голова разбойника отлетѣла въ сторону, а туловище покатилося по лѣстницѣ, стукаясь о ступени; и катясь такимъ образомъ, туловище откатилось въ самый уголъ сѣней.

Солдатъ перекрестился и сталъ ждать другого разбойника.

— Экой дьяволъ этотъ Аюнька, какого чорта онъ съ ними калякаетъ? Шелъ бы ужинать,—сказалъ отецъ разбойниковъ, сядя за столъ.—Поди-ка, Оедюха, къ нему слазай да тащи его ужинать.

Отправился Оедюха на чердакъ. Служивый сидитъ, ожидаетъ его; но и этотъ чуть только просунулъ голову, солдатъ цапъ его по загривку—и у этого отлетѣла башка. Кровь брызнула въ лицо служивому, а безголовый трупъ покатилося къ первому.

Солдатъ перекрестился:

„Ну,—думаетъ,—слава тебѣ, Господи, теперь ихъ трое: все легче справляться какъ съ пятерыми“.

Полѣзъ на чердакъ третій разбойникъ,

Оська, но и этого постигла такая же участь, какъ и двухъ первыхъ.

— Да что же они, проклятые, смѣяться, что ли, надо мной хотятъ? — проговорилъ отецъ, и самъ отправился на чердакъ.

Служивый ужъ ждалъ, и вотъ старикъ, схватясь за верхнія ступени, высунулъ голову; взмахъ тесака — и голова стараго разбойника отлетѣла въ сторону.

Остался одинъ только разбойникъ Трипка. Онъ ждалъ своихъ и потащился подлѣстницѣ на чердакъ. Солдатъ смѣло въ пятый разъ занесъ тесакъ — и этого какъ не бывало.

Ну, слава тебѣ, Господи! Ты помиловалъ насъ, избавилъ отъ неминуемой смерти! — вскрикнулъ солдатъ, вздохнувъ свободнѣе.

Тутъ разбудилъ онъ Петра и рассказалъ ему о своихъ расчетахъ съ разбойниками.

— Что же ты не разбудилъ меня? — спросилъ удивленный Петръ.

— Побоялся, братъ, что ты, погорячась, испортишь все дѣло.

Петръ благоговѣнно возвелъ взоръ благодаренія къ небу, потомъ обнялъ и поцѣловалъ служиваго.

— Ну, служивый, отплачу и я тебѣ когда-нибудь добромъ за то, что ты спасъ ме-

ня отъ смерти. Да всѣ ли тутъ разбойники?—
спросилъ Петръ.

— Всѣ, всѣ, братъ Гриша; тамъ остались
только двѣ бабы: мать съ нѣмою дочкою.

— Ну такъ пойдёмъ же, служивый, внизь, —
проговорилъ Петръ; вынувъ изъ-за пояса
небольшой заряженный пистолетъ и взводя
курокъ.

— Пойдемъ пойдёмъ, Гриша! Ну; приму
же я эту бабу. Теперь она покажетъ мнѣ
не только гдѣ схоронила съѣстное, а и гдѣ
спрятана у нихъ казна награбленная?

И онъ снова замахалъ тесакомъ.

Петръ и солдатъ спустились въ сѣни.

Хозяйка и дочь побѣднѣли отъ ужаса.

— Отцы родные помилуйте, отпустите
душу на покаяніе! — завопила старуха, па-
дая на колѣни.

— Такъ вотъ какимъ звѣринымъ ловомъ
вы промышляете! — закричалъ солдатъ. — Го-
вори, змѣя-подколотная есть ли кто у васъ
еще изъ мужиковъ, кромѣ четырехъ сыно-
вей и мужа?

— Кромѣ нихъ, никого; отцы родные, ни
единого человека! — вопила старуха.

— Говори, давно ли занимаетесь этимъ
ремесломъ.

— Двадцать лѣтъ.

— Нѣтъ ли еще у васъ товарищей?

— Нѣтъ, отецъ родной, видитъ Богъ, нѣту. Были версты за двѣ отселѣ, да вотъ ужъ лѣтъ пять какъ они переловлены.

— Ну,—вскричалъ солдатъ,—бери ключи да показывай, гдѣ лежитъ ваша казна, что награбили, убивая людей.

— Все покажу, родимый, все себѣ возьму, только не убивай меня, дай отмолить мнѣ грѣхи мои.

Баба отворила дверь на крыльцо и, со свѣчей и ключами въ рукахъ, сошла на дворъ, а за нею и служивый съ Петромъ.

Хозяйка подвела къ кладовой Петра и служиваго, отперла желѣзный замокъ и сошла въ сухой погребъ.

— Ты братъ Гриша, не ходи, погоди немного,—сказалъ солдатъ Петру,—а то она, проклятая, пожалуй, и припретъ насъ.

— Не бойся, не пойду,—отвѣчалъ Петръ, останавливаясь у входа.

Спустился съ хозяйкою въ подвалъ, солдатъ изумился: по стѣнѣ стояли боченки съ золотомъ и серебромъ, и разныя дорогія вещи валялись по каменному полу погреба.

— Ухъ, съѣдятъ-те мухи, сколько богатства-то!—вскричалъ солдатъ.—Ну, нечего сказать, вѣрно тьму-тьмущую загубили душъ-то христіанскихъ.

Петръ изъ любопытства нагнулся въ

погребѣ; въ это время раздался выстрѣлъ— и пуля пролетѣла мимо уха Петра. Онъ обернулся назадъ. На крыльцѣ стояла какъ окаменѣлая дочь хозяйки, и въ ея рукахъ дымился пистолетъ. Въ это мгновеніе изъ рукъ Петра солдатъ выдернулъ пистолетъ и спустилъ курокъ; раздался выстрѣлъ, а за нимъ со стономъ повалилась на землю нѣмая.

При первомъ выстрѣлѣ хозяйка быстро бросилась было изъ погреба, но солдатъ предупредилъ ее, и когда, раздался второй выстрѣлъ, а за нимъ стонъ дочери,—баба грянулась на землю.

Петръ подошелъ къ нѣмой, взялъ ее за руку: она была холодна и тяжела.

— Пойдемъ, братъ Гриша, — проговорилъ солдатъ, — хоть и жаль нѣмой, да ну ее, — яблоко отъ яблони недалеко упало. Пойдемъ, только вотъ я нагребу себѣ золота, а потомъ ты нагребешь себѣ.

— Слушай, дядя, — сказалъ Петръ: — Ты бери себѣ сколько хочешь, а мнѣ не надо; лучше уѣдемъ поскорѣе.

— Пожалуй, поѣдемъ.

И солдатъ, наполнивши свои карманы, фуражку и голенище золотомъ—даже и нагрудникъ набилъ имъ,—отправился съ Петромъ изъ дома. Петръ ѣхалъ, а солдатъ попрежнему шелъ около его лошади.

Еще не разсвѣтало когда солдатъ съ Петромъ выбрались на большую дорогу; они обернулись назадъ и надъ лѣсомъ увидали ужасное зарево.

— Ну братъ Гринна,—сказалъ солдатъ,—это вѣрно горитъ нашъ дьявольскій ночлегъ.

— Да,—отвѣчалъ Петръ, —вѣрно онъ. Ну, дядя, прощай! Ты теперь и одинъ найдешь дорогу,— не опасно.

Тутъ Петръ, разспросивъ подробно солдата, гдѣ онъ служилъ, и обнявъ его, приказалъ непременно приходить въ дворецъ и спросить охотника Гринну. Царь поѣхалъ шибче, а солдатъ пустился въ деревню, напѣвая какую-то пѣсню. Долго шелъ онъ, наконецъ пришелъ къ кабаку и спросилъ себѣ вина и солянку; ему подали.

— Ну, съѣдятъ—те мухи! Денегъ-то сколько вамъ за все?—спросилъ солдатъ.

— Ничего не надобно,—отвѣчалъ цѣловальникъ, низко кланяясь.

— Да у меня съѣдятъ-те мухи, деньги-то есть.

Онъ бросилъ имъ нѣсколько золотыхъ монетъ; и, надѣвъ фуражку, вышелъ изъ кабака.

Наконецъ подошелъ солдатъ къ гауптвахтѣ; солдаты отдали ему честь.

— Ахъ, съѣдятъ-те мухи! Ужъ всѣ узнали, что у меня деньѣги есть.

И онъ бросилъ имъ двѣ горсти золота на водку и пошелъ далѣе.

Вдругъ ему попались какіе-то двое, и онъ пригласилъ ихъ въ кабакъ выпить; пилъ-пилъ, да и напился служивый такъ, что и заснулъ; а когда проснулся, то увидѣлъ, что лежитъ въ великолѣпныхъ покояхъ; платье на немъ то же, а голова трещить съ похмелья. „Значитъ, это сонъ“, думаетъ служивый. И началъ вспоминать свое вчерашнее приключеніе.

— Гдѣ, братъ, я нахожусь?—спросилъ онъ шедшаго мимо него лакея.

— Во дворцѣ,—отвѣчалъ тотъ,—у твоего пріятели Грини.

— Ахъ, съѣдятъ-те мухи! Это хорошо; а могу я повидать его?

— Пойдемъ.

Слуга повелъ по комнатамъ служиваго.

Солдатъ шелъ: ему попадалось множество придворныхъ, и всѣ они съ любопытствомъ глядѣли на солдата. Когда же лакей повелъ его по лѣстницѣ въ главный этажъ дворца, мимо бравыхъ караульныхъ солдатъ, служивый испугался и говоритъ:

— Куда же ты ведешь меня, добрый человекъ?

покои; вотъ и пріемная, гдѣ стоятъ много разныхъ генераловъ. Вдругъ, окруженный важными особами, вышелъ изъ ближайшей комнаты государь... Солдатъ испугался, когда узналъ въ царѣ вчерашняго Гришу, повалился ему въ ноги и тихо проговорилъ:

— Государь, помилуй!

— Встань!—сказалъ императоръ, и самъ поднялъ служиваго.

Солдатъ вытянулся передъ Петромъ.

— Благодарю тебя,—продолжалъ императоръ служивому:—ты спасъ мнѣ жизнь; за это поздравляю тебя капраломъ Невскаго полка. Поѣзжай тотчасъ же съ подводами и отрядомъ на нашъ ночлегъ, заberi все, что есть, да донеси мнѣ объ оставшейся хозяйкѣ; а если она жива—привези и ее сюда.

Солдатъ снова повалился императору въ ноги и благодарилъ за милость.

Часа черезъ четыре новый капралъ съ тремя подводами и отрядомъ выѣхалъ изъ лѣсу по знакомой намъ дорогѣ на долину, гдѣ вчера ночевали; но на мѣстѣ дома дымилась только головни и лежали два обгорѣвшія труна женщины. Приказавъ командѣ собирать, что было, служивый съ нѣсколькими боченками золота возвратился вечеромъ въ Петербургъ и сдать ихъ въ казну.

На другой день Петръ Великій пожаловалъ офицеромъ нашего служиваго и подарилъ ему полбоченка золота.

Даря золото новому офицеру, императоръ подалъ ему рубль и промолвилъ:

— Знай пословицу: кто рубля не бережетъ, тотъ самъ гроша не стоитъ.

Нашъ новопожалованный офицеръ вызвалъ жену свою съ дѣтьми изъ деревни и, служа вѣрою и правдою государю Петру Алексѣевичу, никогда не былъ имъ забытъ.

(1862 г.)

XXXIX.

Исторія о Францѣ Венціанѣ.

Давно тому назадъ въ Гиншанскомъ королевствѣ былъ король, именемъ Брамбеусъ, славный во всѣхъ государствахъ и храбрый въ воинскомъ дѣлѣ. Онъ былъ женатъ на прекрасной Зенгилѣ и жилъ съ нею въ любви и согласіи; по женитьбѣ его, на третьемъ году, родилась у нихъ дочь Ренцивена. Король Брамбеусъ и королева Зенгилея весьма тому радовались.

Король приказалъ во всемъ городѣ

растворить трактиры и погреба, также и питейные дома для всякаго званія народа, за здравіе новорожденной королевны Ренцывены.

Празднество было не только въ столичномъ городѣ, но и во всемъ его королевствѣ. Король Брамбеусъ приказалъ королевну Ренцывену воспитывать какъ можно лучше,

Въ то время при дворѣ его былъ князь Фридоръ, сильный и храбрый въ воинскомъ дѣлѣ.

Король Брамбеусъ любилъ и жаловалъ князя Фридора за благородство и храбрость его. Фридоръ имѣлъ у себя жену прекрасную, именемъ Ксанфиду, и жилъ съ нею въ любви. Онъ получилъ отъ нея сына, который во время своего рожденія вскричалъ три раза громкимъ голосомъ; волосы на головѣ его были сплетены на подобіе короны, а на рукахъ имѣлъ онъ знаки: на правой рукѣ подобіе меча, а на лѣвой подобіе копья,

По рожденіи его князь Фридоръ призвалъ къ себѣ астрологовъ и мудрецовъ и сказалъ имъ, какъ его сынъ родился и при какихъ обстоятельствахъ. Тогда астрологи сказали:

— Благородный князь Фридоръ! первое знаменіе на сынѣ твоемъ, что на головѣ его волосы на подобіе короны, это озна-

часть, что сынъ твой будетъ носить корону. На рукахъ его знаки: мечъ и конь, значать, что сынъ твой будетъ великій и сильный воинъ; третье, что онъ вскричалъ очень громко, это—пройдетъ объ немъ великая слава во всѣхъ королевствахъ, но все-таки ты получишь черезъ него великую печаль.

Князь, услышавъ столь важныя предсказанія, спросилъ:

— Какую я буду имѣть печаль?

Ему отвѣтствовали:

— Ты будешь въ разлукѣ съ своимъ сыномъ долгое время и не будешь получать объ немъ никакого извѣстія.

Тогда Фридоръ сказалъ на это:

— Я положусь въ томъ на Бога, а за вѣрныя предсказанія благодарю.

И дарить ихъ великими дарами и отпустить съ честію. Сыну нарекли имя Венціанъ. У князя Фридора было великое пированіе; самъ король былъ у него на банкетѣ съ королевою. Они веселились цѣлый день, а на утро князь Фридоръ, призвавъ къ себѣ мамунку и кормилицу, сказалъ сначала кормилицѣ:

— Храни моего сына, за что я тебя буду жаловать.

Потомъ сказалъ мамункѣ:

— А ты, мамунка, имѣй за сыномъ моимъ

самый тщательный уходъ и наблюдай за нимъ.

И подарилъ ихъ великими дарами.

Венціанъ сталъ подрастать, и, когда ему минуло семь лѣтъ, тогда князь Фридоръ послалъ его во французское королевство въ воинскую науку на семь лѣтъ.

Венціанъ, проживъ семь лѣтъ во французскомъ училищѣ, обучился всѣмъ рыцарскимъ наукамъ. Онъ выѣзжалъ на многіе поединки со многими славными кавалерами и храбрыми рыцарями, только никто не выискался, чтобы могъ стоять противъ него, ни силою ни искусствомъ. Инспектора и кавалеры французскаго военнаго училища, видя Венціанову силу, дали ему кавалерію и за подвѣсы своихъ рукъ похвальный листъ; при томъ приложили ему второе имя, т. е. Францель-Венціанъ. Они описали о немъ по многимъ королевствамъ и прославили его добрымъ и знаменнымъ кавалеромъ, рекомендуя всякаго чина людямъ почитать его по достоинству и оказывать ему должное уваженіе и честь.

Между тѣмъ въ Гиппаніи королевна Рендывена пришла въ возрастъ пятнадцати лѣтъ и прославилась уже своею красотою во многихъ королевствахъ. Она услышала, что на Мальтійскій островъ съѣзжаются изъ

разныхъ государствъ храбрые и славные рыцари биться на поединкахъ за честь прекрасныхъ особъ, и вздумала послать свой портретъ на Мальтійскій островъ.

Для этого она позвала къ себѣ тайно знаменитаго художника и приказала списать съ себя портретъ; затѣмъ приказала сдѣлать изъ чистаго золота рамку съ драгоценными камнями, такъ что этотъ портретъ стоить триста тысячъ. При этомъ она написала листъ на Мальтійскій островъ:

„Ежели кто, славный и храбрый кавалеръ и честью достоинъ меня, выйдя за честь мою и красоту на пинажный поединокъ, побѣдитъ соперника своего, тотъ портретъ мой возьметъ себѣ; но, взявъ его, пріѣзжать бы въ наше Гиннпанское королевство, гдѣ можетъ видѣть подлинникъ онаго портрета“.

Послѣ этого она призвала къ себѣ маршала, именемъ Флоренса, и сказала ему:

— Вѣрный мой маршалъ! поѣзжай на островъ Мальту и тамъ поставь этотъ портретъ на амфитеатръ, гдѣ быются храбрые рыцари за честь и красоту нашу. Тотъ, кто будетъ побѣдителемъ, пусть владѣть этимъ портретомъ; ты передай ему мое кольцо и пригласи въ наше королевство.

Маршалъ выслушалъ приказаніе королевны и отправился на островъ Мальту. Въ

то же время Францыль-Венціанъ, наслышавшись о предстоящихъ поединкахъ на островѣ Мальтѣ, отправился туда.

Какъ скоро онъ увидѣлъ портретъ королевны, то первый пожелалъ сразиться за нея. Противъ него выходило до трехсотъ самыхъ знаменитыхъ рыцарей, желавшихъ тоже овладѣть портретомъ; но искусство, храбрость и сила Венціана надъ всѣми взяла верхъ.

Судомъ всѣхъ мальтійскихъ кавалеровъ портретъ королевны Ренцывены присужденъ былъ ему; а маршалъ Флоренсъ, послѣ окончанія поединокъ, подошелъ къ Францылю и, спросивъ его, откуда онъ, какого рода, поднесъ ему кольцо королевны, приглашая возвратиться въ отечество.

По окончаніи поединокъ Францыль-Венціанъ поѣхалъ въ Гиннианское королевство къ своимъ родителямъ.

Князь Фридоръ и княгиня Ксанфида, узнавъ о пріѣздѣ своего сына, послѣнно пошли къ нему на встрѣчу и со слезами радости обнимали его. Князь Фридоръ тотчасъ поѣхалъ къ королю Брамбеусу съ извѣстіемъ о пріѣздѣ сына и съ приглашеніемъ быть у него со всѣмъ семействомъ на балу, который онъ хотѣлъ дать въ честь своего сына.

Король милостиво принялъ приглашеніе своего князя и обѣщался быть.

На другой день къ вечеру домъ князя Фридора былъ великолѣпно освѣщенъ; комнаты были полны гостями, между которыми не прерывался разговоръ о сынѣ хозяина Францыль-Венціанѣ; все удивлялись его мужественной осанкѣ и красотѣ. Наконецъ, пріѣхалъ король съ супругою и дочерью, прекрасной Ренцывеною, которые были встрѣчены княземъ Фридоромъ и Францылемъ съ подобающимъ почетомъ и уваженіемъ.

Король ласково началъ говорить съ Венціаномъ, разспрашивалъ, гдѣ онъ былъ и гдѣ отличался, потомъ сталъ звать его къ себѣ служить и быть рыцаремъ при дворѣ. На это приглашеніе Францыль отвѣчалъ уклончиво.

Между тѣмъ Ренцывена, зная отъ своего маршала, кто обладаетъ ея портретомъ и кольцомъ, со вниманіемъ разсматривала Францыля-Венціана, и ея дѣвическое сердце почувствовало то неизъяснимое чувство, которое мы называемъ любовью; щеки ея алѣли, и глаза опускались внизъ, когда на нее взглядывалъ Францыль, который тоже подчинился вліянію красоты Ренцывены и горѣлъ желаніемъ съ нею поговорить.

Наконецъ, эта минута настала; музыка заиграла, и всѣ присутствовавшіе начали танцовать. Францыль, пригласилъ королевну и, взявъ ее за руку, повелъ на мѣсто.

Во время антрактовъ Францыль, разговаривая съ Ренцывеною, рассказалъ ей о своемъ поединкѣ на островѣ Мальтъ и въ довершеніе всего признался ей въ любви, прося ея взаимности.

Но тутъ не нужно было словъ со стороны ея, — блиставшіе глаза и пылающія щеки Ренцывены яснѣе словъ говорили, что она любитъ... Легкія пожатія ихъ рукъ не прерывались и тѣмъ болѣе раздували любовный пламень въ ихъ сердцахъ.

Наконецъ балъ окончился, всѣ гости и король съ семействомъ, поблагодаривъ хозіевъ, разъѣхались по домамъ.

Францыль, вставъ утромъ, пошелъ прямо къ отцу своему и матери и, отдавъ имъ сыновнее почтеніе, сталъ говорить:

— Государь мой батюшка! прошу васъ, поѣзжайте къ его королевскому величеству и просите у него, чтобы онъ отдалъ дочь свою за меня въ замужество; а ежели вы не исполните моего желанія, то на другой же день не увидите меня въ здѣшнемъ королевствѣ.

Князь Фрндоръ, жалѣя сына своего,

скоро одѣлся и, взявъ похвальный листъ Францыля, сказалъ ему:

— Ну, сынъ мой любезный, ежели не угодно будетъ прошеніе мое его королевскому величеству, то я знаю, что съ этихъ поръ будетъ злосчастна наша жизнь.

Когда Фридоръ пріѣхалъ къ королю, то вынулъ ишагу и положилъ ее предъ нимъ, а самъ сталъ на колѣни и сказалъ:

— Великій король! я пріѣхалъ къ вашему величеству, первое, объявить о сынѣ своемъ, другое—просить величайшей для меня и важной для насъ милости; если не угодно будетъ прошеніе мое вашему королевскому величеству, то прошу, по крайней мѣрѣ, помиловать меня отъ смерти.

Сказавши это, онъ подалъ ему Францылевъ похвальный листъ. Король принялъ листъ и, поднявъ князя за руку, сказалъ ему:

— Благородный князь Фридоръ! для чего ты такъ предо мною низко себя ставишь и какое до меня имѣешь прошеніе? Все то, что тебѣ отъ меня надобно, для тебя будетъ сдѣлано.—Потомъ король прочиталъ листъ и сказалъ ему:—Я душевно радъ и желаю такого славнаго и храбраго кавалера имѣть въ своей державѣ.

Король при этомъ не понималъ, что этотъ листъ сына князя Фридора, Венціана, пото-

му что въ листѣ было написано: Францыль-Венціанъ. Потомъ князь Фридоръ сказалъ:

— О, ваше величество, великій король Брамбеусъ! я прошу у вашего величества дочери вашей, прекрасной королевны Ренцывены, въ законную жену сыну моему Францылю-Венціану.

Лишь только успѣлъ король услышать эту просьбу, въ одинъ мигъ лицо его приняло мрачное выраженіе, и онъ съ неудовольствіемъ взглянулъ на князя и выслать его вонъ, чтобы онъ ко двору его величества не ѣздилъ.

Князь Фридоръ пріѣхалъ въ домъ свой и, призвавъ къ себѣ Венціана, сказалъ ему:

— О, возлюбленный мой сынъ Венціанъ! ѣздилъ я сейчасъ къ королю и прошеніе твое исполнилъ, но желанія твоего не получилъ, а себя отъ королевскаго величества навѣкъ отлучилъ. Отстань, мой другъ, отъ этого намѣренія, и ищи себѣ другую неувѣсту, подобную красотой королевнѣ Ренцывенѣ.

— Государь мой батюшка! ежели насъ Богъ не разлучитъ, то человѣку разлучить невозможно.

Послѣ этого Францыль сталъ собираться въ дорогу и, несмотря на просьбы своихъ родителей, со слезами на глазахъ про-

стился и уѣхалъ, пославъ предварительно письмо къ Ренцывентъ, въ которомъ объяснилъ ей все происшедшее у ся родителя и просилъ не забывать его и быть въ надеждѣ на соединеніе.

Францыль-Венціанъ отправился путешествовать, но во время плаванія на кораблѣ попался въ руки разбойниковъ, которые продали его въ Турцію. Турецкій султанъ взялъ его къ себѣ на службу за то, что онъ оказалъ замѣчательное геройство и храбрость на бывшемъ въ Константинополѣ турнирѣ и этимъ заслужилъ любовь и дружбу самого султана.

Во время его пребыванія въ Турціи персидскій шахъ объявилъ войну, и войска его стали разорять турецкія владѣнія, предавая все огню и мечу.

Султанъ, въ страхѣ, собралъ совѣтъ, на которомъ и положено было собрать какъ можно скорѣе войско, а главную команду вручилъ, уже заслужившему своею храбростію и геройствомъ извѣстность, гиннанскому рыцарю Францылю-Венціану.

Францыль, получивъ власть, вполне оправдалъ сдѣланное ему довѣріе.

Вторгнувшись въ предѣлы персидскіе, онъ разбилъ высланное противъ него войско храбрыхъ амазонокъ, а предводительницу

ихъ, славную и знаменитую своею храбростію и мужествомъ амазонку Лютру, собственноручно предать смерти.

Шахъ персидскій, узнавъ о пораженіи амазонскаго войска, тотчасъ приказалъ собрать новое и послать его противъ Францыя подъ предводительствомъ храбраго богатыря Зміулана. Но и это ничего не помогло,—Зміуланъ потерпѣлъ одинаковую участь съ Лютрою.

Войско его все было разбито, и онъ самъ погибъ отъ меча Францыя.

Послѣ этого шахъ до того испугался, что послалъ своихъ вельможъ въ станъ турецкій съ изъявленіемъ покорности, обѣщая вѣчно платитъ султану дань и безпрекословно исполнять его требованія. Сдѣлавъ это условіе, побѣдоносный Францыль возвращался въ Турцію. Радостные крики народа, роскошная встрѣча и выѣздъ самого султана къ нему, чинъ старшаго визиря, громадная сумма денегъ въ подарокъ были слѣдствіемъ побѣды для Францыя. Увѣнчанный лаврами, Венціанъ вѣхалъ въ столицу, сидя въ каретѣ рядомъ съ султаномъ, который, обнимая его, не зналъ, какъ выразить свою благодарность.

Онъ подарилъ ему великолѣпный дворецъ, далъ въ собственную власть 300 тѣлохранителей изъ янычаръ и дозволеніе брать

беззапретно деньги изъ казны, сколько только потребуется.

Послѣ этого въ честь Францыля былъ данъ во дворцѣ великолѣпный банкетъ, а для народа были выставлены на улицахъ бочки вина и накрыты столы съ разными закусками. Такъ отпраздновали побѣды Францыля и покореніе персидскаго царства.

По прошествіи нѣкотораго времени послѣ этого, прибывшій курьеръ объявилъ султану, что къ границамъ турецкимъ идетъ большое французское войско съ союзниками, королемъ гишпанскимъ и кунскимъ. Получивъ это извѣстіе, султанъ тотчасъ призвать къ себѣ Францыля и объявилъ ему слышанное отъ курьера, прося его принять начальство и идти противъ французскаго короля.

Францыль - Венціанъ, выслушавъ эту просьбу и нисколько не медля, разослалъ приказы по всѣмъ войскамъ, чтобы всѣ они собирались въ одно сборное мѣсто къ границамъ Турціи.

Прибывъ къ назначенному сроку на сборный пунктъ, Францыль приказалъ перейти границу и вскорѣ увидѣлъ несмѣтныя полчища трехъ королей. Впереди шло войско гишпанское, подъ предводительствомъ самого короля Брамбеуса, которое при

первой же кровопролитной стычкѣ побѣждало отъ турецкаго войска. Обрадованный первымъ успѣхомъ и еще болѣе плѣномъ короля Брамбеуса, Францыль тотчасъ отослать его къ султану, прося однако содержать его не какъ простаго плѣнника, а отпускать ему кушанья отъ его собственнаго стола и только наблюдать за нимъ, чтобы онъ не ушелъ. При этомъ нужно замѣнить, что король Брамбеусъ не узналъ въ Венеціанѣ своего подданнаго, потому что пять лѣтъ времени, турецкая одежда и климатъ совершенно измѣнили его.

Затѣмъ на другой день все войско Францыля напало на французскаго и кунскаго королей.

Битва продолжалась цѣлый день; успѣхъ дѣла склонялся то на ту, то на другую сторону; единственно мужеству и распорядительности своего предводителя обязано было турецкое войско побѣдою.

Противники, сбитые съ главной позиціи янычарами Францыля, побѣжали и увлекли за собою все войско; самъ французскій король чуть не сдѣлался плѣнникомъ и едва успѣлъ спастись бѣгствомъ.

Францыль возвратился въ столицу, гдѣ было дано такое ширшество, что передъ этимъ бывшее, постѣ персидской войны,

казалось ничтожнымъ. Во время веселья султанъ не преминулъ говорить по дружески съ Францылемъ и, благодаря его, признавался, что онъ не находитъ средствъ къ достойному возблагодаренію.

— Ты меня всѣмъ одолжилъ,—говорилъ султанъ;—я не только обязанъ тебѣ спасеніемъ моего государства, но и пріобрѣтеніемъ новыхъ владѣній. Имя мое тобою прославилось, и сила моя чрезъ тебя только открылась. Не отвергни, любезный мой вѣзиръ, того, что я тебѣ предложу. Я не имѣю у себя никого наслѣдниковъ; но всякій другой наслѣдникъ не можетъ столько очастливить Порту и удержать всего своего владѣнія. И такъ позволь мнѣ наименовать тебя наслѣдникомъ, и будь мнѣ отнынѣ не слугою, но сыномъ.

Францыль палъ къ ногамъ своего государя и предавалъ себя въ совершенную его власть. Султанъ, не видя его сопротивленія своему намѣренію, объявилъ всѣмъ придворнымъ и военачальникамъ, что Францыль будетъ его наслѣдникомъ, и всѣ съ тѣмъ ихъ поздравили. Торжество удвоилось и кончилось ужъ чрезъ недѣлю.

До сихъ поръ Францыль прожилъ въ Турціи болѣе пяти лѣтъ. Ему и прежде ни въ чемъ недостатка не было въ жизненномъ

удовольствіи, но теперь, ставъ наслѣднымъ принцемъ, должно бы было ему только называть самого себя счастливымъ.

Однакожь сердце его было совсѣмъ въ другомъ состояніи: любезная Ренцывена и посреди величества смущала его. Онъ, по окончаніи торжества, велѣлъ представить къ себѣ короля Брамбеуса. Когда этотъ уничтоженный король предсталъ предъ нимъ, то Францыль не могъ удержать слезъ при взглядѣ на родителя своей любезной. Ему вдругъ представилось, въ какихъ горестяхъ долженъ погружаться весь домъ, и сколь неутѣшна должна быть прекрасная дочь его, услышавъ о плѣнѣ своего родителя и отчаяваясь о его жизни! Онъ выпелъ вопъ и около часа рыдалъ въ своей спальнѣ, вспоминалъ вмѣстѣ и о своихъ родителяхъ, не предающихъ ничего о немъ, такъ же, какъ и онъ о нихъ. Послѣ этого онъ велѣлъ Брамбеусу отвести поконъ въ своемъ дворцѣ и приглацалъ его всегда съ тѣхъ поръ къ своему столу.

Цѣлые три мѣсяца Францыль былъ безпокоенъ унылыми представленіями; наконецъ, не снося того, пришелъ къ султану и, представивъ ему обязанность свою къ родителямъ и желаніе видѣть свое отечество, просилъ его уволить себя хотя на ма-

лое время въ Гиншпанію. Султанъ, выслушавъ, сказалъ ему на то:

— Любезный мой сынъ, знаю я самъ, что всякому челоѣку свое отечество мило. Я тебя отпускаю, только прошу, пожалуйста, не оставь меня и пріѣзжай ко мнѣ.

Францыль признавался султану, что милости его столь драгоценны, что никто не имѣетъ большого права на жизнь его, какъ онъ.

Тогда султанъ приказать своему визирю собрать войска нѣстьсотъ тысячъ, и чтобъ были готовы большіе фургоны съ драгоценностями и экипажемъ для провожанія храбраго визиря и наслѣдника; при томъ посланы были курьеры по тѣмъ дорогамъ, гдѣ пойдетъ Францыль, чтобы губернаторы дѣлали ему великую честь, встрѣчали и провожали до самой границы, а на корабельной пристани изготовили бы тридцать кораблей военныхъ, чтобы были къ походу готовы храброму рыцарю Францылю. Когда собралось войско и изготовили фургоны, тогда Францыль отправилъ напередъ гиншпанскаго короля подъ политичнымъ карауломъ, котораго и самъ король не могъ бы примѣтить. Ему приказано было дожидаться Францыля на пристани. Наконецъ, собравшись совсѣмъ, Францыль пустилъ передъ собою весь эки-

нажъ и войско, а самъ, простившись съ султаномъ во дворцѣ, поѣхалъ съ нимъ изъ города. Султанъ провожалъ его до вечера и просилъ не пропускать ни одной недѣли безъ увѣдомленія его о своихъ обстоятельствахъ. Вечеромъ султанъ оный возвратился въ столицу, а Францыль продолжалъ путь. На другой день пріѣхалъ онъ на пристань. Губернаторъ того города встрѣтилъ его великолѣпно и съ преудивительною музыкою, какъ самого султана, и просилъ къ себѣ откупать. Францыль пріѣхалъ къ губернатору въ домъ и тотчасъ спросилъ его, гдѣ гинпанскій король. Губернаторъ не медля его представилъ. Францыль, увидѣвъ Брамбеуса, поздравилъ его, говоря:

— Здравствуйте, ваше величество, король гинпанскій!

Брамбеусъ, вздохнувъ, отвѣчалъ на то:

— Я уже не король и величества своего лишился. Могущество твоей руки доказало мнѣ, что имя короля не придаетъ мужества, и твое великодушіе увѣрило меня, что истинное величество состоитъ въ добродѣтели и милости.

— Но ты намъ непріятель, — промолвилъ Францыль, — и ты освобожденія долженъ ожидать отъ союзниковъ своихъ.

— Я долженъ поневолѣ быть непріате-

лемъ,—говорилъ Брамбеусъ,—ибо французскій король могъ бы меня къ тому принудить. Но освобожденія своего отъ союзниковъ моихъ я не только не ожидаю, да и не хочу: они, бывъ поражены твоею десницею, теперь слабы; но хотя бы они освободили меня отъ васъ, то состояніе мое не будетъ счастливымъ. Я долженъ буду за свободу свою имъ не только попрежнему данью, но и всѣмъ своимъ государствомъ жертвовать.

— Но желаешь ли ты получить свободу отъ меня?—спросилъ Францыль.

— Вы сдѣлаете меня счастливымъ,—отвѣчалъ Брамбеусъ.

— Чѣмъ же ты докажешь мнѣ свою благодарность?—продолжалъ спрашивать его Францыль.

— Всѣмъ тѣмъ,—говорилъ Брамбеусъ,—чего бы вы отъ меня не потребовали. Я не думаю, чтобы ваши условія въ этомъ были столь жестоки, какъ союзниковъ моихъ. Давно уже я вамъ обязанъ: вы, имѣя меня плѣнникомъ, нисколько не оказывали надо мною тиранства, и моя неволя у васъ была лучше величества во время данничества королю французскому.

— Я слышалъ,—говорилъ Францыль,—что у тебя есть дочь, то согласишься ли

ты на мое сочетаніе съ нею? Подъ симъ условіемъ тебѣ возвращена будетъ свобода, королевство и обѣщана будетъ всегданняя оборона отъ противниковъ.

— Это предложеніе не есть для меня рабскимъ условіемъ, но вашею величайшею милостію, — отвѣчалъ Брамбеусъ, упавши передъ Францылемъ на колѣни. — Я съ нею предаю и самого себя вамъ во власть.

Францыль, поднявъ Брамбеуса, поцѣловалъ его и повелъ въ свою палату, гдѣ разговаривали они по-дружески. На другой день Францыль приказалъ отпустить все войско, находившееся съ нимъ, въ Константинополь, повелѣвъ изготovitъ себѣ только два корабля, а къ вечеру отправился съ Брамбеусомъ къ гишпанскимъ берегамъ.

Они благополучно пріѣхали къ пристани.

Король Брамбеусъ приказалъ дать знать при дворѣ о своемъ пріѣздѣ.

Какъ скоро узнало это гишпанское генералитетство и сенаторы, то встрѣтили короля съ великою радостію. Брамбеусъ съ Францылемъ и со всѣми пріѣзжими отправился сухимъ путемъ къ столицѣ и прибыли во дворецъ. Король объявилъ своимъ министрамъ о Францылѣ, какъ о первомъ визирѣ, храбромъ рыцарѣ и наслѣдникѣ его султанскаго величества, которому онъ и

все государство обязано за спасеніе его и возстановленіе на престолѣ.

Всѣ вельможи и придворные поздравили короля и пали къ ногамъ Францыля. Сама королева Зингилея, будучи въ восхищеніи отъ свиданія съ королемъ и о положенномъ условіи, цѣловала руки у Францыля, который однакожь старался не допускать ее до того и благодарилъ за милостивый приѣмъ.

Король Брамбеусъ, между тѣмъ, пошелъ къ своей дочери, которая, увидѣвъ его, бросилась къ нему въ родительскія объятія и оросила его радостными слезами.

— Здравствуй, любезная дочь,—говорилъ Брамбеусъ.—Ты видишь меня возвратившагося и получившаго престолъ, но съ большимъ предъ прежнимъ счастьемъ. Ты единая подпора моей старости, и твое благополучіе долженствуетъ быть послѣднимъ мнѣ благополучіемъ въ жизни; но твое благополучіе зависить отъ соединенія твоей судьбы съ судьбою достойнаго тебя человека. Я не только всегда этого желалъ, но и искалъ. Наконецъ, небо теперь само посылаетъ мнѣ и тебѣ это счастье. Приѣхавшій со мною сюда визирь, наслѣдникъ высокой Порты, есть мой избавитель. Сердце его благородно и мужественно, высокіе титулы вездѣ славятъ его имя; онъ желаетъ, чтобы ты раз-

дѣлила съ нимъ все оное. Я за твою руку получаю попрежнему престолъ и владычество, а при томъ еще и оборону. И такъ не видишь ли ты, любезная дочь, что мы счастье покупаемъ счастьемъ. Скажи мнѣ: хочешь ли ты сдѣлать счастливою и себя и меня вдвойнѣ?

— Воля ваша, милостивѣйшій государь батюшка, — отвѣчала королева, — была всегда моею волею, но... онъ, можетъ-быть оставитъ это намѣреніе... Я сама слаба здорověмъ... Онъ турокъ...

— Его намѣренія непремѣнны, — прервалъ ее Брамбеусъ, — и твоя слабость, будучи, можетъ-быть, слѣдствіемъ твоей печали о нашемъ несчастіи, скоро пройдетъ. Впрочемъ, ты хорошо знаешь, что въ человѣкѣ должно взирать на сердечныя качества и дарованья, а не на одежду. Я оставляю тебя одну поразмыслить объ этомъ и приготовиться къ принятію его. Не забывай, любезная дочь, моего и своего благополучія. Прости!

Нерѣшимость Ренцывены происходила оттого, что она тверда была въ любви своей къ Францію, о которомъ она не знала, что онъ самый и есть въ видѣ того визиря. Шестилѣтнее отсутствіе его и пребываніе въ другомъ климатѣ совсѣмъ измѣнили его

образъ, а обыкновенное названіе его—визирь, вмѣсто собственнаго имени Францыль, все это помогало тому, что никто его не могъ узнать, даже и сама Ренцывена. Предложеніе ея родителя вступить въ бракъ съ другимъ, а не съ Францылемъ, поразило ее какъ громовымъ ударомъ. Она едва могла скрыть свой ужасъ и, по отшествіи родителя, предалась скорби.

— Ахъ, Францыль,—говорила она сама съ собою,—гдѣ ты? Увѣдомь меня хоть о себѣ, когда не старасься о мнѣ знать! Уже седьмой годъ тому, когда твой языкъ произносилъ клятвы мнѣ въ вѣчной любви! Седьмой уже годъ тому, какъ въ слезахъ разлучился со мною! Тебѣ неизвѣстно, какая судьба угрожаетъ нашимъ обстоятельствамъ. Что скажешь ты, когда увидишь Ренцывену въ другихъ объятіяхъ? Когда пылающее къ тебѣ сердце предано будетъ въ руки варвара? Когда... Ахъ! но ты, можетъ-быть, меня оставилъ? Ты обѣщался вскорѣ увидѣться со мною, однако ужъ седьмой годъ я питаюсь тщетнымъ ожиданіемъ и надеждою тебя видѣть... Можетъ-быть, свирѣпая судьба удерживаетъ тебя... Можетъ-быть, ты въ большомъ благополучіи позабылъ свою Ренцывену... Можетъ-быть... (при этомъ она упала въ обморокъ).

Каждая изъ рѣчей ея, сопровождалась потокомъ горькихъ слезъ. Наконецъ, она только чрезъ два часа пришла въ чувство, для того только, чтобы ощутить еще жесточайшія мученія. Слезы ея лились безпрестанно.

Между тѣмъ, на другой день, отецъ ея пришелъ къ Францью и, увѣдомивъ его о томъ, что онъ предлагалъ уже о бракѣ Ренцывенѣ, просилъ его, чтобы онъ посѣтилъ ее, и самъ предложилъ бы ей о своемъ намѣреніи. Онъ согласился.

Въ одиннадцать часовъ утра Францль пошелъ къ Ренцывенѣ и, вошедши къ ней, объявилъ напередъ, что онъ тотъ визирь, о которомъ родитель ея уже ей сказывалъ, и который возвратилъ ему престолъ. Печальная Ренцывена была уже увѣдомлена прежде о его посѣщеніи и благодарила его за одолженіе своего родителя и увѣряла, что онъ не преминетъ засвидѣтельствовать ему свою признательность всѣмъ сокровищамъ своего королевства.

— Мнѣ не нужно оно,—отвѣчалъ Францль:—одно сокровище, которымъ вашъ родитель можетъ меня отблагодарить и еще одолжить меня есть вана рука; она одна можетъ сдѣлать меня счастливымъ, за нее я самъ ему заплачу равными его государству сокровищами.

— Но я, признавая себя недостойною васъ,—говорила Ренцывена,—не осмѣливаюсь посвятить вамъ ее. Вы назначены судьбою для счастья равныхъ вамъ, а я, не находя никакихъ достоинствъ въ себѣ, починаю за неприличное льститься вамъ ко мнѣ расположеніемъ.

— Нѣтъ! — прервалъ ее Францыль,—вы достойны большого, прекрасная Ренцывена, и я вамъ обязаннымъ себя сочту, когда вы осчастливите меня своимъ сердцемъ.

Ренцывена, смутившись, сказала:

— Мое сердце осчастливить васъ не можетъ...

При этихъ словахъ она не могла удержать своихъ слезъ.

Францыль самъ не могъ превозмочь себя и также залился слезами; потомъ, подавая ей перстень, Францыль сказалъ:

— Прими, прекрасная Ренцывена, этотъ перстень, который я получилъ на островѣ Мальтѣ, онъ опять принадлежитъ тебѣ вмѣстѣ съ тѣми же намѣреніями, которыя ты тогда имѣла.

Ренцывена, узнавъ свой перстень, очень изумилась и, смотря пристально на Францыля, вдругъ устремилась въ его объятія.

— Ахъ, любезнѣйшій Францыль! — говорила она,—тебя ли я вижу? Тогда какъ

сердце мое наиболѣе терзалось ожиданіемъ тебя, ты ли предо мною стоишь?

Она больше ничего не могла сказать отъ радости и упала въ обморокъ. Францыль старался возвратитъ ей чувства, и Ренцывена, очнувшись, бросилась опять въ его объятія.

— О, какъ я благополучна!—сказала она. —Но мнѣ кажется страннымъ твое имя и одѣяніе. Скажи мнѣ, какими путями судьба вела тебя къ настоящему удовольствію? Изтъясни, что ты претерпѣлъ по разлученіи?...

Францыль разсказалъ ей всѣ свои приключенія со дня ихъ разлуки. Ренцывена, при каждомъ опасномъ для него случаѣ, слушая, проливала слезы.

— И такъ мы уже теперь совсѣмъ благополучны?—спросила она по окончаніи его разсказа.

— Да,—отвѣчалъ Францыль, цѣлуя ея руки.

— Подите,—говорила она,—просите родителя моего, чтобы онъ поспѣшилъ повѣнчать насъ.

— Но прошу васъ, дражайшая Ренцывена, не открывать теперь еще никому обо мнѣ: это будетъ объявлено послѣ всего.

Францыль пошелъ прямо къ королю Брамбеусу и сказалъ ему, что онъ въ дочери его не нашелъ никакого противорѣчія сво-

ему намѣренію. Брамбеусъ въ радости поцѣловать своего будущаго зятя, и они положивъ на условія время брака, начали приготавливаться.

Брамбеусъ разослать курьеровъ къ сосѣднимъ королямъ, прося ихъ на бракосочетаніе. Французъ тоже къ своему султану послалъ визиря, прося его пріѣхать на свадьбу. Султанъ, получа объ этомъ извѣстіе, хотѣлъ было ѣхать, но нѣкоторые важныя дѣла не дозволили ему, и онъ послалъ вмѣсто себя полномоченнаго посла съ богатыми дарами и гвардіею, при чемъ написать къ Франціи письмо слѣдующаго содержанія:

„Великій султанъ Востока, обладатель вселенныя, государь правовѣрныхъ, отрасль великихъ калифовъ и намѣстникъ пророка. первому визирю, вѣрному стражу нашего султанскаго величества, председателю Дивана, побѣдителю и намѣстнику персидскихъ областей и любезному моему наслѣднику, здравія желаемъ. Желаніе твое соединишь судьбу свою съ любезнымъ предметомъ для меня восхитительно. Да благословятъ небеса вашъ союзъ и да возложатъ на васъ цѣпь любви, сплетенную изъ райскихъ розъ, благоухающихъ на блаженныя души. Твоя гурія да улаждаетъ твой слухъ своими очаро-

вательными прелестями; удовольствія да-
ляются въ сердца ваши, и радости да на-
полняютъ дни вашей жизни. Дѣла священ-
ныя. Порты удерживаютъ меня, противу
воли моей, въ столицѣ и не позволяютъ
участвовать въ веселіи вашемъ. Я посылаю
вмѣсто себя посла и при немъ все то, что
должно бы было быть при мнѣ. Возложивъ
на голову свою вѣнецъ, припомни, что оный
вручается тебѣ отъ Порты и, возрѣвъ на
портретъ мой, не забудь, что я тебя ожи-
даю. Да благословитъ наки пророкъ твое
счастіе“.

Все къ брачному торжеству уже было
готово, только ждали пріѣзда сосѣднихъ
королей. Между тѣмъ Франциль, не видя
своихъ родителей, старался узнать, въ какомъ
состояніи они находятся. Онъ стороною
спрашивалъ о нихъ у придворныхъ, но
никто не могъ ему ничего сказать кромѣ
того, что они, навлекши на себя немилость
короля, неизвѣстно куда отправились. Это
его сильно беспокоило; однакожь онъ рѣ-
шился не спрашивать о нихъ у короля,
пока не совершенъ бракъ, потому что онъ
боялся преждевременно открыть себя.

Черезъ два дня послѣ того прибыли
все сосѣдніе короли въ гишпанскую столицу;
слѣдующій день назначенъ былъ къ совер-

шенію обрядовъ брака. Пышность восточная, соединившись со вкусомъ европейскимъ, должна была представить великолѣпнѣйшее и восхитительное зрѣлище.

Наконецъ обряды совершились, и началось празднованіе. Во время самого разгара веселья Францъль-Венціанъ, взявъ за руку короля Брамбеуса, открыто признался ему о себѣ. Тогда радость еще болѣе увеличилась; послали за родителями Францъля, которые при видѣ своего сына въ славѣ проливали слезы радости.

Къ довершенію всего нужно сказать, что вскорѣ послѣ свадьбы Францъля Брамбеусъ умеръ, оставивъ корону свою Францълю, который такимъ образомъ сдѣлался однимъ изъ сильнѣйшихъ государей въ свѣтѣ и, проживши много лѣтъ мирно и счастливо, оставилъ послѣ себя достойныхъ наслѣдниковъ своей храбрости и славы.

(1855 г.)

XXXX.

Ангель Божій и прохожій.

Идетъ Ангель Божій берегомъ небольшой рѣчки, и видитъ впереди себя на рѣкѣ: тонитъ дѣвица младенца. Подомель къ ней Ангель и говоритъ:— „Богъ помочь тебѣ дѣвица!“— Потомъ черезъ нѣсколько времени, возвратился обратно, увидать онъ женщину, которая мыла на рѣкѣ бѣлье: прошелъ мимо ея и ничего ей не сказалъ. Попадается ему на встрѣчу прохожій и спрашиваетъ его:— „почему же ты сказалъ, помогай Богъ — дѣвицѣ, которая топила своего родного ребенка, а ей, той женщинѣ, которая мыла бѣлье, ничего не сказалъ?“— Ангель на это отвѣчалъ:— „Эта дѣвица такъ много претерпѣла отъ своихъ родителей и отъ сосѣдей за свой грѣхъ она истинно каялась предъ Богомъ и отъ всей души молила Господа простить ей ея преступленіе: Господь услышалъ ея молитву и простилъ ея грѣхъ. Женщина-же, которая моетъ бѣлье въ праздникъ—она, не парабатся.

псу на обѣдъ, а нарушаетъ святость Господня праздника и Богъ ей этого не проститъ.“— Вотъ почему грѣхъ и не слѣдуетъ никогда работать въ праздничные дни.

Записано мною лично въ Вологодской губерніи.

XXXXI.

Судья Божья.

Былъ у купца сынъ красавецъ собой, онъ снявъ съ себя патреть и разсыластъ по всему свѣту, находится-ли (найдется-ли) супруга мнѣ равная красотою? Такой супруги (не-вѣсты) не нашлось во всемъ свѣтѣ. Вотъ онъ отправляется самъ искать; встрѣчаетъ чуночки (салазки) идутъ простыя, и спросилъ ихъ: „Що-жо идете одни, не ямника, не сѣдока нѣтъ у васъ?“ Чуночки отвѣчаютъ: „мы судья Божья“. „Колн вы судья Божья, гытъ, то разсудите-жо меня: есть ли мнѣ супруга на свѣтѣ противо меня красотою?“ Чуночки говорятъ, що ес(т)ь супруга тебѣ: у царя Калики дочь, золѣтъ во гнонцѣ лежитъ, нездоровая. „Какая жо

это мнѣ супруга“, думаетъ купеческой сынъ. Вотъ онъ и поѣхавъ къ ней, къ цярю Каликѣ на домъ. Приѣзжаетъ къ цярю Каликѣ во дворецъ и спрашиваетъ часовыхъ: „гдѣ жо есть дочь цяря Калики не здоровая?“ Часовые сказали, що есть, лежитъ въ такихъ-то залахъ 20 лѣтъ. „Пропусти-жо, гыть, меня къ ней посмотреть!“ „Нечего тибѣ тамъ дѣлать, цяря Калики дома нѣтъ“, говоритъ часовой. Онъ часовово скупилъ, далъ денегъ, щобы пропустилъ. Часовой думаетъ: що онъ у нездоровыя сдѣлаетъ?—пойди, гыть!“ Приходитъ купеческой сынъ въ зало, она нездоровая лежитъ; онъ посмотривъ на нее да баетъ про себя: „какая жо это мнѣ супруга, и взглянуть-то брезгно“. Потомъ вынявъ тесакъ изъ ножей и подпересѣкъ ее пополамъ, „вотъ тебѣ, гыть, и супруга моя! Пять рублей положивъ тутъ къ ней на похороны, щобы похоронили ее, а самъ уѣхавъ домой. Каликиной дочерѣ будѣ во снѣ привидѣлось: пришовъ молодецъ къ ней въ зало, крылышкомъ помазавъ по серѣдкѣ да 5 рублей награды далъ“.

Вотъ приѣзжаетъ цяръ Калика къ сибѣ во дворецъ, прнходитъ къ дочерѣ въ лежащую комнату и видитъ, що дочь у ево совѣмъ здорова стала и такая-то красавица, що экихъ на свитѣ нѣтъ, не выдавъ. Вотъ

царь Калика снимаетъ съ нея патреты и разсылаетъ по всему свѣту есть-ли суженой ей по красотѣ? Вотъ и находитсе ей ровной по красотѣ этотъ купеческой сынъ, онъ и ладить взеть замужество за себя посватавсе и— бракъ произвели. Вотъ однажды приници молодые въ баню, онъ посмотрѣвъ у ее рубецъ на спинѣ, на самой на середкѣ; вотъ онъ и спрашиваетъ ее: „отчево-жо это у тебя случилосе?“ Она сказывала ему: „я 20 лѣтъ вогнонцѣ лежала, будто въ сновидѣньѣ приходитъ ко мнѣ молодецъ красавецъ, меня крылышкомъ помазавъ, 5 рублей награды давъ, я и обривѣла.

Купецъ тутъ и догадавсе, що это она, про котору Судья Божья сказавъ.

Записано А. Шустиковымъ.

XXXXII.

Сказка Объ Олешѣ голопузомъ.

Дѣтъ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣ-
которомъ государствѣ жилъ
былъ мужичекъ. У этого му-
жичка былъ сынъ Олёша. Съ
малолѣтства Олёша у дядька
выучился грамотѣ, а потомъ
сдѣлался такой дѣнтый, что
кромѣ печи никуда не ходилъ. Вотъ и гово-
ритъ отецъ Олёши: «Пора тебѣ, Олёша, и
къ работѣ привыкать?»—«А что, говоритъ
Олёша: докормите до уса, такъ и буду
помогать». Вотъ и усъ у Олёши пробился.
Отецъ и говоритъ опять: «Олёша пора тебѣ
и пахать».—«А на что пахать, говоритъ
Олёша, пахать?—лучше на печи лежать.
Докормили до уса, такъ докормите и до
бороды, а тогда ужъ и пахать стану». Вы-
росла и борода, а Олёша кромѣ печи и свѣта
Божьяго не знавалъ. Вотъ отецъ и говоритъ
опять: «Ну, пора тебѣ, Олёша, и за умъ
хватиться. — Люди добрые, изъ твоихъ-то
товарищей, ужъ нѣкоторые и дѣтокъ имѣ-
ютъ, а ты и пахать не умѣешь». Олёша на
другой день и поѣхалъ пахать, а день-то
былъ такой жаркой, что оводовъ и комаровъ

гибель наслѣла на сго и на лошадь. Онъ и давай ихъ бить, да и пробилъ весь день. Подъ вечеръ онъ сталъ ихъ считать: считалъ, считалъ да и сосчитать не могъ. Пріѣхалъ домой, ужъ темно было, да и говоритъ отцу: «Ужъ я тебѣ не пахарь да и не кормилецъ, а наживай-ко хлѣбъ-то самъ! Я поѣду свѣта посмотрѣть, да себя показать: у меня сила богатырская—поѣду да потѣшуся, да еще дайте мнѣ эту клячу». Отецъ видитъ, что *и взиболъ* *) отъ него не хлѣбъ, взялъ да и отпустилъ. Олѣна взялъ косу да топоръ да толокна мѣшокъ, да на клячу рогожу накинулъ, да сѣлъ и поѣхалъ. У кого-то онъ слыхалъ, что богатыри-то ѣздятъ, такъ записочки за собой кидаютъ;—и онъ тоже вынялъ лоскутокъ бумаги да и пишетъ: «Ѣдетъ сильный и могучій богатырь Олѣна».... да и задумался, какую дать себѣ фамплію: онъ не зналъ, какъ прозывался отецъ да и онъ самъ: смотрѣлъ, смотрѣлъ да увидѣлъ, что балахонъ у него разорванъ, и сквозь его видно пузо: вотъ онъ и написалъ: «Олена Голопузой». «Я, Олена Голопузой, въ одинъ часъ и въ одну минуту три тьмы, три тысячи богатырей (за богатырей-то онъ прпнялъ оводовъ) избивалъ, а мелкой силы (т. е. монекъ) и смѣты нѣтъ.

---

*) Въ самомъ дѣлѣ.

Такъ вамъ сильнымъ и могучимъ богатырямъ отъ меня, Олени Голопузого, взадъ ѣхать—не уѣхать, и впередъ ѣхать—не уѣхать; а лучше мнѣ, Оленѣ Голопузому, въ ясныя очи показаться». Написалъ да и бросилъ. Вотъ ѣдетъ за нимъ настоящей богатырь и видитъ, что лежитъ записочка, сошелъ съ коня, поднялъ и читаетъ: «Ѣдетъ сильный и могучій богатырь Олена Голопузой. Я, Олена Голопузой, въ одинъ часъ и въ одну минуту три тьмы, три тысячи богатырей избивалъ, а мелкой силы и смѣты нѣтъ. Такъ вамъ, сильнымъ и могучимъ богатырямъ отъ меня, Олени Голопузаго, взадъ ѣхать—не уѣхать, и впередъ ѣхать—не уѣхать; а лучше мнѣ Оленѣ Голопузому, въ ясныя очи показаться». —Какой это думаетъ онъ, такой богатырь? Я, кажись, всѣхъ сильныхъ и могучихъ богатырей знаю, а такого не слыхалъ; да и это бы ничего, а онъ такъ еще похваляется, что, вишь, сильнымъ и могучимъ богатырямъ отъ меня, Олени Голопузаго, взадъ ѣхать не уѣхать и впередъ ѣхать не уѣхать, а лучше мнѣ, Оленѣ Голопузому, въ ясныя очи показаться?». Хорошо, поѣду. А самъ вынулъ лоскутокъ бумаги и написалъ: «Ѣдетъ въ Царство Царя Коцея сильный и могучій богатырь Иванъ сынъ царской. Я, Иванъ

сынъ царской, въ одинъ часъ и въ одну минуту могъ избить столько силы, сколько есть на днѣ моря камешковъ». Вотъ ѣдетъ и скачетъ онъ за Олешей и видитъ, что ѣдетъ такой хухлякъ съ косою да съ топоромъ, что и за богатыря не принялъ и хотѣлъ проскакать мимо, а Олеша и кричитъ ему: «И потише можешь ѣхать-то!»—Иванъ сынъ Царской подѣхалъ къ Олешѣ и говоритъ: «Ты ли сильный и могучій богатырь Олеша Голопузой?» «Извѣстно, что я», говоритъ Олеша: «а многоли ты можешь убить силы въ одинъ часъ и въ одну минуту и куда теперь ѣдешь?» «Я, говоритъ, Иванъ сынъ Царской: ѣду теперь въ царство сильного и могучаго царя Кащея, а силы въ одинъ часъ и въ одну минуту могу избить столько, сколько есть камешковъ на днѣ моря».—«Ну, намъ такіе люди и надобны: поѣзжай рядомъ».—А для Ивана сына Царскаго это было сущее наказаніе, потому что у него конь рвался, а у Олешы кляча еле-еле двигалась.

Вотъ ѣхали они близко ли—далеко ли; низко ли—высоко ли:—скоро сказка сказывается, а не скоро дѣло дѣлается. Вотъ ѣдетъ другой богатырь и видитъ двѣ записочки; поднялъ и читаетъ: (на одной) «ѣдетъ въ царство сильного и могучаго царя Кащея

сильный и могучий богатырь Иванъ сынъ царской. Я, Иванъ сынъ царской, въ одинъ часъ и въ одну минуту могу избить столько силы сколько есть камешковъ на днѣ морскомъ»; (на другой): «Ѣдетъ сильный и могучий богатырь Олеша Голопузой. Я, Олеша Голопузой, въ одинъ часъ и въ одну минуту три тьмы три тысячи богатырей избивалъ, а мелкой силы и смѣты нѣтъ. Такъ вамъ, сильнымъ и могучимъ богатырямъ, отъ меня Олѣши Голопузого, взадъ ѣхать—не уѣхать, и впередъ ѣхать—не уѣхать; а лучше мнѣ, Олешѣ Голопузому, въ ясныя очи показаться».—Какъ это, говоритъ Илья Королевичъ (это былъ онъ): Я всѣхъ сильныхъ и могучихъ богатырей и Ивана сына Царскаго знаю, а этого не слыхалъ; да и это бы ничего, а онъ такъ похваляется, что «вамъ сильнымъ и могучимъ богатырямъ отъ меня, Олѣши Голопузого, взадъ ѣхать не уѣхать, и впередъ ѣхать не уѣхать; а лучше мнѣ, Олешѣ Голопузому, въ ясныя очи показаться». Хорошо, поѣду.—А самъ вынялъ лоскутокъ бумаги и написалъ: «Ѣдетъ въ царство сильного и могучаго царя Кащея сильный и могучий богатырь Илья Королевичъ. Я, Илья Королевичъ, въ одинъ часъ и въ одну минуту могу избить столько силы, сколько есть листочковъ въ лѣсѣ».

Написалъ да и бросилъ, а самъ поскакалъ за Олёшей. Вотъ слышитъ Олёша, что скачетъ кто-то, и говоритъ Ивану сыну царскому: «Скажи чтобы тише ѣхалъ-то». Иванъ сынъ царской остановился и говоритъ: «Тише, тише. Это сильный и могучій богатырь Олёша Голопузой». Илья Королевичъ подъѣхалъ къ Олёнѣ и говоритъ: «Здравствуй, сильный и могучій богатырь Олёша Голопузой!»—Здорово, говоритъ Олёша: много ли ты можешь въ одинъ часъ и въ одну минуту избить силы и куда теперь ѣдешь?», «Я ѣду, говоритъ Илья Королевичъ, въ царство сильного и могучаго (богатыря) царя Кащея, а силы въ одинъ часъ и въ одну минуту могу избить столько, сколько есть листочковъ въ дѣсѣ».—«Ну, говоритъ Олёша, намъ такіе люди и надобны: поѣзжай рядомъ». Вотъ они ѣдутъ (да записочки подкидываютъ), близко ли—далеко ли, низко ли—высоко ли: скоро сказывается, да не скоро дѣло дѣлается.—Вотъ ѣдетъ еще богатырь Данило Бѣлой, и видитъ—лежатъ три записочки, сошелъ съ коня и читаетъ: (на одной) «ѣдетъ въ царство сильного и могучаго Царя Кащея сильный и могучій богатырь Иванъ сынъ Царской. Я, Иванъ сынъ Царской, въ одинъ часъ и въ одну минуту могу избить силы столько, сколько

есть камешковъ на днѣ моря». (На другой): «Бдетъ въ царство сильнаго и могучаго Царя Кащея сильный и могучій богатырь Илья Королевичъ, могу въ одинъ часъ и въ одну минуту избить силы столько, сколько есть листковъ въ лѣсѣ». (На третьей): Бдетъ сильный и могучій богатырь Олёша Голопузой, въ одинъ часъ и въ одну минуту три тмы три тысячи богатырей избивалъ, а мелкой силы и смѣты нѣтъ. Такъ вамъ, сильнымъ и могучимъ богатырямъ, отъ меня Олёши Голопузого, взадъ ѣхать, не уѣхать, и впередъ ѣхать, не уѣхать, а лучше мнѣ, Олѣшѣ Голопузому, въ ясныя очи показаться.— «Какъ», говоритъ Данило Бѣлой: «Я всѣхъ сильныхъ и могучихъ богатырей знаю, а этого не слыхалъ; да и это бы ничего, а онъ еще такъ похваляется, что «вамъ сильнымъ и могучимъ богатырямъ отъ меня, Олёши Голопузого, взадъ ѣхать, не уѣхать, и впередъ ѣхать, не уѣхать, а лучше мнѣ, Олѣшѣ Голопузому, въ ясныя очи показаться». Ну, такъ и быть—поѣду да посмотрю, что это за птица такая». Вотъ слышитъ Олёша, что кто-то скачетъ, и говоритъ Илѣ Королевичу: «скажи, чтобы ѣхалъ-то по тише!». Илья Королевичъ остановился и говоритъ: „Тише, тише—это сильный и могучій богатырь Олёша Голопузой“. Данило

Бѣлый подѣхалъ къ Олѣнѣ и говоритъ: „Здравствуй сильный и могучій богатырь Олѣна Голоцузой!“ — „Здорово, здорово“, говоритъ Олѣна: „а сколько ты можешь въ одинъ часъ и въ одну минуту избить силы и куда теперь ѣдешь?“ — „Я ѣду въ царство сильного и могучаго царя Кащея, а силы въ одинъ часъ и въ одну минуту могу избить столько, сколько есть песку по краямъ моря“. „Ну, говоритъ Олѣна: намъ такіе люди и надобны, поѣзжай рядомъ“. Вотъ они ѣхали близко ли—далеко ли, низко ли—высоко ли: скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается,—и наконецъ пріѣхали они на луга царскіе, раскинули шатры бѣлополотнянныя, выставили на нихъ флаги шелковые, а Олѣна раскинулъ рогозку да и повалился. Тѣ богатыри насыпали своимъ конямъ пшена бѣлосраго, налили сыты медовыя, а Олѣна спустилъ свою клячу на Божью волю; а она тѣхъ коней и обѣла, да богатыри и прекословить ему не посмѣли. На другой день начали они кличь кликать, а у Царя Кащея дочь просить; а если Царь Кащей имъ откажетъ, такъ грозили войско прибить, царство разорить, а дочь силою взять. А лишь только увидѣли, что выходитъ войско изъ города, и пошли къ Олѣнѣ и говорятъ: „Скажи, сильный и могучій богатырь Олѣна

Голопузой: самъ ли ты пойдешь противъ войска или намъ велишь?“—„Пусть идетъ меньшей братъ, сказалъ Олѣша. Не прошло и часу, какъ прѣзжаетъ меньшей братъ (Иванъ сынъ Царской) и привозитъ на копѣхъ голову воеводы и говоритъ: „Ни одной души не осталось на полѣ сраженья и дерзкую голову воеводы къ ногамъ твоимъ я привезъ“.—„Ну, говоритъ Олѣша: ты достоинъ чести—спасибо!“ На другой день они опять выѣхали прежній кличъ кликать, и лишь только увидѣли, что выходитъ изъ города войско, поѣхали въ шатры къ Олѣшѣ и говорятъ: „скажи намъ, сильный и могучій богатырь Олѣша Голопузой: самъ ли ты поѣдешь противъ войска, или которому либо изъ насъ прикажешь?“ „Пусть, говоритъ Олѣша, ѣдетъ средній братъ“.—Не прошло и полуторыхъ часовъ, какъ прѣхалъ средній братъ (Илья Королевичъ), привезъ на копѣхъ голову воеводы и говоритъ: ни одной души не осталось на полѣ сраженья и дерзкую голову воеводы къ твоимъ ногамъ я привезъ“.—„Ну, говоритъ Олѣша: и ты достоинъ чести;—спасибо!“ На третій день Царь Кащей вывелъ противъ нихъ всё войско—сколько осталось, и лишь только это увидѣли богатыри, пришли къ Олѣшѣ и говорятъ: „Скажи намъ, сильный и могучій

богатырь Олёша Голопузой, самъ ли ты поѣдешь противъ войска, или которому либо изъ насъ прикажешь?“—„Пусть, говоритъ Олёша, ѣдетъ старшій братъ“. Не успѣли тѣ богатыри ничего сдѣлать, какъ пріѣхалъ старшій братъ (Данило Бѣлой), привезъ голову полководца и говоритъ: „ни одной души не осталось на полѣ сраженья и держкую голову воеводы къ ногамъ твоимъ я привезъ“.—„Ну, спасибо, говоритъ Олёша“. Вотъ видитъ Царь Кащей, что бѣда приходитъ и посылаетъ гонца къ сыну Демьяну Кащеничу, что пріѣхали подъ его царство четыре богатыря, и войско, сколько было въ царствѣ, все прибили „и хотятъ царство мое разорить и сестру твою силою взять“. Демьянъ-то Кащеничъ былъ 12-ти лѣтъ, а ростомъ 12-ти сажень, а толщиною 6-ть сажень; онъ ѣздилъ на волшебномъ конѣ и бился съ сильнымъ и могучимъ царемъ Далматомъ.—Царь Далматъ и самъ-то былъ богатырь, да и въ царствѣ у него было до ста тысячъ богатырей, и онъ хотѣлъ взять за себя сестру Демьяна Кащенча, прекрасную царевну Елену Кащесовну. Демьянъ Кащеничъ въ недѣлю проскакалъ три тысячи верстъ и началъ по чистому полю разѣзжать и тѣхъ богатырей на битву вызывать. Богатыри и говорятъ между собою: „Ну,

если самъ Олѣша Голопузой не поѣдетъ, то намъ тутъ вѣрная смерть“. Однако ослушаться не смѣли и пришли къ Оленѣ и говорятъ: „Скажи намъ, сильный и могучій богатырь Олѣша Голопузой, самъ ли ты пойдешь противъ Демьяна Каценча, или изъ насъ кому либо прикажешь?“—А что, развѣ я своей очереди не знаю“, говоритъ Олѣша! Вотъ выѣхалъ Олѣша противъ Демьяна Каценча съ косою да съ топоромъ и думаетъ: „Однако смерть такъ смерть: пусть отсѣкутъ мнѣ голову, и концы въ воду“. А богатыри одинъ за другимъ и уѣхали: такъ испугались Демьяна Каценча. Вотъ какъ сталъ Олѣша съѣзжаться да и думаетъ: „Дайко голову-то я наклоню: такъ хоть не увижу, какъ отсѣкутъ ее! Сдумано—сдѣлано; а Демьянъ-то Каценчъ думалъ, что это какая либо рыцарская хитрость, да повалился да и заснулъ. Вотъ Олѣша и думаетъ, что долго богатырь-то головы не сѣчетъ: дайко взгляну;—взглянулъ, а Демьянъ-то Каценчъ спитъ. Олѣша сошелъ съ лошади да и давай по шеѣ пилить косою: коса не беретъ,—давай топоромъ, и топоръ не беретъ. Что дѣлать?—Подошелъ онъ къ Демьяну, а у него мечъ-то закинуть за спину, да такъ и заснулъ. Вотъ Олѣша (привязалъ) кой-какъ, приподнялъ мечъ да и спустилъ

на шею, а голова-то и покати́лась. Олеша привязалъ ее за волосы къ хвосту клячи, а та и ни съ мѣста. Вотъ онъ вкарабкался кой-какъ на лошадь богатырскую ѣхать къ богатырямъ: посмотреть, а тамъ и мѣсто чисто; поворотился да и поскакалъ въ городъ, тамъ царь Кащей встрѣтилъ его съ честію и славою, одѣли его какъ красную дѣвицу, а Демьяна похоронили тоже съ честію. У Царя Кащея не пиво варить, не вино курить, а честнымъ пиркомъ и за свадебку! Вотъ прошло послѣ свадьбы почти три года. Въ одно утро встаетъ Царь Кащей и смотритъ, а на его лугахъ царскихъ раскинуты шатры бѣлополотнянные, а на тѣхъ шатрахъ бѣлополотнянныхъ выкинутъ флагъ сильнаго царя Далмата! Царь Далмать лишь только услышалъ, что Демьянъ Кащенчъ убитъ, и пошелъ войной на царя Кащея. Царь Кащей не успѣлъ еще отойти отъ окна, какъ выѣхали изъ шатра три могучихъ богатыря и стали они кличь кликать и царя Кащея на бой вызывать; а если царь къ нимъ не выйдетъ, то они его царство разорятъ, а прекрасную царевну Елену Кащеевну силомъ возьмутъ“. Вотъ царь Кащей и говоритъ Оленѣ: „Зять мой любезный! ты прибилъ у меня все войско и сына моего Демьяна убилъ; такъ вся теперь надеждау

меня на тебя: самъ ты защищай и жену свою и царство; а если ты враговъ прибъеши, я тебѣ и царство сдамъ, однако и голова моя стара стала“.

„Вотъ тебѣ, матушка, и Юрьевъ день“, думаетъ Олеша: „однако ужъ двухъ смертей не будетъ, а одной не миновать, а я еще вотъ,—что сдѣлаю: не далеко отъ города, на дорогѣ къ лугамъ, есть дубъ, такъ велю на этотъ дубъ придѣлать шелковую петлю, да такую крѣпкую, чтобы скорѣе дубъ сломился, чѣмъ она сорвалась, а какъ поѣду къ лугамъ-то, такъ и суну голову-то въ петлю; хоть стыда меньше будетъ; а пусть тамъ надъ мертвымъ хоть что дѣлаютъ“. Какъ задумано, такъ и сдѣлано. Вотъ и выѣхалъ Олеша да и сталъ править къ самому этому дубу, да вмѣсто себя-то и заправилъ въ петлю коня. Конь-то былъ такой сильный, что и вырвалъ дубъ со всѣми кореньями, да и побѣжалъ по войску, да куда прибѣжить—тутъ и улица, а повернетъ—тамъ переулочъ, и наконецъ притопталъ и придавилъ до одного человѣка. Вотъ царь Кащей такъ этому обрадовался, что въ тотъ же день и сдалъ ему свое царство. А Олеша такъ этимъ удивилъ своихъ сосѣдей, что во всю жизнь свою ни съ кѣмъ не воевалъ (т. е. никто не смѣлъ съ нимъ воевать). А

нанѣ сильный и могучій Царь Олеша привезъ къ себѣ отца и сталъ жить да быть.

И тамъ былъ, медъ и пиво пилъ: пивото тепло, но губамъ текло, а въ ротъ не попало.

(Сообщено г. Барсовымъ.)

XXXXIII.

Два брата или Судья.*)

или два брата, одинъ богатой, другой бѣдной, у бѣдново и лошадки нѣтъ, а надо ѣхать по дрова. Приходитъ онъ къ богатому брату и говоритъ: «пожалуста, братъ, дай мнѣ коня по дровця съиздѣть!» «Ты у меня побьешь, сказавъ богатой, а конь у меня сторублевой». «Поццо, храни Богъ, побью». Ну, гытъ, дамъ, ступай, поѣзжай! Такой былъ крутой на словахъ-то. Бѣднякъ выводитъ коня, а безъ хомута; онъ и не сміетъ попросить хомута, думаетъ цо братъ не ровню передумаетъ, не дастъ коня. «Ну, добро, гытъ, у меня хомутъ и свой ес(т)ь». Хомутъ свой не пригодиwсе, малъ; «ну, добро, гытъ, съѣзжу и такъ!» Вывернувъ оглобли

*) См. Живая старина стр. 208.

изъ дровень¹⁾), привязавъ коня хвостомъ къ стужню²⁾), поѣхавъ за дровами. Возъ наклавъ огромной. И случилось ему ѣхать мимо братава дому, онъ припасивсе, що безъ хомута идетъ, пригрозивъ лошади, щобы скоряя проѣхать, а лошадь взбѣсилась да прямо во дворъ, а тутъ была подворотница высокая, возомъ захватило, хвостъ и оторвавъ у коня. Вотъ тутъ онъ (бѣднякъ) и заревѣвъ, пошибъ коня. Свелъ коня къ брату во дворъ, поставивъ въ конюшню и приходитъ въ избу. Братъ и спрашиваетъ его: «що съиздивъ по дрова?»—«Съиздивъ, гытъ. «Все-ли ладно?»—«А не больно ладно:—хвостъ у коня оторвалъ!» Ахъ, ты такой-сякой, закричавъ богатой братъ, я тебя на судъ поведу, къ Судьѣ. Вотъ онъ и отправились, въ дорогу, къ судьѣ, привернули почевать къ богатому человѣку—богатой къ богатому ужъ завсегда!—хозяинъ составилъ для ёво самоваръ, а бѣдной улезъ на печку. Вотъ онъ завели разговоръ: «куды, землякъ, пошовъ?» спрашиваетъ хозяинъ. «Да вотъ, гытъ, братъ оторвавъ у моего коня хвостъ, такъ веду на судъ». «Да не у хорошова-то-ли коня?» говоритъ хозяинъ. «У хорошова отвицѣетъ богатой братъ».

---

¹⁾ Дровни—сани для возки дровъ.

²⁾ Стужень—передняя часть саней.

«Эку бѣду-то! Судятъ за это ево стануть строго, сказали хозѣинъ.

Бѣдной братъ на печѣ лежитъ да слушаетъ ихъ разговоръ; выслушавъ и думаетъ: «не предамсе суду живой, съ воронця зашибусь о полъ». Вотъ онъ залезъ на воронецъ и только гнетъ*) на полъ! А раньше хозяйка постелю ус(т)лала подъ воронецъ и съ малюткой спать легла; онъ и угадавъ на малютку, ушибъ до смерти, а самъ не ушибсе, мягко было. Хозяйка заревѣла, що малютку зашибъ, объяснила хозѣину; вотъ и тотъ пошовъ на судъ, надо бѣдняка засудить. Идутъ на судъ уже троємъ. Подходятъ къ рикѣ, виновной и думаетъ опѣтъ: «зашибусь съ мосту о ледъ, а не предамсе суду живой». Въ то время сынъ отца волокъ на чункахъ изъ бани и только що выволокъ изъ-подъ мосту, а бѣднякъ съ мосту нищо гнетъ, да прямо на старика! Убилъ ево до смерти, а самъ живъ оставсе. Вотъ и сынъ старика пошовъ на судъ. Идутъ къ судѣ ужъ три просителя на одново виновника. Бѣднякъ дорогою взявъ преболынущей камень, сунувъ ево за пазуху и думаетъ, що не дамсе живой въ

---

*) Гнетъ—отъ слова: гнѣтъ, тяжесть, и какъ тяжесть, быстро падаетъ, такъ и слово „гнетъ“ показываетъ быстроту паденія.

руки, осудить судья, такъ убью и судью, и себя, все одно, гыть.

Пришли къ судѣ; вотъ судья и начавъ ихъ судить; спрашиваетъ первово—брата: «ну, що такое сдѣлавъ у тебя братъ?» Братъ сказавъ, што оторвавъ у коня хвостъ, опозоривъ коня. Судья взглянувъ на бѣдняка, а тотъ и поколотивъ у себя за пазуху да и думаетъ: що только осуди—зашибу! Камень-то бывъ большой, пазуха такъ и отгопырилась. Судья, увидя это, подумавъ, што бумажникъ съ деньгамъ у ево за пазухой, взятку сулитъ; вотъ онъ и рѣшивъ: «ты, гыть, отдай ему коня-то пусть онъ издить, пока не вырастетъ у коня хвостъ, а какъ вырастетъ, такъ и возьми назадъ!» Богатой братъ только голову почесавъ. Другой опять жалуется: «у меня, гыть, малютку убивъ». Бѣднякъ опѣтъ похлопавъ у себя за пазуху. Судья и говоритъ жалобщику: «отдай ты ему жону и пусть онъ держить ее пока не родить ребенка, а какъ родить, такъ ты съ ребенкомъ-то втупоръ и уведи къ себѣ». Такъ и это дѣло рѣшивъ, ни чево бѣдняку не было. Вотъ третій жалуется, що отця убивъ. Бѣднякъ опѣтъ похлопаетъ о пазуху. Судья сказавъ жалобщику: «вотъ, братецъ, ты самъ виновникъ; волокешь отця но подмосту, подъ большой

дорогой, мостовина валилась (бы) и отца убила бы... Ты видно такъ и ладилъ старика-то?» Обсудивъ судья жалобника четвертнымъ штрафу. Роспустивъ судья просителей и подходитъ къ виновному: а що, гыть, посуленное-то! а самъ хлопаетъ себя о пазуху. Бѣднякъ вынимаетъ изъ-за пазухи камнищю: «вотъ, гыть, ваше благородье, кабы ты меня обсудивъ, такъ бы и зашибъ тебя камнемъ!» Перекрестивсе судья: «слава Богу, гыть, хоть я тебя-то не обсудивъ!...

Такъ бѣдняку нечево и не было.

(Записано А. Шустиковымъ).

XXXXIV.

Сказка, какъ старикъ богатый взбѣсился на молодой Дарья женился, какъ Дарья имъ мудрила, себѣ обновъ накупила, бороду ему ощипала, старыя кости потрепала и какъ его похоронила, молодого мужа нажила.

Дилъ былъ старичекъ,
Богатый мужичекъ;
Отъ роду женатъ не былъ,
За монаха въ деревнѣ слылъ.
Вдругъ бѣда приключилась,
Дарья дѣвка полюбила.
Собою красива,
И толста на диво.
Старикъ взбѣсился,
На Дарьѣ женился.
Приданого не просилъ,
Его на свои деньги нанялъ.
Вотъ какъ закутилъ,
Всю деревню удивилъ.
Самъ едва бродить,
А жену молодую нажилъ.
Дарья его цѣлуетъ,
Словно молодого милуетъ.
Старикъ такъ и таетъ,
Старость забываетъ.
Съ мѣсяцъ дарья его цѣловала.
Во всемъ мужу угождала.

Потомъ стала бѣситься.
Захотѣла рядиться,
На мужа стала кричать.
Его всячески ругать.
Имъ повелѣваетъ,
А мужъ обнови покушаетъ,
Женѣ хочетъ угодить,
Обновами ее прельститъ,
Какъ обнову получаетъ,
Жена мужа цѣлуетъ.
А недѣля пройдетъ,
То опять заоретъ,
Давай кричитъ другую,
Шубейку шелковую.
Старикъ разъ отказалъ,
За то и пострадалъ.
Дарья на него напала,
Всю бороду исщипала,
Кости старья потрепала,
И всежъ на своемъ настояла.
Обнову себѣ купила,
Да и дружка нажила.
Старикъ видитъ нѣтъ ласки,
Не въ свои сѣлъ салазки.
Сталъ горевать,
Сильно тосковать,
На постель свалился,
И съ свѣтомъ простился.
Жена перекрестилася,

Бѣжать къ сундуку пустилася.
Деньги обобрала,
Дружку отдала.
Мужа похоронила,
Отъ любви повыла.
Деревня вся удивилась
Какъ она выть ухитрилася.
Шесть недѣль проплясала,
И собираться замужъ стала.
Съ дружкой повѣнчалася,
Съ деньгами наслаждалася.
Старого мужа поминала,
Дуракомъ его называла.
Наднимъ смѣялася,
Молодымъ мужемъ любовалася.

Старики смотрите,
Себя берегите,
Съ ума не сходите,
Старость не смѣшите.
Прежде не женились;
На невѣсть не льстились;
А теперь ужъ поздно,
Вамъ молиться должно.

XXXXV.

Сказка о томъ: какъ прикащики хозяевамъ угождаютъ, рубли за сапогъ опускаютъ, а гривны въ ящикъ оставляютъ, тѣмъ сатану утѣшаютъ; на хозяйскіе деньги лавки открываютъ и сами ужъ прикащиковъ нанимаютъ.

отъ полюбуйтесь,
Прикащикамъ подивуйтесь,
Онъ вѣдь мальчишка;
За прилавкамъ какъ мышка;
Рукой виляетъ,
Въ ящикъ конастъ.
Хозяину хочетъ угодить.
Себѣ карманъ понабить.
Чертъ ему помогаетъ.
Украсть больше заставляютъ,
Деньгами соблазняютъ,
Его душу утѣшаютъ.
Хотятъ добычу получить
Его въ адъ пригнать.
Вотъ ужъ онъ имъ угождаетъ
Гривны въ ящикъ оставляетъ
А девять за сапогъ опускаетъ
Видно, что малый смирный,
Недовольствуется гривной,
Хозяину се предоставляетъ
А себѣ только девять оставляетъ

Разсчетъ вѣрный ведетъ,
Хоть какой балансъ сведетъ
Да и нельзя несвѣсть,
Черти надъ рукой есть
А хозяинъ не догадается,
Что онъ такъ старается:
Видно что добрый попался,
Другимъ дѣломъ занялся,
А то бы награду далъ,
Въ шею прогналъ.
Теперь пожалуй гони,
Ужъ полны сапоги.
По міру не поидетъ,
А самъ лавку заведетъ.
Да такъ и случилось,
На площади открылась.
Самъ ужъ хозяинъ сталъ,
И носъ задиралъ.
Хочетъ богачемъ быть,
Незнаетъ какъ товаръ сбыть;
Дешевле всѣхъ продаетъ,
Да долголь такъ проживетъ;
Вотъ этаго незнаю,
А въ умѣ помышляю,—
Чай скоро въ трубу укатитъ,
Кредиторовъ удивитъ.
Картина ужъ есть.
Чуть-ли не его тестъ.
Такъ отличился,

На картинкѣ явился,
Кредиторамъ кланяется
Улетѣть старается.
Будетъ это съ нимъ, аль нѣтъ,
Утверждать мнѣ не слѣдъ,
Я только помышляю.
А будущаго не знаю.
Только деньга такъ нажитые,
Ужъ больно удалые,
Какъ въ руку легко попадаютъ
Такъ легко и улетаютъ.
Другимъ впрочемъ удаются,
До старости ведутся,
Можетъ и съ нимъ это случ-
чаться.

Коль скоро свалится,
А какъ долго проживетъ,
То добра не наживетъ.—
Пойдетъ топиться,
Аль на чердакъ давиться.—

На эту картину смотрите.
Себя берегите,
Деньги не воруйте,
Нѣтъ ихъ не горюйте.
Сами добывайте.
Честно промышляйте.
Копѣйка трудовая
Честно добытая.

Всегда'будеть прочнѣй,
Чужихъ тысячъ вѣрнѣй.
Съ ней честь не страдаетъ
И совѣсть не упрекаетъ
При ней жить пріятно
И умереть отраднo.

XXXXVI.

Сказка о мужикѣ—Воинѣ. *)

Нѣхалъ мужикъ рѣпы пахать. И наѣло на его лошадь много комаровъ, оводовъ, бучней и мухъ. Онъ какъ махнетъ мѣшкомъ, то нѣсколько головъ сразу убьетъ. И говоритъ мужикъ самъ себѣ: «Что мнѣ-ка рѣпу пахать, какъ я нѣсколько головъ сразу убиваю? Такъ лучше я поѣду домой. и пойду въ чистое поле къ старцу—монаху лука просить. Прійдя къ старцу, спросилъ у дверей его кельи: «Отче святыи, дома ли ты?»—Дома,—отвѣчалъ старикъ. Что тебѣ нужно, мужичекъ?—

«То нужно, что я съѣхавши рѣпу пахать, нѣсколько головъ сразу побилъ, то

*) См. нѣсни П. Н. Рыбникова.

къ тебѣ пришелъ лука просить: хочу идти въ чистое поле поляковать».

— Не дамъ я тебѣ лука, отвѣчалъ старецъ; а послушай, я тебѣ сказку скажу. тогда и лука дамъ.—

«Ну такъ сказывай, отче, сказку, когда хочешь сказать; только лука-то дай».

— Слушай же:

«Насъ было сорокъ братьевъ и все разбойники, а я изъ нихъ самый меньшей братъ. И не боялся ихъ сорока человѣкъ, хоть братья-то мои вдвоемъ—втроемъ меня дюжфе. Была у насъ мыза край самой дороги. Разбойничать мы далеко не ходили. И купцы про это все знали, и дарили насъ кто по тысячѣ, а кто по двѣ и больше а у кого подарковъ не случится, тотъ принесетъ намъ покорность, и мы того пропустимъ безъ всякой остановки. Долго ли, коротко ли мы жили въ этой мызѣ, того не помню. И разъ, глядимъ, ѣдетъ старикъ очень старый на двухъ сѣрыхъ коняхъ; онъ не то чтобъ насъ подарить, такъ не снялъ колпака и не хотѣлъ даже на нашу мызу взглянуть. Тогда, какъ я, меньшей братъ, былъ у нихъ, большихъ братьевъ, на посылкахъ, то братья меня и послали воротить этого старика взадъ, за то что онъ не хотѣлъ даже поглядѣть на мызу и рожи даже

не поворотилъ.—«Воротить его назадъ»—приказывали они мнѣ. Я побѣжалъ въ ту сторону, куда старикъ проѣхалъ. Догналъ старика и говорю ему: «Ахъ ты, старый чортъ! воротись назадъ, не то бѣда тебѣ будетъ». Старикъ мнѣ и говоритъ:—Дарить у меня васъ нечѣмъ.—«Не мое дѣло, сказалъ я, поди, братьямъ отвѣчай самъ, а я спустить тебя не могу». И онъ со мной воротился. Приходимъ въ нашу мызу, братья на старика закричали: «Ахъ ты, старый чортъ! ты не то чтобы подарить насъ, такъ не хотѣлъ колнака прикривить, такъ складывай намъ деньги».—«Что, кормильцы, складывать, у меня денегъ нѣтъ, то вѣдаете вы. —«Ну, старый чертъ, крикнуть братья, складывай, не то тебя жива не спустимъ. Старикъ стоитъ на своемъ:— у него-де есть въ карманѣ одинъ сгибенекъ; его, пожалуй, подарить, а больше дарить нечѣмъ.—И вдругъ, показавши сгибенекъ, махнулъ въ одну сторону и попалъ въ одного брата, а а отъ того еще девять убилъ, потомъ махнулъ въ другую сторону—въ другаго брата, и за нимъ тоже отъ него девять убилося; такъ и въ третью сторону махнулъ и тоже десятерыхъ убилъ; и въ четвертую сторону махнулъ и тоже девять человекъ убилъ. А я положилъ завѣтъ уйти въ монахи, лишь

бы остаться живымъ, и свалился между мертвыми въ то время, когда старикъ убивалъ третій десятокъ. Старикъ такъ со сгибнемъ пошелъ—сѣлъ на своихъ коней и поѣхалъ, куда ему надо, оставилъ насъ лежучимъ. Я въ это время не смѣлъ даже и пошевелиться, лежу между братьями. Наконецъ слышу, старикъ уѣхалъ; всталъ я и оглядѣлся кругомъ. При мнѣ была здоровая дубинка. Взяло меня горе, и я побѣжалъ за старикомъ съ тѣмъ, чтобы убить его. Вотъ и догоняю его, и догналъ уже, и лишь только хочу его ударить, да какъ одумаюсь, что если не убить его, то онъ меня убьетъ, и такъ отойду, и иду надзоромъ сзади. Опять побѣгу, и опять раздумаюсь. Наконецъ положилъ себѣ въ душѣ такое мнѣніе: «лучше идти мнѣ за старикомъ, и гдѣ остановится, тамъ убить его: наняться въ работники къ кому нибудь и выжидать удобнаго случая, когдабъ удобнѣе убить старика». Съ тѣмъ пошелъ я за нимъ, однако ему не показываюсь, потому что онъ меня въ лицо зналъ. Старикъ этотъ пріѣхалъ въ Московское царство и воротить прямо къ дому своему. Кругомъ дома его обнесенъ высокій, прочный тынъ, а ворота рѣшетчатая желѣзные. Подѣхавши къ дому, старикъ отворилъ самъ своими руками

ворота, поддынулъ ихъ къ верху, и лошади прошли въ нихъ свободно. Я въ это время остался за тыномъ. Прошло порядочно времени, и я, подошедши къ воротамъ, сталъ ихъ дубинкою отпирать и не могъ даже нѣсколько поднять; а старикъ рукой поднялъ. Отошелъ я и сталъ ходить около воротъ и тына,—перетаптываясь съ мѣста на мѣсто. Старикъ меня увидалъ, что хожу около воротъ, вышелъ, поднялъ одной рукой эти ворота, и они отворились. Онъ мнѣ и говоритъ: «Что молодецъ тончешься до позда? хочешь обокрасть, что ли?».—И, говоря, не воровать пришелъ, а наняться въ работники хочу куда нибудь и служить, да не смѣю у тебя постучаться.—«А когда не воровать пришелъ, а въ работники найматься, то поди: мнѣ работника надо, и я найму тебя». И я съ нимъ пошелъ въ его домъ».—

Мужикъ выслушалъ это и говоритъ монаху: «Отче! у тебя сказка-то длинная! Я послушалъ, теперь дай лука-то мнѣ. Я пойду съ чистое поле поляковать».

— Ничего, ничего, дружокъ, послушай еще моей сказки. Покуда сказки тебѣ этой не доскажу,—лука не дамъ.—И говоритъ монахъ:—

«Старикъ тотъ провелъ меня въ покои своего дома и приказалъ своимъ дворовымъ

кормить—поить меня и на работу не посылать. Я, говоритъ, нанялъ его въ работники (т. е. меня-то)». Недѣлю живу, другую живу, и третью живу. Меня кормятъ и поятъ, а дѣлать ничего не даютъ. Хозяина въ это время я и въ глаза не видалъ. Комнатъ въ домѣ много. И слышу что въ мастерской рядомъ съ той комнатою, гдѣ я жилъ, зень метлой панутъ. Поглядѣлъ туда а тамъ старенькой и горбатый старичокъ пашетъ зень; взялъ онъ большой чанъ съ кожами и переставилъ на другое мѣсто. Въ этотъ же день молодой работникъ въ этой мастерской говоритъ мнѣ: «Что ты, готовоѣжа, столько ты живешь у насъ, ничего не дѣлаешь, да еще надъ нами надсмѣхаешься. «И однимъ пальцемъ тихонько попихнулъ меня,—я палъ на земь замертво, и послѣ мнѣ сказали, что я три часа лежалъ безъ чувствъ. Послѣ этого я пришелъ въ свой опять покой, и оттуда уже самъ не смѣлъ выйти никуда. Наконецъ пришелъ ко мнѣ самъ хозяинъ и сказалъ: «Работники! ступай за мной». Привелъ онъ меня въ свой покой, въ которомъ стоялъ большой столъ, а на столѣ было наложено всякихъ кушаньевъ и напитковъ много—премного. Въ комнатѣ похаживаетъ молодецъ въ одномъ камзолчикѣ, только мостовники подъ ногами под-

гибаются, самъ и говоритъ: «Что, батюшка, работника этого нанялъ?—Да, дитятко, этого работника. «Ну, коли это работникъ, то садись со мной обѣдать», говоритъ молодецъ и посадилъ меня за столъ. Я сѣлъ на уголокъ, а самъ сѣлъ на другой, а хозяинъ стоитъ и смотритъ на насъ. Стали мы ѣсть. Я ноѣлъ да и не хочу больше, а молодецъ хозяйскій все оплетаетъ. Хозяинъ говоритъ мнѣ: „Что же ты, работникъ, мало ѣшь? Ъшь больше“. Какъ обѣдъ нашъ кончился, молодецъ хозяйскій и я начали одѣваться,—и одѣлись. Потомъ вышли на дворъ и тамъ обсѣдлали и обуздали тѣхъ самыхъ двухъ сѣрушковъ, на которыхъ старикъ около нашей мызы ѣхалъ. Молодецъ на одного сѣрушка сѣлъ, а я на другого сѣсть не могу. Старикъ—хозяинъ взялъ меня, какъ ребенка, посадилъ и ноги ремнями привязалъ: «Ну, говоритъ, теперь не выпадешь». Подошелъ онъ къ воротамъ, одною рукою отворилъ ихъ и выпустилъ насъ за ворота, Хозяинъ мой такъ шибко поѣхалъ на сѣрушкѣ своемъ, за которымъ и мой бѣжалъ сѣрушко, что я рѣшительно ничего не видѣлъ: даже и свѣтъ въ глазахъ потемнѣлъ. Ъхали близко ли—далеко ли, пріѣхали въ чистое поле. Хозяинъ спустился съ сѣрушка своего, развязалъ мнѣ ноги и меня снялъ.

Потомъ раскинулъ бѣлый, полотняный шатеръ и меня туда взять. Тамъ хозяинъ приказалъ мнѣ сойти въ погребъ, открыть дверь и взять тамъ котелъ, налить въ него воды и сварить каши пообѣдать. И я пошелъ въ погребъ, двери кое-какъ отворилъ, а котла я поднять не могъ порожняго не то чтобы въ немъ воды принести. Прихожу къ молодому хозяину и говорю: „Воля твоя, господинъ хозяинъ! Не могу поднять котла“. Хозяинъ и говоритъ: „Одннадцать лѣтъ батюшка нанималъ работниковъ, и всѣ они мнѣ въ дорогѣ кашу варили, а на двѣнадцатый годъ батюшка нанялъ такого работника, что мнѣ надо для него каши сварить“. — Пошелъ самъ, взялъ котелъ, почерпнулъ воды, сварилъ каши и меня накормилъ. Можется спать и наказываетъ мнѣ: „Смотри, работникъ, ты не спи и гляди вотъ въ ту сторону, и когда увидишь, что ѣдетъ молодецъ на сѣромъ конѣ, и стоя стоитъ, и въ гусли играетъ, и пѣсни поетъ, и пляшетъ, и говоритъ: „Хорошъ молодецъ, да не у мѣста спать“,—то ты меня не буди; второй разъ пройдетъ тотъ же молодецъ,—не буди; и въ третій разъ пройдетъ,—не буди. А когда объявится Татаринъ, будто сѣна копъ, на ворономъ конѣ, тогда меня непременно буди, а если не можешь разбу-

дять, то вотъ этимъ сгибнемъ бей меня, говоритъ, въ пяту“.—Сказалъ и заснулъ. Молодецъ на сѣромъ конѣ проѣхалъ всѣ три раза и приговаривалъ: „хорошъ молодецъ да не у мѣста спитъ“. Вотъ ѣдетъ и Татаринъ на ворономъ конѣ. И сталъ хозяина будить и разбудилъ. Онъ и говоритъ: „Поздно-де разбудилъ“. Сталъ сѣдлать коня своего сѣрушка, а мнѣ наказываетъ опять: „Гляди, работникъ! Когда мы съѣдемся и будемъ съѣзжаться первой разъ съ саблями, второй разъ съ палицами, а третій разъ съ коньями,—и если мы падемъ и будемъ лежать,—то гляди: чей конь голову повѣситъ, тому значитъ въ живыхъ не бытъ. И если мой конь будетъ кругомъ ходить, то ты иди мнѣ на помочь; а если мой конь голову повѣситъ, то отправляйся домой и скажи моему батюшкѣ, что меня въ живыхъ нѣтъ“. Вотъ они съѣхались въ первый разъ,—ударилась саблями и другъ друга не ранили, кони ихъ проскочили; съѣхались во второй разъ,—ударилась палицами и тоже не ранили другъ друга; съѣхались въ третій разъ, ударилась коньями вострыми, конья ихъ до рукъ пригибались. И въ это время они соскочили съ коней своихъ, схватились охабкою, и упали они о землю такъ, что земля сколыбалася, и поганый татярище на

верхъ палъ, да тутъ они оба затхнулись, а сѣрушко головушку повѣсилъ, а воронушко вокругъ пошелъ. Я гляжу и думаю: „хозяинъ мой—отецъ этого молодца—убилъ моихъ братьевъ, а непріятель этотъ ничего мнѣ не сдѣлалъ, то пойду и добыю хозяина“. Прихожу къ нимъ и вижу, что они оба лежатъ замертво; а сгибенекъ, которымъ отецъ хозяина убилъ моихъ братьевъ, лежитъ поодаль; я взялъ его, разшаталъ, раскачалъ его и хлопнулъ молодца по лбу, а у него изъ горла кровавый кусокъ выскочилъ, и онъ ожилъ, меня поблагодарилъ и выскочилъ изъ подъ-низу Татарина, взялъ ножище—кинжалище и вонзилъ его въ грудь Татарина,—и пошла съ татарина кровь ручьями: совсѣмъ доубилъ его. Потомъ у меня сталъ спрашивать: „За что я его ударилъ по лбу?“ Я отвѣчалъ ему: „Отецъ твой убилъ моихъ 39 братьевъ; я съ тѣмъ нанялся и въ работники, чтобы за братьевъ кровь отмстить,—и потому ударилъ тебя въ голову. Вотъ сущая моя правда. Прости меня!“—и онъ меня простилъ“.

Мужикъ выслушалъ это и говоритъ монаху: „Отче! сказка твоя длинная. Дай же мнѣ лука. Я пойду домой и стану воевать“.

— Когда дослушаешь мою сказку, тогда и лукъ дамъ.—И монахъ продолжалъ:

„И говоритъ молодецъ:

„По одиннадцатъ лѣтъ ѣздилъ я въ поле и не могъ непріятеля убить, а на двѣнадцатый годъ чрезъ тебя, работникъ, убилъ его“. И возвратились мы съ нимъ въ шатеръ. Онъ меня уже не посылалъ варить кашу, сварилъ самъ и меня накормилъ. Пообѣдавши, легли мы спать; и онъ такъ захрапѣлъ, что меня въ шатрѣ, какъ на морѣ на валахъ, стало шатать. Хозяинъ мой выснался, обѣдмалъ обоихъ сѣрушковъ, посадилъ опять меня и ноги перевязалъ, и сѣлъ самъ, и мы съ нимъ отправились домой. Пріѣхали, и старикъ насъ встрѣтилъ и ворота отворилъ, запустилъ насъ во дворъ отвязалъ меня отъ лошади и пустилъ, а сѣрушковъ убралъ въ конюшни. Хозяева пошли въ свои покои, и я пошелъ въ свой покой. Опять меня по прежнему стали кормить и поить.—¹Чрезъ нѣсколько времени приходитъ ко мнѣ самъ старикъ хозяинъ и говоритъ: „Ну, работникъ, пойдемъ за мной“. И привелъ меня въ тотъ же покой, гдѣ я первый разъ при отъѣздѣ обѣдалъ. Въ покой дѣвица похаживаетъ, только половиченки подгибаются; разодѣтая, красивая, и коса у ней длинная. Сама и говоритъ отцу своему: „Родитель батюшка! одиннадцатъ лѣтъ я ѣздила съ непріятелемъ воевать и теперь

только на двѣнадцатый годъ, прѣхавши съ этимъ работникомъ, на его счастье, я убила непріятеля (въ это время я такъ и остолбенѣла), такъ теперь я за него замужъ выйду: благослови меня!". Я и думаю: „Какая это будетъ мнѣ жена: руку или ногу накинеть, и задавить меня“. Я сказалъ тутъ:—А помнишь ли, хозяинушко, какъ ты на мызѣ-то нашей убилъ сорокъ безъ одного моихъ братьевъ, а я живой между ними палъ и завѣтъ завѣчалъ поступить въ монахи, если останусь живъ; такъ мнѣ за это жениться нельзя.—Она и говоритъ отцу: „Батюшко! Когда я въ полѣ мертвая, то онъ за это твое убійство меня сгинемъ ударилъ по лбу, и у меня выскочилъ кровавый съ горла кусокъ, а чрезъ это, вмѣсто смерти, я получила жизнь, и за его откровенное признаніе его простила и умертвила окончательно Татарина невѣрнаго, то прости его и ты. А если ты, дружокъ,—говоритъ мнѣ не хочешь по завѣту на мнѣ жениться, то не женись, а ступай по своему обѣщанію; и не хвастайся мной, а, что знаешь, того никому и нигдѣ не рассказывай ни въ Москвѣ ни въ Вологдѣ“. За тѣмъ я отъ нихъ ушелъ въ эту келью и теперь даже отъ нихъ получаю по обѣщанію пищу, обувь и одѣтку, и живу въ уединеніи“.

Мужикъ сказалъ старцу монаху: „Ну, отче! сказка теперь у тебя вся“?

— Вся, отвѣчалъ ему монахъ.

„Ну, такъ дай же мнѣ, отче, твоего лука: я пойду въ чистое поле воевать—по-ляковать“.

Монахъ, отпоясавъ ремень отъ себя и, неговоря болѣе мужику ни слова, схватилъ его, положилъ голову межъ ноги и началъ такъ сильно драть, что мужикъ закричалъ дурнымъ матомъ. Монахъ приговариваетъ: „Вотъ тебѣ лукъ, вотъ тебѣ война и полякованье! А лучше поди-ко, да папи рѣну, да хозяйство веди“. Мужикъ, вырвавшись отъ монаха, побѣжалъ домой не оглядываясь и въ безпамятствѣ даже позабылъ свою шапку.

(Отъ кр. дер. Раниной Горы Филимоновск. вол., Анфима Савельева.)

